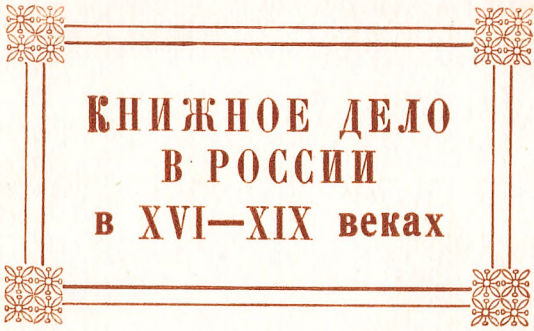

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**КНИЖНОЕ ДЕЛО
В РОССИИ
в XVI—XIX веках**

ЛЕНИНГРАД
1980

Ордена Трудового Красного Знамени
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ
В XVI—XIX ВЕКАХ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ленинград

1980

Редколлегия: *А. А. Зайцева, С. П. Луппов*
(отв. ред.), *Н. А. Никифоровская, Н. Б. Парамонова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник, продолжающий серию аналогичных изданий Библиотеки Академии наук СССР,¹ приурочен к предстоящей 2-й Всесоюзной научной конференции «Книга в России до середины XIX века», которая будет посвящена проблеме «Русские библиотеки и их читатели».

Сборник открывается статьей А. А. Амосова «„Античная“ библиотека Ивана Грозного». Автор подвергает скрупулезному анализу дошедшие до нас известия об этом книжном собрании, состав иностранного фонда которого уже много лет является предметом дискуссии историков книги. А. А. Амосов вносит свою лепту в разрешение этой нелегкой проблемы.

Статья С. П. Луппова посвящена вопросу о репертуаре русской книги первой половины XVIII в. Сообщая о большом числе русских изданий этого времени, не учтенных библиографией, поскольку они не сохранились в фондах библиотек, автор приходит к выводу, что наше теперешнее представление о репертуаре русских книг не отражает истинного положения вещей.

Три статьи сборника касаются состава книжных собраний русских деятелей первой половины XVIII в., примыкавших к кружку Волынского. М. И. Фундаминский на основе сохранившейся в архиве описи дает обзор библиотеки кабинета-секретаря императрицы Анны Иоанновны И. Эйхлера и публикует саму опись. П. И. Хотеев, также используя

¹ Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1965. 340 с.; Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. II. Л., 1970. 344 с.; Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. III. Л., 1973. 496 с.; Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР. Л., 1976. 160 с.; История книги и издательского дела. Л., 1977. 160 с.; Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века. Л., 1979. 171 с.; Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. Л., 1979. 172 с.

архивные описи, составленные чиновниками того времени, восстанавливает подлинные названия некоторых иностранных книг, входивших в состав библиотек А. П. Волюнского, Ф. И. Соймонова и П. И. Мусина-Пушкина. В. С. Астраханский сообщает о книгах В. Н. Татищева, обнаруженных им в библиотеке Ленинградского горного института.

В статьях А. Х. Рафикова, Г. Н. Утина и Н. Ю. Бубнова говорится о книжных собраниях первой половины XVIII в., вошедших в состав фондов Библиотеки Академии наук СССР. А. Х. Рафиков пишет о книгах на арабском языке, которые были приобретены для Библиотеки Академии наук уже в первые годы ее существования, отмечая специфические особенности сохранившихся экземпляров изданий. Г. Н. Утин, используя данные своей научной командировки в Париж в 1978 г., дает обзор интересного собрания русоких рукописных карт первой половины XVIII в., находящегося в архивохранилищах Франции, сопоставляя состав этого собрания с коллекцией рукописных карт того же времени, имеющихся в Библиотеке Академии наук СССР. В статье Н. Ю. Бубнова дается обзор рукописей XV—XX вв. из собрания Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, полученных Библиотекой Академии наук СССР в дар от этой общины.

Новые материалы о книгопечатании и книготорговле в России приводятся в статьях М. В. Истриной, А. А. Зайцевой и Н. Б. Парамоновой. М. В. Истрина сообщает о переводчиках, работавших в Академии наук и принимавших активное участие в подготовке ряда академических изданий XVIII в. В статье А. А. Зайцевой сообщаются новые данные о русских книжных лавках, существовавших в Петербурге на рубеже двух веков — XVIII и XIX. Н. Б. Парамонова дает обзор изданий Казанского университета по ориенталистике первой половины XIX в., отмечая ту огромную роль, которую играл в подготовке этих изданий ректор университета Н. И. Лобачевский.

В статье О. Е. Глаголевой и И. Ф. Маргынова говорится о книгах, принадлежавших К. Ф. Рылееву, хранящихся в Тульской областной библиотеке. Используя сведения о книгах с автографами Рылеева, выявленных в фондах этой библиотеки, авторы восстанавливают новые данные о круте чтения поэта-декабриста.

Несколько особняком стоит в сборнике статья И. Ф. Маргынова и А. Д. Сыщикова о предмете и методе истории книги как комплексной научной дисциплины. Статья является откликом на последнюю публикацию по данной теме,

появившуюся в ФРГ в 1978 г. Авторы статьи с удовлетворением отмечают, что точки зрения советских и западногерманских ученых, касающихся этой важной для книгovedов проблемы, в целом совпадают. В статье отмечаются и отдельные различия в обеих концепциях.

В разделе «Хроника» публикуется краткая информация о всесоюзном совещании археографов, состоявшемся в 1979 г. в Библиотеке Академии наук СССР.

А. А. АМОСОВ

«АНТИЧНАЯ» БИБЛИОТЕКА ИВАНА ГРОЗНОГО

К вопросу о достоверности сохранившихся известий
об иноязычном фонде библиотеки московских государей

I

Вопрос о библиотеке Ивана Грозного имеет давнюю и изрядно запутанную историю. Библиотеку искали на земле и под землей. О библиотеке спорили и продолжают спорить ученые, литераторы, журналисты. О библиотеке писали и продолжают писать на разных уровнях. Проблема поисков библиотеки московских государей имеет не только отвлеченно-познавательное значение, но и практический интерес. В последнее время большой общественный резонанс вызвала попытка американского ученого Э. Кинана доказать подложность сочинений Грозного и Курбского.¹ К сожалению, в советской периодической печати также иногда появляются разного рода сенсационные публикации, связанные с периодом царствования Ивана IV, вплоть до предположений о «его бескнижности».² В этом свете восстановление примерного круга памятников письменности, с которыми мог быть знаком

¹ Keenan Edward L. The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Heneis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbski and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. Из откликов на книгу Э. Кинана см., в частности: Лихачев Д. С. Курбский и Грозный. Были ли они писателями? — Русская литература, 1972, № 4; Кузьмин А. Г. Против спекуляций по поводу переписки Грозного и Курбского. — Вопросы истории, 1973, № 9; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; Лихачев Д. С. Существовали ли произведения Курбского и Грозного? — В кн.: Лихачев Д. С. Великое наследие. Л., 1975, прил. 1.

² См., например, статью М. Волского «Иван Грозный — писатель или сказатель?» (Горьковский рабочий, 1977, 1 авг.). Разбор и оценка «открытый» М. Волского была дана в заметке: Альшиц Д., Лихачев Д. Загляните в букварь, профессор! — Литературная газета, 1977, 21 сент.

Грозный,³ в том числе и возможная реконструкция состава его библиотеки, представляется весьма актуальной проблемой.⁴

Никто и никогда не пытался подвергнуть сомнению наличие у Грозного значительного количества русских книг. Дискуссионным был вопрос о наличии в царской библиотеке сколько-нибудь значительного комплекса рукописей иноязычных, прежде всего греческих и латинских. Именно иноязычную часть библиотеки искали архивисты и археологи. Именно об этом гипотетическом комплексе велись наиболее горячие споры в конце XIX — начале XX столетия.⁵

Сохранилось всего четыре прямых свидетельства о иноязычной, или, как иногда говорят, об «античной», библиотеке московских государей. Первое из них принадлежит Максиму Греку, упоминающему в нескольких фразах одного из своих посланий Василию III о получении от последнего греческих рукописей для перевода. Свидетельство Максима Грека говорит о библиотеке в общей форме и поэтому, вероятно, почти не привлекалось исследователями. Второе известие содержится в Сказании о Максиме Греке, где повествуется об осмотре афонским иноком ее (библиотеки) сокровищ и высказанном им изумлении и восторге. Третье сообщение — рассказ Хроники Франца Ниенштедта об осмотре царской библиотеки дерптским пастором Иоганном Веттерманом, бывшим в России в 1565—1570 гг. и даже получавшим предложения о переводе некоторых книг; рассказ этот был сообщен хронисту самим пастором и его спутниками. Наконец,

³ Попытка создания такого рода свода была предпринята И. Н. Ждановым уже свыше ста лет назад (Жданов И. Н. Сочинения царя Ивана Васильевича. — В кн.: Сочинения И. Н. Жданова, т. 1, Спб., 1904).

⁴ В 30-х гг. нашего столетия над проблемой реконструкции библиотеки Ивана Грозного работал Н. Н. Зарубин. Исследование Н. Н. Зарубина, подготовленное нами к печати и прокомментированное с учетом научных достижений последних десятилетий, принято к выпуску Лен. отделением изд-ва «Наука» («Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание»).

⁵ Из всех гипотез о составе и судьбе библиотеки московских государей, высказанных в ходе дискуссии, наибольшую известность приобрела точка зрения С. А. Белокурова, отрицавшего, как известно, даже возможность существования «античной библиотеки» (см.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898). Исследования и находки последних десятилетий, в частности работы М. Н. Тихомирова, А. А. Зимина и других ученых, позволяют утверждать несостоятельность многих позиций в системе гипотез С. А. Белокурова. Историкография вопроса и оценки взглядов различных авторов приведены в работе «Библиотека Ивана Грозного...» (см. прим. 4), поэтому ниже мы не даем общего разбора концепций того или иного исследователя, ограничиваясь замечаниями по конкретным сюжетам.

четвертый источник — анонимная опись царской библиотеки, известная в литературе как «список Дабелова», или Аноним Дабелова.

В старой литературе Сказание о Максиме Греке вызывало сомнение у одних исследователей и пользовалось поддержкой других. Несколько большее доверие вызывал рассказ Ниенштедта. В начале 60-х гг. нашего столетия эти показания были обстоятельно и с разных сторон рассмотрены М. Н. Тихомировым⁶ и А. А. Зиминим,⁷ в результате чего оба исследователя пришли к выводу о высокой степени достоверности как Сказания о Максиме Греке, так и рассказа Ниенштедта.

«Список Дабелова», вызывавший наибольшие споры, М. Н. Тихомировым специально не рассматривался и даже не упоминался, что, вероятно, следует трактовать как недоверие к нему. А. А. Зимин также не исследовал данный источник, ограничившись замечанием, что «обнаружение списка существенно помогло бы разгадать тайну библиотеки Ивана Грозного».⁸ Против этого трудно что-либо возразить. Обнаружение оригинала Дабеловского списка, исследование бумаги, чернил, почерка позволили бы установить подлинность или неподлинность документа. Однако некоторые суждения о достоверности его можно сделать и на основании существующих публикаций.⁹

Одно из доказательств подложности Анонима виделось исследователям в несоответствии формы документа его содержанию. В частности, по мнению С. А. Белокурова, простонародный язык, которым написан текст, противоречит обширным филологическим познаниям, проявленным автором списка.¹⁰ Так ли это на самом деле?

Дабелов, по каким-то причинам, не снял полную копию с обнаруженного им документа, ограничившись выпиской

⁶ Тихомиров М. Н. О библиотеке московских царей (легенды и действительность). — Новый мир, 1960, № 1. Перепечатано в кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.

⁷ Зимин А. А. К поискам библиотеки московских государей. — Русская литература, 1963, № 4.

⁸ Зимин А. А. К поискам..., с. 125.

⁹ «Список Дабелова» опубликован с переводом на русский язык Фр. Клоссиусом (Клоссиус Фр. Библиотека великого князя Василия (IV) Иоанновича и царя Ивана (IV) Васильевича. — ЖМНП, 1834, июнь) и перепечатан С. А. Белокуровым (Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, с. 267—270). В советское время текст Анонима пересказывался (в выдержках) в популярных книгах Р. Т. Пересветова.

¹⁰ Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 275.

интересовавших его сведений. Форма построения документа, как она передана в Дабеловской копии, указывает, что перед нами не каталог библиотеки и не фрагмент какого-то цельного труда, а скорее всего нечто в роде памятной записки, адресованной неизвестным пастором какому-то лицу, запрашивавшему его о книгах царя Ивана. Документ был написан на старонемецком языке, причем грамматика выдерживалась не всегда достаточно четко; по мнению исследователей, в тексте чувствуются разговорные обороты.¹¹ Автор документа, несомненно, достаточно хорошо знал древнюю литературу или, во всяком случае, мог довольно свободно в ней ориентироваться; то же следует сказать и об адресате документа — об этом убедительно свидетельствуют предельно краткие заголовки памятников. Вероятно, что оригиналом Дабеловской копии был черновик, оставшийся у автора, — иначе вряд ли возможно объяснить то, что зачастую названия произведений обозначены лишь начальными буквами первого слова. (Дабелов сообщал о крайне неразборчивом почерке, что также является свидетельством в пользу черногового характера оригинала). Насколько естественным было бы использование латыни — международного научного языка средневековья — для ученого трактата, настолько же обычным представляется и написание черновика делового документа пастором-немцем на своем родном, привычном языке. Что же касается разговорных или простонародных оборотов в языке, то ни С. А. Белокуров, ни его последователи не учитывали, что формирование современного немецкого литературного языка восходит к времени Лютерова перевода Библии, отделенного от времени Анонима каким-то полу столетием.

В документе называется ряд авторов, неизвестных в науке (Вафиас, Кедр, Замолей, Гелиотроп), а также некоторые сочинения, принадлежавшие известным писателям, но не сохранившиеся или обнаруженные во фрагментах лишь в начале XIX в. Мог ли провинциальный пастор во второй половине XVI в. проявить столь разностороннюю эрудицию и даже предугадать открытия последующего времени? На этот коварный вопрос ученые, писавшие о библиотеке Грозного, давали, разумеется, отрицательный ответ, усматривая здесь неустраняемое противоречие.¹²

¹¹ Фр. Клоссиус. Библиотека..., с. 408—409; Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. Спб., 1894, с. 37—38; Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 272, 275.

¹² Лихачев Н. П. Библиотека..., с. 38—40; Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 280.

Противоречие это, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается мнимым. Автор Анонима не ставил своей задачей подробное описание царских книг — в документе не описываются, а фиксируются те или иные книги (т. е. автор в данном случае выступает не как археограф, а как библиограф по преимуществу). Известно, что католические авторы в XVI в. проявляли весьма обширные познания, примером чего могут быть хотя бы библиографические разыскания небезызвестного Антонио Поссевино.¹³ Нет оснований отрицать подобную подготовленность и их протестантожких коллег. Пастор с богословским образованием, полученным в одном из западноевропейских университетов, не только мог, но и обязан был свободно ориентироваться в книжности. Беглого просмотра хорошо сохранившихся рукописей (что оговорено в сообщении Анонима) было вполне достаточно для определения (хотя бы на основании предисловий и выходных записей) автора и названия памятника. Подтверждением этому служит и то, что, согласно Ниенштедту, Веттерман при осмотре некоторых книг, как говорится, с ходу определил отсутствие ряда сочинений в западных университетах.¹⁴ В задачи Анонима не входило установление степени известности того или иного сочинения; адресаты (или адресат) его, зная, **что есть** в их распоряжении, по списку Анонима могли и сами легко установить, **чего у них нет**.

По содержанию документ в известном его фрагменте четко разделяется на две части. В общем перечне книг, просмотренных автором, особо выделены те, которые царь желал бы видеть переведенными. В их число входят История Тита Ливия, сочинения Цицерона, История Гая Светония Транквила, История Корнелия Тацита, Корпус римского права Ульпиана, Папиниана, Павла и др., История Юстина, Кодексы конституций Феодосия и Юстиниана, сочинения Вергилия и Гая Кальвиуса. Список, как видим, блестящий и сделал бы честь любому современному исследователю и издателю, а не только владельцу библиотеки XVI в. Относительно двух книг — сочинений Тита Ливия и Светония — автором документа отмечено, что первую он «должен был перевести»

¹³ Antonii Possevini Mantuani Societatis Jesu Apparatus sacer ad scriptores Veteris et Novi Testamenti... Coloniae Agrippinae, MDCVIII. См. также: Antonii Possevini Mantuani Societatis Jesu Bibliotheca selecta de ratione studiorum ad disciplinas et ad salutem omnium gentium procurandam... Coloniae Agrippae, MDCVII.

¹⁴ Ливонская летопись Франца Ниенштедта, бывшего рижского бургомистра и королевского бургграфа. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. IV. Рига, 1882, с. 37.

(«so ick oeversetten müsst»), а вторую перевел («oock von ny oeversettet»).

Можно ли предполагать, что где-то на рубеже 70-х гг. Иван Грозный, отбирая для перевода латинские книги, проявил столь глубокую эрудицию и заинтересованность в делах давно минувших дней? Прежними исследователями данный вопрос оставлялся без ответа, либо ответ давался отрицательный. Так, С. А. Белокуров полагал, что если бы Грозный и надумал организовать переводческую деятельность, то в первую голову позаботился бы о переводах отцов церкви, а не чуждых православию античных авторов.¹⁵ Сейчас, однако, подобный ответ представляется неубедительным. Более того, можно утверждать, что если в XVI в. когда-либо и возникла настоятельная потребность в переводах римских классиков, в частности Ливия и Светония, то этим периодом был именно канун 70-х годов.

50—70-е гг. XVI в. являются временем активной историографической работы московских книжников. В эти годы не только переписываются ранее известные сочинения, но и создаются новые памятники, отражающие различные концепции мировой и российской истории. Летописец начала царства (ЛНЦ), создававшийся как отдельное произведение,¹⁶ скоро стал восприниматься как естественное продолжение прежних исторических повествований — Воскресенской (ВЛ),¹⁷ Никоновской (НЛ),¹⁸ Львовской (ЛЛ)¹⁹ летописей. Попытка осмысления русской истории как части всемирной отражена в продолжении Хронографа.²⁰ В это время создается и принципиально новый вид исторического повествования — Степенная

¹⁵ Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 275—276.

¹⁶ ЛНЦ составлен в 1553—1555 гг. (первая редакция). Сохранился в двух списках сер. XVI в. (Архив ЛОИИ, Арх. ком., 244; ГИМ, Син., 486 — беловая копия с первого). Издан в 29-м томе ПСРЛ (М., 1965).

¹⁷ Известны два списка ВЛ, для продолжения которых (начиная с 1542 г.) использована первая редакция ЛНЦ, дополненная изложением событий 1552—1559 гг.

¹⁸ ЛНЦ второй редакции (составлена в 1556—1558 гг.) использован как продолжение Патриаршего списка НЛ; в хронологических рамках 1542—1558 гг. использован также как продолжение НЛ по списку Оболенского и восходящих к нему более поздних списков. Издан в 13-м томе ПСРЛ (Спб., 1904).

¹⁹ ЛЛ по Эттерову списку включает вторую редакцию ЛНЦ (в основном сходную с тем видом, что представлен в Патриаршем списке Никоновской летописи), продолженную до 1560 г. Издана в 20-м томе (2-я пол.) ПСРЛ (Спб., 1914).

²⁰ Так называемая Хронографическая летопись составлена в 50-х гг. XVI в.; сохранилась в списке сер. XVI в. Издана С. О. Шмидтом (Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. — Исторический архив. Т. VII. М., 1951).

книга.²¹ В ходе этих напряженных поисков в умах историков той поры понемногу кристаллизовалась новая официальная концепция, явленная будущим поколениям в Лицевом летописном своде.²²

В представлении составителей Лицевого свода, объединивших достижения предшествовавшей им исторической мысли, генеральное направление развития мировой истории проходило от начального акта творения через древнееврейские царства, восточные монархии (Ассирию, Нововавилонское царство, державу Ахеменидов) к мировой империи Александра Македонского и далее, через эллинистические царства, к Римской империи и ее прямой восприемнице Византии. Таким образом, в представлении составителей Лицевого свода мировой исторический процесс выступал как неразрывная последовательная преемственность сменявших друг друга монархий. В этой системе Российское самодержавство, в особенности после венчания Ивана на царство, осознавалось как высшая из достигнутых уже ступеней. То, что при этом из схемы выпадали целые периоды истории отдельных регионов (в частности — древнегреческие полисы и республиканский Рим), не смущало составителей свода — то, что было **нецарством**, их не интересовало.

Наибольшим вниманием в рамках этой концепции пользовались **начальные** периоды мировых монархий и личности их основателей. Именно начальным этапам, времени возникновения и становления этих держав посвящены пространные повествования о первых иудейских государях (до распада на Израиль и Иудею), об Александре, о первых римских импе-

²¹ В отличие от летописи группирует материал не по годам, а в виде очерков по великим княжениям. Составлена в 1-й пол. 60-х гг. XVI в. Сохранилась во множестве списков XVI—XVIII вв., в том числе и почти современных составлению памятника. Издана в 21-м томе ПСРЛ (Спб., 1908—1913).

²² До настоящего времени сохранилось десять томов свода и несколько томов более поздних копий. Подробное описание их выполнено В. Н. Щепкиным (Щепкин В. Н. Лицевой сборник имп. Российского Исторического музея. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4, Спб., 1899) и А. Е. Пресняковым (Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI века. Спб., 1900). Основная литература, посвященная изучению этого памятника, указана в книге О. И. Подобедовой «Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания» (М., 1965). Работы последних лет отмечены также нами — см.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Под ред. М. В. Кукушкиной. Л., 1973. Свод частично издан в вариантах к НЛ в 9—13-м томах ПСРЛ (Спб., 1862—1906).

раторах (в особенности об Августе), о Константине Великом, наконец — о самом Иване Грозном. То, что лежало между этими, как бы ключевыми, переломными эпохами, излагалось более конспективно, порой даже откровенно схематично, перечнем. Особое внимание к начальным этапам становления мировых держав в Своде подчеркивается и тем обстоятельством, что в Хронографической его части находятся специальные этюды, описывающие истоки будущих мировых монархий, — «Начало царства Римского» и «Начало царства Царяграда», разрывающие логическую последовательность повествования.²³ В русской части Свода аналогию этому можно видеть в пространном изложении эпизода венчания Владимира Мономаха.²⁴

Изучение состава Свода открывает нам руководящую установку его составителей. Это — стремление к максимальной полноте и подробности в изложении событий, укладывающихся в рамки концепции. Применительно к этому производился и отбор источников Свода. Для изложения событий священной и древнееврейской истории были использованы не сокращенные пересказы хронографических компиляций, а полные тексты исторических книг Библии, как источника наиболее авторитетного. Для изложения событий последующего времени из двух распространенных в то время произведений — Еллинского и Римского летописца и Хронографа редакции 1512 г. — избрали первый, как более насыщенный информацией. Составители, однако, чувствовали неполноту своих источников и старались дополнять их. Так, в изложение священной истории сделаны вставки из апокрифических сказаний.²⁵ Для того чтобы более обстоятельно показать истоки

²³ Фрагмент «Начало царства Римского» и примыкающие к нему занимают л. 541—586 «второго» тома Свода (БАН, 17.17.9), вклиниваясь в повествование о конце Персидской монархии и начале державы Александра Македонского. Фрагмент «Начало царства Царяграда» занимает л. 798—803 «второго тома», разделяя рассказ о конце державы Александра и начале правления его преемников в Египте — Птолемеяв.

²⁴ Эпизод о венчании Владимира Мономаха дарами византийского императора в Лицевом своде более чем в семь раз превышает по объему соответствующую статью Никоновской летописи, ограничивающуюся сухой констатацией факта занятия Владимиром киевского престола.

²⁵ В частности, подобными дополнениями являются Откровение Авраамова, пересказ книги Иова, Заветы двенадцати патриархов и др. Подробнее об этом см.: Щепкин В. Н. Лицевой сборник..., с. 1360—1362. Еще Щепкиным установлено, что в текст Откровения Авраамова в Музейском сборнике сделана позднейшая вставка — л. 22—23. Сейчас можно утверждать, что эта вставка является отражением редакторской работы, подобной той, что выявлена нами в исследовании «второго» тома Свода.

Римского царства (возводимые еще римской историографией к древней Трое), в Свод включена огромная «Троянская история» Гвидо де Колумна. История царствования первых римских императоров, в частности Августа и Тиберия, дополнена эпизодами из Хронографа, более подробными сравнительно с соответствующими чтениями летописца Елинского и Римского.

Как нам удалось установить, в первоначальном варианте изложения истории первых римских императоров заимствований из Хронографа не было. Они являются редакционными вставками, вмонтированными в уже готовую рукопись.²⁶ вероятно, по указанию самого Ивана IV или, во всяком случае, с его ведома и санкции. У Грозного были особые причины для пристального интереса к этому периоду. Как известно, теория происхождения московских государей от колена Августа-кесаря была официальной доктриной московской дипломатии. Сам царь Иван время от времени напоминал в своих посланиях к «худородным», по его представлениям, европейским государям о высоком происхождении московского правящего дома.²⁷ Особенно актуальной эта доктрина была в условиях длительной и острой борьбы за признание царского титула московских правителей. В подобной ситуации каждое новое известие о прародителе Грозного кесаре Августе должно было приобретать в глазах царя особую ценность — ведь в нем могли содержаться какие-либо сведения об императоре, подтверждающие генеалогию русских государей. Естественно поэтому, что в 60—70-х гг. XVI в. не творения православных отцов церкви, а именно исторические сочинения Тита Ливия и Светония, если они действительно имелись в Царской библиотеке, были бы переведены в первую очередь.

Замысел Лицевого свода вызрел, вероятно, в шестидесятых годах. Тогда же началась и реализация его. Именно 60-ми годами следует датировать первую часть Музейского сборника, содержащую библейские книги. Работа над ними, судя по всему, происходила не особенно спешно, так как по ходу дела менялись приемы оформления рукописи, стиль и техника миниатюр, принципы расположения миниатюр и

²⁶ Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения..., с. 16, 21—25.

²⁷ См.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 148, 153, 158, 213, 260 и др.; Жданов И. Н. Сочинения царя..., с. 86—87.

текстовых фрагментов и т. п.²⁸ Только к концу переписки и иллюстрирования восьмикнижия сформировалась та совокупность приемов оформления, которая затем выдерживалась во всех остальных томах Свода. Только после этого работа была резко ускорена: над Сводом начали трудиться сразу три группы, оформлявшие «Троянскую историю», книги Царств и их продолжения, Александрию и ее продолжения. Написание и иллюстрирование этих частей Свода произошло **не ранее** первой половины 70-х гг. XVI столетия.²⁹

Между тем именно во второй половине 60-х гг. (не позднее середины 1570 г.), согласно Хронике Ниенштедта, царскую библиотеку осматривал пастор Веттерман, которому, как мы помним, было предложено перевести некоторые книги. Думается, что предложение, обращенное к Веттерману, можно поставить в связь с начавшимися работами по составлению Лицевого свода. И не ожиданием ли переводов новых текстов было обусловлено столь медленное начало работы над оформлением рукописи?

Однако Веттерман, согласно Ниенштедту, отказался от переводов,³⁰ тогда как Аноним списка Дабелова перевел Светония. На это обстоятельство указывали скептики, усматривая в нем одно из доказательств подложности документа. В частности, по мнению С. А. Белокурова, перевод Светония должен был как-то отразиться в литературе той поры, поскольку же нет ни текста, ни следов его, известие Анонима признавалось ложным.³¹ Так ли это на самом деле?

Соответствующая фраза Анонима («Suetonius Kayser-Geschichten, oock von my oeversettet») традиционно со времен Клоссиуса переводится как: «Светониевы истории о царях, также мною **переведенные**». Конструкция фразы оригинала (если она верно передана Дабеловым) требует исполь-

²⁸ Так, различно оформлены начала библейских книг: текстам Бытия и Исхода предпосланы заголовки вверху страницы, выписанные изящной вязью (строка 30 мм) — л. 2 об., 161; тексту книги Левит — заголовок вязью (строка 25 мм) и миниатюра — л. 233; под миниатюрой, открывающей книгу Чисел, оставлено место для заголовка (строка 20 мм) — л. 281; текстам книг Второзакония и Иисуса Наввина предшествуют миниатюры и заголовки в очень простой вязи (строка 20 мм) — л. 390, 443; наконец, книга Судей выделена миниатюрой и полууставным заголовком — л. 512. Миниатюры первой части Музейского сборника, исследованные В. Н. Щепкиным, как по манере, так и по технике исполнения отличаются от миниатюр других томов Свода (Щепкин В. Н. Лицевой сборник..., с. 1348—1351).

²⁹ Подробней об этом см.: Амосов А. А. К вопросу о времени происхождения..., с. 16—20, 28—35.

³⁰ Ливонская летопись Франца Ниенштедта..., с. 37—78.

³¹ Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 277—279.

зования страдательного залога. Этому удовлетворяет форма глагола — причастие II от *oeversetzen*. Но управляющий глагол, обозначающий оттенок действия, опущен автором (не потому ли, что у Дабелова был черновик документа?). Перевод этой фразы совершенным видом обязателен лишь в том случае, если Аноним предполагал использовать результативный *Passiv*, т. е. если управляющим был глагол *sein*. Если же управляющим глаголом был *werden*, то вполне допустим (если не предпочтителен) перевод несовершенным видом, т. е. не **переведенные**, а **переводимые, переведившиеся**. Разница, как видим, заметная; незавершенностью действия, может быть, и следует объяснить отсутствие в русской письменности следов перевода Светония. Если принять такую интерпретацию, то показания Анонима сближаются с рассказом Веттермана и его спутников. Не исключено, впрочем, что рассказ Анонима отражает вторую, *post*-Веттермановскую попытку перевода нужных книг: в основу Хронографической части Лицевого свода был положен Еллинский летописец, работа над которым началась уже **после** отказа Веттермана от переводов, но дополнения из Хронографа были сделаны **лишь по завершении** соответствующей части — не потому ли, что и вторая попытка не имела позитивного результата?

Обретение «списка Дабелова» и последовавшая затем его утрата сопровождалась целым рядом темных обстоятельств. Это в глазах ряда исследователей служило одним из аргументов в пользу фальсификации.³² Однако история архивов и рукописных собраний показывает нам, что подобная ситуация никак не исключение, а скорее наоборот. До сих пор не выяснены до конца обстоятельства находок многих памятников и рукописей, в том числе таких, как Слово о полку Игореве,³³ Лаврентьевская,³⁴ Ипатьевская³⁵ и лицевая Радзи-

³² Лихачев Н. П. Библиотека..., с. 39—40; Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 279—280.

³³ История обретения рукописи Слова заметно прояснилась после публикации исследования Г. Н. Моисеевой (Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976), однако и сейчас еще целый ряд обстоятельств требует дополнительного истолкования.

³⁴ См. об этом: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф..., с. 15—17 (ср.: Розов Н. Н. О приписках и пометах XVII—XIX вв. на Лаврентьевской летописи. (К 600-летию памятника). — Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. Л., 1978, с. 345—346).

³⁵ См.: Петров В. А. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I XVIII век. М.—Л., 1956, с. 234—235.

вилловская³⁶ летописи. Часто имело место и обратное явление — исчезновение рукописей, сведения о которых были введены в научный оборот. До сих пор нам неизвестны многие источники, которыми пользовались Татищев и Карамзин. На какое-то время выпадали из оборота и считались утраченными такие памятники, как знаменитый Библейский кодекс Матвея Торопчанина,³⁷ Новороссийский список Новгородской четвертой летописи³⁸ и многие другие. Некоторые из них лишь в недавнее время обнаружены среди новых поступлений рукописных хранилищ. Случается, что и в наши дни уже в государственных хранилищах исчезают не только отдельные рукописи, но и целые коллекции.³⁹ В последнее время были обнаружены следы бытования Дабеловского Анонима в Пярнуском архиве еще в довоенные годы...⁴⁰

Как свидетельство поддельности списка Дабелова рассматривалось даже время его обретения — первая четверть XIX в.⁴¹ Действительно, конец XVIII — начало XIX в. часто называют эпохой романтизма в историографии.⁴² Это время ознаменовано появлением многочисленных знаменитых фальсификаций. Макаферсон в Англии, Ганка, Линда и Коварж в Чехии, Сулакадзев и Бардин в России — перечислять можно и дальше... При внешних различиях в «работах» назван-

³⁶ Традиционно считалось, что Радзивилловская летопись (список XV века) поступила в БАН в 1761 г. (см.: Петров В. А. История рукописных фондов..., с. 252). Однако, по мнению Г. Н. Моисеева, этот памятник был в Петербурге уже в 1758—1759 гг. (Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 200—201).

³⁷ Подробнее об этом см.: Алексеев А. А., Лихачева О. П. Сургасльский сборник 1507 г. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Под ред. М. В. Кукушкиной. Л., 1978, с. 54—55.

³⁸ Список введен в научный оборот в 1871 г., использован в исследованиях и изданиях летописи. О дальнейшей его судьбе см.: Амосов А. А., Бубнов Н. Ю. Новые поступления в отдел рукописей Библиотеки АН СССР в 1955—1976 гг. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Под ред. М. В. Кукушкиной. Л., 1978, с. 323.

³⁹ В особенности это относится к собраниям периферийных музеев. См., в частности: Амосов А. А., Бубнов Н. Ю., Петрова Л. А. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1977 и 1978 гг. в Кировскую, Вологодскую и Архангельскую области. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979.

⁴⁰ Об этом сообщает в одной из своих статей В. Осокин (Осокин В. Поиски либерей продолжаются. — Новый мир, 1976, № 11).

⁴¹ Лихачев Н. П. Библиотека..., с. 40—41.

⁴² Ср. аналогичное определение Л. П. Жуковской: «Романтическое направление в литературе и искусстве...» (Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963, с. 30).

ных мистификаторов четко выделяются и общие, присущие всем им черты. Это проявляется в первую очередь в выборе объектов фальсификации — эпические памятники древнейшей истории народа.⁴³ Избранный объект подделки диктует и соответствующий стиль — «открытие» непременно подлинника, в крайнем случае максимально древнего списка фальсифицированного памятника, а этим определяется и совокупность средств и приемов исполнения (пергамен как носитель текста, имитация древнего письма, нарочитая архаизация языка и т. п.). Общими, наконец, являются и мотивы, в силу которых исполнялись подделки: это острая потребность удовлетворения честолюбивых (а порой и откровенно тщеславных) личных устремлений, не имеющих выхода в других сферах деятельности и подогреваемых общественными настроениями. В процессе становления национального самосознания, как это было в Чехии, в условиях быстрого роста патриотических настроений, как это было в России, интерес к прошлому своей страны, охватывавший широкие слои общества, способствовал формированию той нравственной атмосферы, того духа «оссианизма», в которых появление подделок вроде «Краледворской рукописи» или «Бояновой песни» было не только возможным, но и неизбежным. Для фальсификатора-романтика характерна своя методика (свой «почерк», как определили бы криминалисты) — в наиболее общем выражении это **подражание** древности. Степень достоверности подражания при этом определялась личным талантом фальсификатора,⁴⁴ уровнем его знаний об имитируемой в подделке эпохе.⁴⁵ На этом фоне «список Дабелова» резко выделяется — если это и подделка романтического периода,

⁴³ Увлечение эпосом было не чуждо даже А. И. Бардину (наиболее «коммерческому» фальсификатору) — им изготовлено не менее четырех списков Слова о полку Игореве. (Справедливости ради надо напомнить, что Бардин не изобретал новых текстов, а «размножал» известные).

⁴⁴ «Поэмы Оссиана», после того как была установлена принадлежность их Макферсону, отнюдь не утратили высоких художественных достоинств, но стали изучаться уже как памятники не эпической, а романтической поэзии.

⁴⁵ Так, А. И. Бардин в некоторых своих работах артистически подражает беглому полууставу XV в. и в то же время допускает такой «ляп», как поморская вязь — см. рукопись БАН, 16.18.15. Интересные, хотя отчасти и спорные суждения о психологических мотивах романтических мистификаций и воздействии их на стиль и технику подделок приводятся в статье И. П. Смирнова «О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры)» — ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIV, с. 200—219, — опубликованной уже после завершения данного очерка.

то подделка совершенно не типичная, не характерная, не стандартная. Литературно-исторические мистификации, как правило, довольно скоро разоблачались,⁴⁶ Дабеловский же Аноним не вызывал серьезных подозрений и аргументированных возражений вплоть до конца XIX столетия.⁴⁷

II

Предположим, что Записка Анонима фальсифицирована Дабеловым или кем-либо из его современников или ближайших предшественников.⁴⁸ Что должен был учесть автор подделки, чтобы обеспечить своему творению успех и в то же время застраховаться от возможного разоблачения современниками или потомками?

В плане технического исполнения документа мистификатор должен был как минимум:

1) продумать вопрос о форме документа и из всех возможных избрать вид именно памятной записки, как вызывающей наименьшие подозрения;

2) знать, что пастор-немец второй половины XVI в. скорее всего составил бы документ подобного рода на своем родном языке;

3) предусмотреть черновой характер документа, создающий впечатление частного его происхождения;

4) в соответствии с отмеченным выше написать документ небрежным языком, подходящим по орфографии и лексике под речь XVI в., и сделать такие отступления от грамматики, которые убеждали бы в черновом характере документа.

⁴⁶ Так, уже в 20-х гг. XIX в. виднейшие слависты того времени Копитар и Добровский признавали неподлинность находок Ганки и Линды, относя «древнечешский» эпос к творчеству самих «открывателей» (подробней см.: Кораблев В. Н. Вячеслав Ганка и его «Краледворская рукопись». — Известия Академии наук СССР, VII серия, Отделение общественных наук, 1932, № 6). Столь же быстро раскрывались русскими учеными «эпические» творения Сулакадзева. В частности, А. Н. Оленин утверждал подложность «Бояновой песни» уже на следующий год после ее обретения (см.: Прийма Ф. Я. Наблюдения А. Н. Оленина над «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, с. 43). Подробнее о подделках Бардина и Сулакадзева см.: Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — Проблемы источниковедения, Вып. V. М., 1956. То, что некоторые мистификации Сулакадзева («О воздушном летании в России», «Влесова книга») были разоблачены только в недавние годы, объясняется лишь поздним вхождением данных произведений в сферу внимания ученых.

⁴⁷ Между тем к сведениям Анонима с доверием относились такие видные ученые, как С. Шевырев, И. Н. Жданов, В. С. Иконников, А. И. Соболевский.

⁴⁸ На такую возможность довольно прозрачно намекает С. А. Белокуров (Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 280).

Человек вдумчивый, наблюдательный, склонный к систематизации и имеющий значительный опыт работы с архивными документами соответствующего периода, мог без особых усилий выполнить три первых условия. Однако выполнить четвертое условие было значительно сложнее. Даже большая начитанность в старых текстах и практическое знание старого языка, приобретенные в результате занятий в архивах, не гарантируют от ошибок в письме, поскольку чтение текста на вышедшем из употребления языке и письмо на этом языке — процессы качественно различные. Вспомним, что В. Ганка, филолог по образованию и один из лучших знатоков древнеславянской письменности, в своей «Краледворской рукописи» допустил опомное количество грамматических ошибок.⁴⁹ Для того, чтобы избежать явных анахронизмов в языке поддельяемого памятника, фальсификатору мало практического владения языком, ему нужно быть лингвистом-профессионалом, причем достаточно высокого уровня.⁵⁰ **Дабелов, как известно, лингвистом не был.**⁵¹

Для придания убедительности содержанию текста мистификатору следовало:

1) знать, что Грозный допускал пленных немцев к осмотру некоторых книг своей библиотеки;

2) ограничиться минимумом информации и удержаться от жесточайшего соблазна более подробно охарактеризовать упомянутые в документе рукописи;

3) подобрать для указания в перечне памятники, представляющие выдающиеся явления в истории науки и литературы, переводы которых могли действительно интересовать Ивана Грозного;

4) указать на работу по переводу именно тех сочинений, которые могли вызвать наибольший практический интерес царя и его историографов.

⁴⁹ Кораблев В. Н. Вячеслав Ганка..., с. 525—527, 537—538.

⁵⁰ В 90-х гг. прибалтийскими учеными было произведено (по запросу С. А. Белокурова) исследование текста Анонима в языковедческом аспекте. В результате было установлено, что данные языка не дают возможности с уверенностью судить о времени и месте появления списка памятника (Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 275). Подобное заключение прибалтийских германистов было воспринято С. А. Белокуровым как косвенное свидетельство в пользу своей гипотезы подложности Анонима: Исследователь, однако, почему-то предпочел умолчать о том, что и явных и безусловных новаций в языке памятника, которые лишь и могли убеждать в поддельности, у Анонима также нет.

⁵¹ Дабелов, как можно полагать, и палеографом был неважным. Об этом говорит хотя бы то, что, разобрав смысловые и вспомогательные слова, он не смог осилить ряд ничего не говоривших ему имен и в своем списке обозначил эти места отточиями.

Не трудно установить, что о первом условии фальсификатор мог узнать из Хроники Ниенштедта или из работ прибалтийских авторов XVIII в., использовавших эту Хронику. Сложней со вторым пунктом — для его исполнения автору Анонима нужно было основательно вжиться в роль, усвоить особенности психологии человека XVI в., причем не абстрактного представителя этой эпохи, а священнослужителя, имевшего контакты с окружением Грозного; достаточно образованного, чтоб ориентироваться в литературе, но не проявляющего к ней горячего влечения; человека, не связанного какими-либо общими интересами с московским правящим домом и в то же время достаточно объективного, чтоб отметить культурно-просветительские устремления царя. Для разработки легенды предполагаемого автора фальсификатору нужно было иметь изрядные познания в бытовой истории ливонского общества XVI в.; для воплощения же ее в текст документа — осторожность и предусмотрительность.⁵²

Для человека, мало-мальски знакомого с древней историей, не представляло труда выбрать из массы античных авторов десяток-другой известных имен и дополнить их (для большего впечатления) несколькими лицами, науке не известными.⁵³ Однако перечень имен, в особенности авторов, произведения которых «царь желал видеть переведенными», должен был соответствовать реальным интересам Грозного. Для познания же этих интересов фальсификатору следовало очень обстоятельно изучить социально-политическую историю России той поры, достаточно хорошо представлять общественно-культурную среду, в которой формировалась личность царя Ивана, читать сочинения самого Грозного, современных и предшествовавших ему публицистов. Дабелов был основательным, но узким специалистом в истории права и, насколько мы знаем, к истории России никогда профессионально не обращался.⁵⁴ Открытие Анонима было достаточно случайным

⁵² В особенности чувство меры было необходимо при упоминании в тексте таких памятников, новые списки которых были открыты именно в эти годы — в первой четверти XIX в. Малейшее излишество здесь уже могло навести на подозрения: знания автора-пастора уже превышали бы уровень, реально достижимый в XVI в. Между тем начало XIX в. — это время существования не только романтической, но и скептической школы в науке (подозревавшей, как известно, и подлинные древности).

⁵³ Впрочем, если о сочинениях Цицерона, Цезаря, Тацита и др. знал каждый образованный человек, то имена Кальвуса, Кордуса и им подобных, чьи произведения не сохранились, мистификатор мог почерпнуть лишь из достаточно серьезных и специальных литературоведческих работ.

⁵⁴ Неизвестно, знал ли даже Дабелов в должной мере русский язык, чтобы свободно читать если не источники, то русскую литературу по истории соответствующего периода.

эпизодом в его научной деятельности. Правда, рядом с Дабеловым работал Эверс, один из крупнейших специалистов именно по русской истории, капитальное исследование которого — «История руссов» — ко времени обретения Анонима было уже опубликовано; однако научные интересы Эверса лежали в плоскости, достаточно отдаленной от истории идеологии и литературы.

Суммируя вышесказанное, мы полагаем, что Дабелова нельзя считать фальсификатором Анонима хотя бы потому, что для изготовления подобного документа он не располагал необходимыми познаниями.⁵⁵

Но кто же тогда? С. А. Белокуров, как мы помним, допускал как альтернативу, что отличающийся изрядной доверчивостью Дабелов⁵⁶ был введен в заблуждение кем-то из предприимчивых мистификаторов. Как установлено ранее, автору подделки были необходимы знания лингвиста, историка-источниковеда широкого профиля, психолога, причем во всех этих отраслях он должен был проявить себя не дилетантом, а специалистом высокой квалификации. Нам неизвестен человек, который бы на рубеже XVIII—XIX вв. столь успешно сочетал в себе все названные качества и вдобавок был бы тесно связан с архивами и архивистами (без чего было весьма затруднительно «организовать» находку).⁵⁷

⁵⁵ Отметим, что и в житейском плане Дабелову также не было резона ставить под сомнение всю свою дальнейшую карьеру и имя изготовлением подделки; как исследователь Дабелов и до открытия Анонима пользовался достаточной известностью в ученых кругах и России, и Европы. В среде же немецкой профессуры, наряду с развитым корпоративным духом, по традиции высоко котирировалась щепетильность в выборе средств и методов научных разработок.

⁵⁶ Таким образом охарактеризован Дабелов своими первыми оппонентами в статье-рецензии в «Hallische allgemeine Litteraturzeitung» (1825, № 45, 46). Цитата по оригиналу воспроизведена Н. П. Лихачевым (Лихачев Н. П. Библиотека..., с. 35—36), в переводе с Лихачева — С. А. Белокуровым (Белокуров С. А. О библиотеке..., с. 271). Думается, однако, что придавать столь большое значение газетной характеристике, сделанной к тому же в полемическом пылу, нет должных оснований.

⁵⁷ По-видимому, следует исключить и возможное предположение о «коллегальной» работе нескольких лиц. Известно, правда, что над изготовлением чешских подделок трудился «кооператив» Ганки и Линды, возможно даже, как полагает В. Н. Кораблев, с участием или, во всяком случае, с ведома и под покровительством и Юнгмана (Кораблев В. Н. Вячеслав Ганка..., с. 533, 538). Однако «Ганка, Линда и К^о» выполняли своего рода социальный заказ, и объединение их на этой почве было не только возможно, но в какой-то мере и оправданно. В Прибалтике же должных условий для возникновения такого сообщества не было (не говоря уже о том, что «Краледворская рукопись» и «Записка Анонима» — типологически разные памятники). Создание же «творческого содружества» для изготовления подделки лишь «из любви к искусству» представляется нам невероятным.

Думается, что на рубеже XVIII—XIX вв. «убедительная» фальсификация такого памятника, как Записка Анонима, была вообще невозможна; развитие науки к 20-м гг. XIX столетия еще не достигло того уровня, который позволил бы и правильно подобрать соответствующий материал, и должным образом его интерпретировать, и, наконец, синтезировать текст, в котором бы отсутствовали явные нонсенсы, текст, вызывающий доверие не только у современников подделываемого памятника, но и в достаточно отдаленное время.⁵⁸ Вероятность случайного совпадения всех выведенных выше граничных условий достоверности представляется совершенно ничтожной. Попытка же всякого иного объяснения неизбежно сведется либо к допущению существования некоего гениального фальсификатора, способного на многие десятилетия вперед предвидеть как тенденции развития критики источников, так и новые открытия памятников истории и литературы, либо к доказательствам излишне сложным и громоздким. Применительно же к источниковедческой гипотезе чрезмерная сложность не тождественна достоверности.⁵⁹

Но если конец XVIII — начало XIX столетия как время составления Записки Анонима отпадает, то не могла ли она быть сфабрикована в более раннее время, например в том же XVI в.?⁶⁰ Не был ли автором подделки кто-либо из немцев — современников Грозного?

При таком допущении автоматически отпадают два из четырех граничных условий технического исполнения документа — именно второе и четвертое, — и легко объясняются два оставшиеся. Современник Грозного мог узнать о допуске ливонцев в царскую библиотеку хотя бы со слов Веттермана и его спутников (пусть даже через третьи-четвертые руки). Причастность автора к дипломатическим сферам, знаком-

⁵⁸ Методы извлечения информации из источников к началу XIX в. были (благодаря, в частности, разработкам Татищева, Шлецера, Болтина и др.) достаточно разнообразны и совершенны. Круг же используемых источников, даже после археографических трудов Миллера, Щербатова, Новикова, оставался сравнительно узким. Между тем без анализа идейных устремлений различных слоев общества, доводимых в той или иной форме до царя, сколько-нибудь достоверная реконструкция воззрений самого Грозного вряд ли возможна.

⁵⁹ Ср.: Лурье Я. С. О гипотезах и догадках в источниковедении. — Источниковедение отечественной истории. Сборник статей 1976. М., 1977, с. 31—32.

⁶⁰ Думается, что период от первых десятилетий XVII и вплоть до последних десятилетий XVIII в. можно исключить из рассмотрения вопроса а priori, поскольку слишком узки были возможности получения необходимой для изготовления подделки информации.

ство его с русскими пленными или эмигрантами, контакты с западными авантюристами вроде Таубе и Крузе, Штадена и др. позволили бы ему получить достаточно многообразную информацию о России той поры, о личности царя, о его запросах. Возможность получения подобных представлений значительно облегчается вполне вероятным допущением сравнительно длительного пребывания самого автора подделки в России. В этом случае наиболее сложным для исполнения оставался должный подбор авторов и сочинений для включения в текст Записки. Здесь фальсификатору XVI в. действительно требовались незаурядные филологические познания (ибо одно дело зафиксировать, хотя бы и по памяти, однажды увиденное, и совсем иное — составить подобный список «на пустом месте»). Т. е. выведенные выше граничные условия обеспечения достоверности были для автора XVI века (если принять ряд оговоренных допущений) вполне достижимы.

Значит ли это, что фальсификация Записки Анонима в XVI в. была не только принципиально возможной, но и практически осуществленной?

В доказательстве подложности средневековых памятников особое место принадлежит выяснению мотивов фальсификатора. По справедливому суждению Д. С. Лихачева, «подделка — это такой же памятник, как и всякий другой, но сделанный с особыми целями. Вот почему, чтобы окончательно доказать поддельность памятника, необходимо ясно и убедительно показать цель, ради которой эта подделка была совершена. До тех пор, пока не выяснены цели и побудительные причины, заставившие прибегнуть к обману, всегда может оказаться необходимость в пересмотре вопроса о поддельности».⁶¹

По отношению к воспроизводимым в них фактам все многообразие документальных подделок феодальной эпохи можно разделить на две группы. Подделки первой группы — назовем их условно подлогами — являются как бы квинтэссенцией фальсифицированности, поскольку в них не только воспроизводились не имевшие места в действительном прошлом факты и сопутствовавшие им процедуры, но ложным воспроизводством этих фактов и процедур порождались без реальных оснований и соответствующие правоотношения. Подделки второй группы, или — условно — легенды, имеют в основе своей реальные факты и события, но освещение

⁶¹ Лихачев Д. С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. — Исторический архив, 1961, № 6, с. 148.

этих событий, истолкование связанных с ними обстоятельств и, как следствие, предлагаемые прямо или между строк выводы имеют настолько выраженную тенденциозность, что в части достоверности отражения реальности смыкаются с подлогами.⁶²

История создания подлогов показывает нам, что их составители были людьми прежде всего практическими и, фальсифицируя не имевшие места в прошлом факты, преследовали, в общем, вполне материальные цели. Это относится как к подложным актовым памятникам (равно и русским и западноевропейским), оформлявшим права на земельные владения или иммунитетные привилегии, так и к текстам, содержащим обоснования тех или иных политических и религиозных притязаний.⁶³ Цель составления подлогов довольно четко вырисовывается из их содержания — это охрана интересов соответствующей корпорации; причем численность корпорации может быть самой различной — от узкой родовой группы, как, например, это было в подлогах русских бояр Протасьевых, и до представительной международной организации, какой выступала католическая церковь с «Константиновым даром». На этом фоне Записка Анонима, если считать ее подлогом XVI в., выглядит явным и резким диссонансом, и, следовательно, утверждение ее в таком качестве было бы, как представляется, слишком большой натяжкой.

Но, может быть, автор Анонима воспользовался реальным фактом, каким было, например, посещение царской библиотеки пастором Веттерманом, и, уже отталкиваясь от этого, создал фантастический перечень авторов и сочинений? Иными словами, не является ли Записка подделкой-легендой?

К легендотворчеству во второй половине XVI в. оказались причастными самые различные писатели. Целая цепочка подделок-легенд (в нашем понимании термина) появилась из-под пера самого московского государя или по его непо-

⁶² Вопросы классификации поддельных произведений в источниковедческом аспекте представляют значительный интерес не только с чисто познавательной, но и с методической стороны. К сожалению, в нашей литературе эти проблемы должным образом не затрагиваются.

⁶³ Даже в происхождении такого, казалось бы, чисто «идеологического» подлога, как «Деяние на еретика Мартина», сфабрикованного уже в новое время, материальный интерес занимает далеко не последнее место; необходимость борьбы со староверием в Петровскую эпоху обуславливалась не столько обрядовыми расхождениями, сколько стремлением укрепить финансовую систему государства, заметно подтачиваемую побегам старообрядцев.

средственным указаниям.⁶⁴ Не уступал в этом отношении Грозному и его идеологический противник князь А. М. Курбский, приводивший в своих писаниях оценки прямо противоположные мнению царственного оппонента. Целое созвездие легенд возникает в 70-х гг. XVI в. в интересующей нас сейчас среде немецких авторов. Таубе и Крузе, Шлихтинг, Штаден, Одерборн, Гофф — их произведения, документальные в основе (написаны по личным впечатлениям, свидетельствам очевидцев, с использованием письменных источников), достоверны по излагаемым в них фактам бытия⁶⁵ и легендарны по проводящимся тенденциям. Общим их свойством является плохо скрытая, а порой и откровенная и явная враждебность к России и лично Грозному. При всем разнообразии как содержания этих произведений, так и личного стиля авторов, портрет московского царя рисуется ими в удивительном согласии и в одной палитре. В их освещении Грозный — тиран, самодур, непросвещенный властитель, человек гордый, заносчивый, жестокий, безусловно враждебный западному цивилизованному миру и т. п. Записка Анонима была создана в той же среде, но по отношению к Грозному она являет прямую противоположность. Московский самодержец в ней представлен не просто хранителем огромных культурных богатств, но хранителем просвещенным, желающим ознакомиться с творениями классиков и организуящим работы по их переводу.

Сочинения Шлихтинга и подобных ему памфлетистов создавались в условиях повышенного спроса на литературу именно такого содержания. Затянувшаяся Ливонская война, обременительная для всех ее участников, требовала использования не только чисто военных, но и идеологических средств противоборства. Таким образом, легенды немецких памфлетистов являются как бы ответом на социальный заказ, выдвинутый широкими кругами ливонского и польского (возможно, в какой-то мере, также и имперского) дворянства. Авторы подобных посланий, составляя их, полагали (и,

⁶⁴ В частности, знаменитые приписки к последним томам Лицевого свода, существеннейшим образом изменяющие трактовку ряда событий. Причастность Грозного (прямая или опосредствованная) к редактированию Лицевого свода признается практически всеми исследователями, обращавшимися к этому памятнику в источниковедческих целях.

⁶⁵ Информация фактологического порядка, сообщаемая данными авторами, поддается перекрестной проверке по другим памятникам, как западным, так и русским (архивным документам, летописям, писаниям Курбского и самого Грозного и т. п.). В этом качестве, т. е. как свидетельство о фактах, названные произведения являются весьма ценными источниками по истории России 60—70-х гг. XVI в.

вероятно, не без оснований) получить вполне реальное вознаграждение и потому не случайно адресовали свои труды высокопоставленным лицам.⁶⁶ Условий для возникновения социального заказа на подделку, подобную «Дабеловскому списку», в Прибалтике в ходе Ливонской войны явно не было. Следовательно, и на фоне легенд Записка Анонима представляется диссонансом, выпадающим из **типического ряда**.⁶⁷

Наконец, необходимо отметить и то обстоятельство, что средневековые подделки (как подлопи, так, равным образом, и легенды) были рассчитаны на **публичное** использование. Записка же Анонима, как уже отмечалось выше, имеет все свойства **частного** документа.⁶⁸ Личные отношения двух лиц, о которых к тому же почти ничего не известно, — слишком зыбкая почва для построения сколько-нибудь обоснованных предположений. Однако и здесь можно сформулировать граничное условие, без выполнения которого изготовление фальсификации теряет смысл. Таким условием является наличие достаточно глубокого общего интереса автора и адресата к предмету обсуждения (следовательно — предмету мистификации), при этом автор должен, во-первых, быть более информированным об адресате, нежели адресат об авторе, и, во-вторых, иметь личную заинтересованность в мистифицировании адресата именно по данному поводу.⁶⁹ Мы не знаем, были ли в Европе в конце XVI в. хотя бы два лица, в деятельности которых поставленное условие нашло бы удовлетворительное объяснение.

⁶⁶ Не следует исключать и более далекие устремления ряда авторов (вспомним хотя бы проект военной оккупации России, составленный Штаденем). Их сочинения объективно были направлены к разжиганию противоборства России и Запада (и такой писатель, как Одерборн, несомненно сознавал это), а в любых дипломатических и военных столкновениях авантюристам типа Таубе и Крузе всегда находилось должное дело.

⁶⁷ На протяжении второй половины XVI в. был, по-видимому, лишь один сравнительно краткий период, когда в сближении с Россией были заинтересованы действительно широкие слои политически активных сословий. Мы имеем в виду время безкорольевья в Польше, связанное с возможным выдвижением кандидатуры Ивана IV на вакантный польский трон. Однако в этом случае социальный заказ на идеализацию Ивана мог исходить, по-видимому, в первую очередь от **православных** магнатов и шляхты Великого княжества Литовского.

⁶⁸ В этом отношении Записка Анонима сближается с рассказом Веттермана, представляющим также сугубо частное повествование. Именно в таком качестве рассказ Веттермана воспринимал и Ниенштедт, поместивший его в своей Хронике лишь как более или менее любопытный случай. Напомним, что рассказ Веттермана современными исследователями признается полностью достоверным.

⁶⁹ Истории известны и иные мотивы взаимных мистификаций частного характера, облекавшиеся в разного рода шутки. Однако для мисти-

III

В признании реальности какого-либо исторического события важное место занимает установление связей данного события с рядом последующих. Занятия с книгами великокняжеской библиотеки инока-святогорца Максима Грека отражены в его собственных сочинениях и переводах (по словам самого Максима Грека, оригиналами для некоторых его переводов послужили книги, полученные им от великого князя), дошедших до нас в прижизненных списках, а в какой-то мере, возможно, и в авторских или авторизованных рукописях. Труды Максима Грека зафиксированы в Сказании о нем, составленном «по горячим следам» князем А. М. Курбским, учеником и почитателем знаменитого инока.⁷⁰ Знакомство с библиотекой Грозного пастора И. Веттермана зафиксировано Францем Ниенштедтом со слов самого пастора и его спутников.⁷¹ Выше мы показали весьма вероятную связь допуска Веттермана к некоторым книгам библиотеки с историографическими замыслами московских книжников. Иными словами, два важных события из истории царской библиотеки были известны современникам уже при жизни главных персонажей данных событий, а свидетельства о них не являются изолированными в общем потоке информации. Можно ли утверждать аналогичное применительно к Записке Анонима?

В 1600 г. неожиданную заинтересованность в античных рукописях, принадлежавших московским государям, проявил папский престол. Не довольствуясь поручением польскому канцлеру Льву Сапеге, отбывавшему в Россию с официаль-

фикаций такого рода (от шуточных писем времен Возрождения и до потешных учреждений Петра I) является обязательным наличие момента игры, признаваемой всеми участниками, равно как и соблюдение определенных правил, также всем мистифицирующим и мистифицируемым известных. Избрание в качестве объекта подобной игры библиотеки московских государей представляется по меньшей мере странным, и вряд ли этому можно подыскать какое-то объяснение.

⁷⁰ Установление автора Сказания о Максиме Греке, произведенное зарубежным исследователем И. Денисовым, насколько нам известно, не встретило в отечественной литературе обоснованных возражений, хотя и не является общепризнанным среди советских ученых.

⁷¹ Р. Г. Скрынников отождествляет одного из корреспондентов А. М. Курбского («Ивана Многоученого») с И. Веттерманом (Скрынников в Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 24, 29—30). Если принять данное предположение и, тем самым, признать факт знакомства (пусть даже и заочного) А. М. Курбского и И. Веттермана, перед нами откроются интересные возможности в объяснении причин допуска пастора к книгам царской библиотеки.

ной миссией поздравления Бориса Годунова, Ватикан снарядил и специального посла, главной задачей которого был сбор сведений о греческих и латинских рукописях, хранящихся, по слухам, в Москве. Обращает на себя внимание личность посла — Петр Аркудий был не только известным дипломатом, специалистом «по восточным делам», но и широко образованным ученым-филологом.⁷² Никогда ранее святейший престол не предпринимал подобных акций, и данное действие представляется вдвойне неожиданным, если учесть, что главный и наиболее заслуживающий доверия информатор о России — Антонио Поссевино — ни в одном из своих сочинений не упоминал о наличии в Москве сколько-нибудь серьезных культурных богатств.⁷³ До настоящего времени остаются неустановленными подлинные причины столь горячего интереса католического Рима к книжным богатствам далекой Москвы.⁷⁴

Примечательно, что инициатором поисков явился именно папа Климент VIII, а организатором экспедиции Петра Аркудия был кардинал Сан-Джорджо. Климент VIII (до интронизации — Ипполито Альдобрандини) был не только умным и тонким политиком, образованным богословом, но и человеком, не чуждым наук и искусств. Время его понтификата характерно некоторой либерализацией в области культурной политики папства, периодом, когда после нескольких десятилетий внешнего аскетизма Рим вновь стал притягательным центром для поэтов и ученых. Примечательно и то, что в сфере наук и искусств проявили себя многие члены семейства Альдобрандини. Так, в середине XVI в. были хорошо известны юридические сочинения отца будущего понтифика Сильвестро Альдобрандини. Труды по юриспруденции оста-

⁷² Подробнее об Аркудии см.: Слуховский М. И. Из истории книжной культуры в России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964, с. 198—200. Выдержки из отчетов Сапеги и Аркудия опубликованы С. А. Белокуровым (О библиотеке..., с. DXX—DXXIV).

⁷³ Антонио Поссевино, высококвалифицированный дипломат и разведчик, эрудированный библиограф, был в XVI в., по-видимому, наиболее авторитетным знатоком России на Западе (его главное сочинение о России «*Moscovia*» в 80—90-х гг. издавалось не менее семи раз на латинском и итальянском языках). Правда, среди не изданных в свое время бумаг Поссевино сохранился список книг, «которыми пользуются русские», однако в него включены лишь 27 книг на славянском языке (подробнее об этом см.: Слуховский М. И. Из истории..., с. 79—80 и др.).

⁷⁴ Объяснение С. А. Белокурова (О библиотеке..., с. 305—306), сводящее суть дела к собирательским традициям Ватиканской библиотеки и общекультурным запросам пап, не представляется убедительным в наши дни.

вили и два брата Климента VIII — Джованни и Пьетро. Однако наибольшие научные заслуги принадлежали по праву Томмазо Альдобрандини — исследователю, комментатору и переводчику на латинский язык сочинений Диогена Лаэртского. Рано умерший Томмазо не успел издать свои труды; это сделал его племянник Пьетро Альдобрандини-младший, получивший от своего дяди-понтифика на 22-м году жизни титул **кардинала Сан-Джорджо** и всю свою жизнь (умер в 1622 г.) пользовавшийся славой покровителя наук.

Нетрудно представить, что известие о хранении в далекой Москве кодексов Вергилия и Аристофана, Цицерона и Полибия, Феодосия и Юстиниана, попавшее к издателю комментариев и перевода Диогена Лаэртского, вполне могло явиться побудительной силой для организации экспедиции Петра Аркудия. Как мы помним, сочинения названных авторов и значились в Записке Анонима. Разумеется, нельзя настаивать на том, что в распоряжении Пьетро Альдобрандини-младшего или его царственного дяди находился список или беловик Записки Анонима. Однако и полностью игнорировать данное предположение также нельзя, тем более, что никакой другой возможный источник информации о библиотеке московских государей, доступный в конце XVI в. окружению святейшего престола, в настоящее время не известен (Хроника Ниенштедта была завершена составлением лишь в 1604 г., Сказание о Максиме Греке не раскрывало конкретно состава библиотеки, да и бытовало лишь на русском языке).⁷⁵

Итак, комплексное рассмотрение вопроса об источниках по истории «античной» библиотеки Грозного приводит нас к следующим выводам:

1. Анализ содержания и обстоятельств открытия Записки Анонима позволяет высказать убеждение, что данный документ не является фальсификацией второй половины XVI в. или конца XVIII — начала XIX в., но представляет **остаток**

⁷⁵ Для подтверждения предположения о возможной связи Записки Анонима и экспедиции Петра Аркудия 1600 г. был бы желателен поиск информации в итальянских архивах и прежде всего в бумагах семейства Альдобрандини. Заметим, кстати, что многие из членов данного семейства в последней четверти XVI в. бывали (и неоднократно) в Польше и Германии, т. е. в тех странах, где антигрозненская агитация проводилась с наибольшим размахом и последовательностью, но, тем не менее, не разуверились в существовании у политических наследников Грозного богатого античного рукописного фонда. (Видимо, не разуверился и Петр Аркудий: его близким учеником был Паисий Лигарид, следующий искаатель библиотеки в Москве).

реального факта, имевшего место, по-видимому, в 60-х или начале 70-х гг. XVI в.; следовательно, информация его может быть признана в общем достоверной.

2. Признание Записки Анонима достоверной в основе не означает, однако, утверждения аутентичности приведенного в ней списка книг с реальным составом царской библиотеки; причины сего суть: а) Записка Анонима представляет собой частную выборку из более общей совокупности, б) не исключается возможность ошибочного определения Анонимом некоторых из названных им книг и в) не исключается возможность ошибочного прочтения неразборчивого текста и первооткрывателем Записки Дабеловым.

3. Отсутствие оригинала Дабеловского списка в настоящее время не дает возможности установить, был ли в руках Дабелова подлинный черновик или позднейший список, следовательно, мы не можем с уверенностью говорить о времени возможного искажения первоначальной информации.

4. Все известные источники, повествующие об «античном» книжном фонде библиотеки московских государей, как отечественные (сочинения Максима Грека и Сказание о нем А. М. Курбского), так и иноязычные (Хроника Ф. Ниенштедта и Записка Анонима), укладываются в систему, не содержащую принципиальных и неразрешимых противоречий; информация всех названных источников не только согласуется, но взаимно подтверждается; ряд нерешенных прежде несоответствий при современной интерпретации источников находит удовлетворительное объяснение. Тем самым мысль академика М. Н. Тихомирова, что «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями... факт, не подлежащий сомнению»⁷⁶ приобретает не только новые подтверждения, но и начинает наполняться реальным содержанием. Это, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о возобновлении поисков легендарной «либерей», которая, возможно (это допускал М. Н. Тихомиров, крупнейший знаток истории Москвы), и сейчас покоится в недрах Боровицкого холма.⁷⁷

⁷⁶ Тихомиров М. Н. О библиотеке московских царей (легенды и действительность). — В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 287.

⁷⁷ Напомним, что в археологическом и историко-архитектурном отношении территория Московского Кремля до сих пор в значительной мере является «белым пятном». Даже первоначальная археологическая разведка с применением современных геофизических методов (в частности, измерение конфигурации и напряженности электрического поля, изменяющихся от нарушения структуры грунта и наличия в нем пустот) если и не увенчается находкой тайников с книгами, даст тем не менее материал большого научного значения.

С. П. ЛУППОВ

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ КНИГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Новые данные о не дошедших до нас изданиях

О значении уточнения репертуара книг, созданных в ту или иную историческую эпоху, в нашей литературе говорилось неоднократно. Отмечалась и необходимость привлечения для этой цели архивных материалов и опубликованных источников, поскольку фиксация только того, что дошло до нашего времени (т. е. учет лишь сохранившихся изданий), дает искаженную картину подлинного репертуара книг. В докладе на Всесоюзной научной конференции «Книга в России до середины XIX века» (Л., 1976) мы иллюстрировали это положение некоторыми примерами.¹ В настоящей статье мы снова обращаемся к указанной, очень важной для историков книги проблеме, используя последние данные, полученные нами в процессе работы над историей русской книги первой половины XVIII в. Речь пойдет о не учтенных библиографией изданиях Московской синодальной типографии (б. московский Печатный двор) и типографии Академии наук. Сведения по истории Московской синодальной типографии извлечены из известного многотомного издания «Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода», сведения по истории типографии Академии наук — из архивного дела, хранящегося в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

Начнем с данных по Московской типографии. Среди большого числа материалов по истории этой типографии, опубликованных в «Описании» архива Синода, для нас представ-

¹ Луппов С. П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма. — В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 12—13.

ляют особый интерес сведения о напечатанных книгах, которые составляла типография по запросу вышестоящих организаций. В этих материалах приводятся заглавия вновь выходящих книг, сообщается о годах их издания, формате, цене, а в некоторых случаях и о продолжительности издательского процесса по каждой книге. Подобные сведения, в точности которых едва ли можно сомневаться, мы имеем за годы 1725, 1726,² 1728—1730 (с 14 февраля 1728 г. по 19 сентября 1730 г.),³ 1731⁴ и 1736—1739,⁵ т. е. за 10 лет.

Сравнивая эти данные с данными библиографии («Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века»), мы выявили за указанные годы 28 не учтенных в Сводном каталоге изданий, в том числе: Часословов — 7, Псалтырей учебных — 5, Святцев — 4, Азбук — 3, Псалтырей следованных и Миней общих по два издания; Требник, «Камень веры» Стефана Яворского, Ирмологий, Апостол и Чин исповеди — по одному изданию.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о вновь выявленных изданиях для наглядности сведены в следующую таблицу:

Название книги	Годы выхода вновь выявленных изданий	Тираж	Цена	Всего изданий
Часослов	1729, 1730, 1731 (2 изд.), 1736, 1738, 1739	2300—2400	25 коп.	7
Псалтырь	1725, 1726, 1736, 1737, 1739	2400 (иногда 1200)	40 коп.	5
Святцы	1726, 1730, 1731, 1738	2300—4800	25—30 коп.	4
Азбука	1726, 1728, 1730	2295—16 800	1½ коп.	3
Псалтырь следованная	1731, 1736	1200—2400	1 р. 10 к.	2
Минея общая	1726, 1729	1150—2400	3 р. 20 к.	2
Требник	1736	1200		1
Камень веры	1730	1149	3 руб.	1
Ирмологий	1737			1
Апостол	1727		2 руб.	1
Чин исповеди	1725		7 коп.	1

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода, т. 10, Спб., 1901, прил. XII, с. 1086—1094.

³ Там же, т. 11, Спб., 1905, стб. 93—96.

⁴ Там же, стб. 725—726.

⁵ Там же, т. 20, Спб., 1908, стб. 34—36.

Из таблицы видно, что вновь выявленные издания можно разбить на две группы: дешевые многотиражные книги (азбуки, часословы, учебные псалтыри, святцы) и более солидные издания, стоившие значительно дороже, оседавшие чаще всего в церквях. И характерно, что не дошли до нас, как правило, именно дешевые издания, рассчитанные на массового читателя, сохранению которых для будущего не придавалось особого значения.

Этот вывод будет еще убедительнее, если мы сделаем сопоставление числа не дошедших до нас изданий с общим числом изданий данной книги, вышедших в указанные годы (все эти сведения обобщены в особой таблице, в нее включены и данные по менее тиражным изданиям):

Название книги	Всего изданий	В том числе выявлено вновь	% вновь выявленных изданий	Примечание
Часослов	10	7	70%	В общее число азбук вошли Букварь Прокоповича (1738 г.) и грузинская азбука (1732 г.)
Псалтырь учебная	6	5	83%	
Азбука	5	3	60%	
Святцы	4	4	100%	В число изданий, известных ранее, вошло издание 1727 г., числящееся как «разыскиваемое»
Чин исповеди	1	1	100%	
Миняя общая	4	2	50%	
Псалтырь следованная	20	2	10%	В число изданий, известных ранее, вошли два издания (1732 и 1738 гг.), числящиеся как «разыскиваемые»
Требник	6	1	17%	
Камень веры	4	1	25%	
Ирмологий	2	1	50%	
Апостол	4	1	25%	

Как видно из таблицы, удалось выявить 7 неизвестных ранее изданий часословов. В библиографической же литературе значатся всего три издания часослова, вышедшие в России в эти годы: два киевских (1729 и 1738 гг.) и одно московское (1729 г.), учтенные в библиографии Ундольского.⁶ Таким образом, вновь выявленные издания часослова составляют 70% от общего числа вышедших в эти годы часосло-

⁶ Ундольский В. М. Очерк славянорусской библиографии. М., 1871, стб. 179, № 1771, 1774; стб. 186, № 1860.

вов. Такова же картина и по другим изданиям. Учебных псалтырей, например, вышло за указанные годы 6 изданий, из них 5 (83%) выявлено нами по «Описанию» архива Синода; азбук, включая и буквари, вышло 5 изданий, из них 3 (или 60%) выявлено нами. Характерно, что издания азбуки, о которых было известно ранее, по существу не являются обычными азбуками, — это букварь Прокоповича и грузинская азбука. Что касается святцев, то все 4 издания этих лет были ранее неизвестны.

Из таблицы видно, что вновь выявленные издания составляют значительно более половины (до 100%) общего числа изданий дешевых многотиражных книг. Что же касается более солидных книг, то процент вновь выявленных изданий не поднимается выше 50 (Миния общая, Ирмологий), а как правило, он значительно ниже. Объясняется это тем, что отношение к этим изданиям было совсем другое, их берегли. Кроме того, значительная часть этих книг оседала в церквях, где книги сохранялись лучше.

И все же на основе приведенных данных устанавливается, что и солидные издания дошли до нас далеко не полностью. Что же касается дешевых многотиражных изданий, рассчитанных на массового читателя, то совершенно очевидно, что до нас дошла лишь небольшая их часть. Как известно, многие из таких книг использовались в качестве учебных пособий для начального обучения (азбуки, буквари, учебные псалтыри, часословы). Поэтому имеющиеся данные об обеспеченности школ учебными пособиями были явно заниженными. Уже теперь становится очевидным, что Московская типография издавала их в достаточном количестве и, видимо, полностью удовлетворяла потребности учащихся, в особенности московских школ. Это видно из того, что в 1730 г. на складе типографии оставались нереализованными 1384 учебных псалтыря 1725-го года издания (по цене 40 коп.) и 1187 букварей 1708-го года издания (по цене 15 коп. за экземпляр).⁷

Обратимся теперь к типографии Академии наук. В Ленинградском отделении Архива Академии наук хранится «Ведомость, сколько каких книг напечатано с июня месяца с 1746 года по нынешнее число...», датированная 25 октября 1753 г. и подписанная корректором Алексеем Барсовым. В ведомости приводятся сведения о всех книгах, напечатанных в академической типографии за указанное время (т. е.

⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве... Синода, т. 10, прил. XII, стб. 1086—1094.

с июня 1746 г. по октябрь 1753 г.). О каждом издании сообщаются следующие сведения: его заглавие (очень неточное), язык публикации, тираж, объем в печатных листах. В конце ведомости приводятся сведения о книгах, находящихся в производстве в момент составления ведомости, что в известной мере компенсирует неполноту данных за 1753 г.

Это интересное дело, которое в свое время послужило Д. В. Тюличеву источником для его «Классификационно-статистического анализа академических изданий 1747—1753 гг.»,⁸ дает нам весьма ценные сведения об изданиях Академии наук, не учтенных нашей библиографией. Неучтенные издания, вышедшие на русском языке, легко устанавливаются при сличении архивной ведомости Барсова с 5-томным «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века» и дополнительным томом к нему,⁹ а вышедшие на иностранных языках — при сличении той же ведомости со Сводной картотеккой изданий, опубликованных в России в XVIII в. на иностранных языках, хранящейся в Библиотеке Академии наук СССР и являющейся основой для создающегося сейчас Сводного каталога книг, вышедших в России на иностранных языках в XVIII в. Однако не исключена возможность, что в период завершения и публикации каталога в фондах наших библиотек еще будут обнаружены такие издания, которые в настоящее время мы считаем несохранившимися. Поэтому в части изданий XVIII в. на иностранных языках наши данные следует считать предварительными и подлежащими дальнейшему уточнению.

Внимательное ознакомление с упомянутой архивной ведомостью показывает, что перечисляемые в ней издания, распределенные по годам выхода их в свет, разбиты в каждом году на две группы, одну из которых составляют «Прибавления к ведомостям». В другую же группу входят все остальные виды изданий Академии: книги по всем отраслям знания (научные, учебные и прочие), произведения художественной литературы, календари, газета «Ведомости» (учитывалась годовыми комплектами) и т. д. «Примечания» к «Ведомостям» здесь вообще не фигурируют, очевидно потому, что составитель архивной справки Барсов рассматривал их как составную часть комплекта, обозначенного термином «Ведомости».

⁸ Тюличев Д. В. Классификационно-статистический анализ академических изданий 1747—1753 гг. как метод изучения русской культуры середины XVIII в. (По новым материалам). — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. III. Л., 1973, с. 299—318.

⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. I—V. М., 1962—1967 (дополнительный том вышел в 1975 г.).

Почему же «Прибавления к ведомостям» выделены у Барсова особо, почему они, подобно «Примечаниям», не рассматривались как составная часть комплекта? Видимо, потому, что в данном случае речь идет не о собственно «Прибавлениях» к газете (которые, разумеется, входили в комплект), а о самостоятельных изданиях, совпадающих с этими прибавлениями тематически. Т. е. приходится допустить, что какая-то часть «Прибавлений» выходила самостоятельными выпусками (помимо газеты). Такой вывод подтверждается тем, что 1) каждое из «Прибавлений», перечисленных в ведомости Барсова, имеет свой собственный тираж, как правило, значительно превышающий тираж газеты «Ведомости». Например, тираж речи президента Академии наук К. Г. Разумовского в академическом собрании составлял 600 экз., в то время как тираж газеты «Ведомости» на русском языке был всего 342 экз., и следовательно, в таком же количестве экземпляров печаталась речь Разумовского как прибавление к газете; 2) объем самостоятельных выпусков «Прибавлений», перечисленных в ведомости Барсова, зачастую не совпадает с объемом «Прибавлений» на ту же тему к газете «Ведомости». Так, объем упомянутой речи Разумовского, по данным справки Барсова, составлял 1 печ. лист, объем речи Разумовского в «Прибавлениях к ведомостям» составлял всего 7 стр. (менее $\frac{1}{2}$ печатного листа); 3) «Прибавления к ведомостям» печатались, как известно, так же, как и сама газета, — в двух вариантах: на русском и немецком языках. «Прибавления», издававшиеся самостоятельными выпусками (см. ведомость Барсова), выходили в разных вариантах: на русском, немецком, немецком с французским, а иногда на французском языке; 4) тематика тех и других «Прибавлений» в целом совпадала, однако некоторые «Прибавления», входившие в комплект газеты «Ведомости», не издавались самостоятельными выпусками, например реляции о военных действиях между зарубежными армиями. Имеют место и обратные примеры.

Все это, как нам представляется, убедительно подтверждает существование «Прибавлений», выходивших самостоятельными выпусками. Они, возможно, печатались с самостоятельного набора, могли иметь другой формат и распространялись не с газетой «Ведомости», а независимо от нее. Очень вероятно, что часть тиража рассыдалась бесплатно (как это часто практиковалось в те годы); можно допустить также, что какая-то часть тиража выдавалась авторам речей, издававшихся в виде «Прибавлений».

Считая «Прибавления», перечисленные в справке Бар-

сова, особым видом публикаций, мы должны констатировать, что такие публикации, как правило, до нас не дошли. Мы говорим «как правило» потому, что можно привести пример сохранившегося подобного издания. Это «Описание церемониала происходившего... при впусчении воды в новоделанный канал в Кронштадте 1752 года июля месяца 30 числа» (Спб., АН, 1752, 12 с., 4°), числящееся в Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. под № 4997. В аннотации к этому изданию в Каталоге сказано: «С того же набора, но без заглавия, напечатано в качестве прибавления к „Санкт-петербургским ведомостям“ 1752, 13/Х». ¹⁰ Таким образом, в данном случае самостоятельный выпуск напечатан с того же набора, что и «Прибавления» к газете. Если сделать подсчеты, то на основании ведомости Барсова устанавливаются 84 не учтенных библиографией самостоятельных выпуска «Прибавлений к ведомостям», опубликованных на разных языках.

Что же представляли эти издания по содержанию? Их можно разделить на три группы: 1) речи, произнесенные во время торжественных церемоний, 2) информационные сообщения и публикации документов, связанных с внешней политикой России и событиями зарубежной жизни, 3) информационные сообщения и документы, касающиеся внутренней жизни страны. К числу речей, изданных отдельными выпусками «Прибавлений», относится и упоминавшаяся выше речь Разумовского, напечатанная только на русском языке. Все остальные речи принадлежали дипломатам, аккредитованным при русском дворе, и были произнесены ими по различным поводам (при вручении верительных грамот, во время прошальной аудиенции и т. д.). Эти речи печатались обычно в двух вариантах: на русском и немецком языках или на русском и немецком с французским (т. е. на двух иностранных языках), при этом объем и тираж публикаций был различен. Так, например, речь датского посла Голштейна (4 июля 1746 г.) на русском языке имела объем 1 печатный лист и тираж 392 экз., на немецком с французским — объем 1/2 печ. листа и тираж 290 экз. Такими же тиражами публиковались речи других послов, произнесенные в 1746 г.

К информации, связанной с событиями зарубежной жизни, относились «мемориалы» послов, сообщения из различных стран, опровержения неверной информации, данной в зарубежных газетах, и т. д. Приведем примеры. В июле

¹⁰ Сводный каталог русской книги гражданской печати..., т. II. М., 1964, с. 365.

1746 г. был опубликован на русском с немецким языках Мемориал французского посла Каstellлана (в «Ведомости» Барсова посол назван Остерманом) Оттоманской порте. Объем публикации составлял 4 печ. листа, тираж — 597 экз. (объем публикации этой речи в комплекте «Ведомостей» составлял лишь 31 стр., т. е. 2 печ. л.). В октябре 1747 г. опубликованы в качестве «Прибавлений» «Известия о учиненных в Персии замешательствах и о убиении шаха Надира». Это известие было напечатано в трех вариантах: на русском (2 печ. л., 481 экз.), немецком (2 печ. л., 336 экз.) и французском (1½ печ. л., 126 экз.) языках. В январе 1751 г. была напечатана информация об искажении в Амстердамской газете ноты, переданной прусскому послу Варендорфу. Эта информация была напечатана на русском (695 экз., 1 печ. л.) и немецком (304 экз., ½ печ. л.) языках. В феврале того же года было опубликовано опровержение подлинности письма прусского министра Варендорфа, опубликованного в Амстердамской газете. Это опровержение было напечатано на русском языке (495 экз., 1 печ. л.) и на немецком с французским (284 экз., 1½ печ. л.). Из приведенных примеров видно, что необходимость в дополнительных изданиях «Прибавлений» возникала тогда, когда требовалось более широкое оповещение о тех или иных событиях, связанных с внешней политикой России.

Приведем примеры информации о внутренней жизни страны. В июле 1747 г. в «Прибавлениях» был опубликован экстракт из журнала о походе русского галерного флота (тираж на русском языке 361 экз., на немецком — 331 экз.). В июле следующего, 1748 г., «Прибавления» информировали о затмении солнца (на русском языке — ½ печ. л., 386 экз.; на немецком — ¼ печ. л., 336 экз.). В январе того же года в «Прибавлениях» опубликована информация о повышении в чинах штаб-, обер- и унтер-офицеров (на русском языке — объем 2¼ печ. л., тираж 416 экз., на немецком 2 печ. л., 366 экз., на французском 1½ печ. л., 136 экз.).

Обратимся теперь к нововыявленным изданиям другого характера, тем, которые мы отнесли к первой группе новых академических изданий, перечисленных в ведомости Барсова. Сюда, как уже говорилось, относятся книги по разным отраслям знания, календари, книготорговые росписи и т. д. Свыше 40 изданий на русском и иностранных языках из числа этих книг до последнего времени не учтены нашей библиографией.

Как известно, календари (или месяцесловы) издавались Академией наук регулярно в двух вариантах: на русском и немецком языках. Так же в двух вариантах, на русском и

немецком языке, издавались ежегодно и придворные календари. Однако до нас дошли далеко не все издания. Если академические календари (месяцесловы) на русском языке сохранились за все годы, то с немецким вариантом дело обстоит хуже. Не сохранились, например, календари, вышедшие в 1750, 1751 и 1752 гг. Следует сказать, что ведомость Барсова дает сведения о дополнительном издании календаря на русском языке на 1751-й год, вышедшем в том же году и не зафиксированном в Сводном каталоге русской книги гражданской печати. Было напечатано дополнительно 1025 экз. (в предыдущем году, как видно из Сводного каталога, напечатано 7306 экз. календарей на 1751-й год,¹¹ и этого количества не хватило). По-видимому, это дополнительное издание имеется в виду в каталоге изданий времени Елизаветы Петровны.¹² Придворные календари сохранились хуже. Как видно из ведомости Барсова, до нас не дошли придворные календари на русском языке следующих лет издания: 1741 г. (1 печ. л., 500 экз.), 1749 г. (1 печ. л., 600 экз.), 1752 г. (1 печ. л., 304 экз.); придворные календари на немецком языке — 1749 г. (1 печ. л., 300 экз.), 1750 г. (1 печ. л., 204 экз.) и 1751 г. (1 печ. л., 204 экз.).

Не дошел до нас и ряд книготорговых росписей, о которых говорится в ведомости Барсова: на русском языке за 1746 г., на французском языке за 1748, 1750 и 1751 гг., на немецком за 1748. Объем таких росписей — 1 печ. л., тираж 350—400 экз. В 1750 г. вышел каталог книг на немецком, французском и латинском языках, продаваемых в книжной лавке Академии наук (10½ печ. л., 400 экз.). Среди других изданий информационного характера, выявленных по ведомости Барсова и не учтенных нашей библиографией, следует отметить «программы о лекциях» 1748 г.: на русском (1 печ. л., 250 экз.) и на немецком языке (1 печ. л., 150 экз.). Это явно не «летучие издания», учтенные в дополнительном томе Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в., печатавшиеся чаще всего в виде открытого листа или имевшие объем всего несколько страниц.¹³

Обратимся к нововыявленным изданиям по различным отраслям знания. Среди них мы видим ряд книг по геогра-

¹¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати..., т. IV, с. 233.

¹² Спб., АН, 1751. 150 нenum. с. 16° (см.: Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны 1741—1761. М.—Л., 1935. с. 217, № 419).

¹³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века... Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975, с. 56—58.

фии. Выясняется, что в 1747 г. Академией наук было выпущено в трех вариантах «Описание российского атласа»: на русском (3½ печ. л., 1000 экз.), на немецком языке (2 печ. л., 100 экз.), на латинском с французским (4 печ. л., 200 экз.). Тиражи на иностранных языках были явно занижены, и уже в следующем, 1748-м г., пришлось прибегнуть к переизданию: «Описание российского атласа» на латинском и французском было выпущено добавочным тиражом 308 экз., а на немецком — 105 экз. Объемы обоих изданий были те же, что и в 1747 г. Среди нововыявленных географических книг на русском языке мы находим также «Малую географию», выпущенную в 1752 г. (4½ печ. л., 1200 экз.) и «Описание к московскому плану», вышедшее в 1747 г. (1 печ. л., 500 экз.).

Как видно из справки Барсова, Академией наук были изданы следующие книги естественнонаучной тематики, не учтенные нашей библиографией: «Эйлера диссертация» на французском языке, вышедшая в 1752 г. (11½ печ. л., 325 экз.), «Пиэса об кулисте Гилмере», вышедшая на немецком и латинском языках в 1752 г. (23 печ. л., 300 экз.). Под диссертацией Эйлера подразумевается, по-видимому, его книга «Теория движения луны», которую Академия наук опубликовала в 1753 г. на латинском языке.¹⁴ Теперь выясняется, что этому изданию предшествовало издание на французском языке. «Пиэса об кулисте Гилмере» является ничем иным, как сочинением главы Медицинской канцелярии в России Г. Кау-Бургаве, разоблачающим шарлатана-окулиста И. Гилмера. Это сочинение, как известно, было издано Академией наук в 1751 г. на латинском и русском языках,¹⁵ через год, как мы видим, Академия переиздала труд Кау-Бургаве, теперь уже на латинском и немецком языках.

Переходим к книгам гуманитарной тематики. Справка Барсова дает нам возможность выявить ряд ранее неизвестных изданий. Под 1747 г. в этой справке значится «Реестр к Целлариеву лексикону» (10 печ. л., 2450 экз.), под 1748 г. «Азбука французская» (1 печ. л., 1200 экз.), под 1749 г. — «Юности честное зерцало» (5 печ. л., 1200 экз.) и «Апофегмата» (10⅛ печ. л., 1200 экз.). Целлариев латинско-русско-немецкий лексикон значится в Сводном каталоге как издание 1746 г. (558 с., 2439 экз.).¹⁶ Однако фактически, как мы видим, он вышел лишь в следующем 1747 г. и имел тираж

¹⁴ «Theoria motus Lunae...» (См.: Издания гражданской печати времени... Елисаветы Петровны, с. 249, № 499).

¹⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати..., т. II, с. 30, № 2885.

¹⁶ Там же, т. III. М., 1966, с. 350, № 8095.

2450 экз., а объем 25^{1/2} печ. листа. И в том же 1747 г. Академия, как выясняется, издала на русском языке также «Рестр к Целариеву Лексикону» тем же тиражом. Эта книга в Сводном каталоге не значится. Также не значатся в этом каталоге издания 1749 г. популярных книг того времени — «Апофегмата» и «Юности честное зерцало». Из справки Барсова мы узнаем, что существовали издания на итальянском языке «Морского пошлинного регламента» и «Пошлинного тарифа» (обе книги вышли в 1753 г.) и на русском языке — «Генерального регламента», вышедшего в 1752 г. (тираж 2400 экз.).¹⁷

Нам остается сказать несколько слов о неизвестных ранее изданиях художественных произведений. Это итальянские варианты опер Бонекки «Беллерофонт» (Спб., АН, 1750, тираж 136 экз.) и «Лазило де ля пазе» (Спб., АН, 1748, тираж 60 экз.), вирши Бернарди на итальянском языке (Спб., АН, 1749, тираж 110 экз.) и русско-французский вариант оперы Бонекки «Митридат» (Спб., АН, 1747), опера «Евдокия» на немецком языке (Спб., АН, 1753, тираж 90 экз.) и другие. Все это, как мы видели, малотиражные издания. А текст оперы Бонекки «Митридат» на русском и французском языках был напечатан тиражом всего 2 экз., очевидно по специальному заказу кого-либо из влиятельных людей.

Все сказанное о не учтенных нашей библиографией изданиях Московской типографии и типографии Академии наук наглядно показывает, насколько неточны наши представления о репертуаре русских книг XVIII в. По примерному подсчету, на основе данных статьи устанавливается, что свыше 150 изданий выпало из поля зрения библиографов, поскольку до последнего времени было принято фиксировать лишь то, что можно описать *de visu*. А это, как мы убедились, дает сильно искаженную картину истинного положения вещей. Разумеется, приводимые нами данные являются предварительными (особенно в части изданий на иностранных языках), но в задачу статьи и не входила точная статистика. Задача в данном случае была другая — показать, насколько важно привлечение новых источников (главным образом, архивных) в исследованиях по истории книги. Работа эта очень трудная, кропотливая, по силам только большим коллективам, а не единичным исполнителям. Однако она совершенно необходима, и надо надеяться, что наши исследователи, число которых растет из года в год, охотно откликнутся на призыв.

¹⁷ В Сводном каталоге значится издание 1750 г. Генерального регламента (тираж 1200 экз.) — Там же, т. I. М., 1962, с. 215, № 1350.

¹⁸ Там же, т. III, с. 231, № 7281; с. 232, № 7285.

М. И. ФУНДАМИНСКИЙ
БИБЛИОТЕКА КАБИНЕТ-СЕКРЕТАРЯ И. ЭЙХЛЕРА

Иоганн Эйхлер, кабинет-секретарь императрицы Анны Иоанновны, известен как член кружка А. П. Волынского, осужденный вместе с ним и другими «конфидентами» в 1740 г. Известно также, что он принадлежал к числу просвещенных людей того времени. Д. А. Корсаков в работе о А. П. Волынском упоминает о значительной библиотеке, принадлежавшей И. Эйхлеру.¹ О составе этой библиотеки до сих пор, однако, никаких сведений не было. И вот теперь следы этого книжного собрания удалось обнаружить в Ленинградском отделении Архива АН СССР, в фонде Академической канцелярии. Там имеется ранее не привлекавшее внимания исследование «Дело о посылке во учрежденную с Артемье Волынском и сообщниках его комиссии промемории о взятых из книжной палаты и из библиотеки оным Волынским с товарищи книгах».²

Из этого дела можно узнать, что Канцелярия Академии наук вела оживленную переписку о книгах А. П. Волынского и его товарищей: А. Ф. Хрушова, П. М. Еропкина, Ф. И. Соймонова и И. Эйхлера. Дело в том, что трое из них — Волынский, Эйхлер и Соймонов были покупателями академической книжной лавки и остались ее должниками. Так, Волынский задолжал Академии за взятые им в течение четырех лет книги и за переплеты к ним 36 р. 97 к.³ Эйхлер остался должен 32 р. 20 к.,⁴ Соймонов — 10 руб.⁵ Кроме того, за Волынским и Эйхлером числились книги, взятые из академической

¹ Корсаков Д. А. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк. — Древняя и новая Россия, 1877, № 2, с. 288.

² ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 55, л. 260—311.

³ Там же, л. 269 об.

⁴ Там же, л. 266.

⁵ Там же, л. 265.

библиотеки.⁶ Поэтому естественно, что известие об аресте и осуждении Волынского и его сторонников побудило Канцелярию Академии наук предпринять меры для возвращения их долгов. Узнав о составлении описи имущества осужденных, Канцелярия направила в Комиссию промеморию (от 26 августа) с просьбой, чтобы за книги, купленные в книжной лавке в долг, были уплачены деньги, а книги, взятые в библиотеке, были бы возвращены, для чего при промемории посылались «реестры» этих книг.⁷

В ответе Комиссии было сказано, что «означенных Волынского и Соймонова и протчих российским и иностранным книгам всем по присланному из Правительствующего Сената указу поданы в Кабинет ея императорского величества реестры, а у Эйхлера таким званием книг, как в присланном из Академии наук реестре показано, не явилось, да и по именованному ея императорского величества указу ево — Эйхлера именованней отписывать не велено».⁸

Очевидно, такой ответ не мог удовлетворить Академическую канцелярию. Возможно, она решила предпринять шаги для получения более точной информации. Во всяком случае к делу подшиты «росписи» библиотек Эйхлера, Мусина-Пушкина, Еропкина, Соймонова и Хрущова (в деле нет сведений о книгах только двоих из числа осужденных — Волынского и Суды). Три первых списка имеют чистовой и черновой экземпляры. Наличие черновики указывает на то, что эти списки, вероятно, составлялись в самой Академии наук. Об этом свидетельствует и уже публиковавшийся ордер Академической канцелярии секретарю Академии В. К. Третьяковскому от 12 июля 1740 г. с приказом описать книги Еропкина,⁹ а также обнаруженное в Архиве письмо президента Академии наук К. Бревверна в Канцелярию на немецком языке от 5 июля, в котором говорится: «Нужно немедленно поручить кому-либо из студентов или из Канцелярии составить каталог книг Мусина-Пушкина, для чего он должен явиться в дом Мусина-Пушкина, в распоряжение вице-губернатора Наумова, имеющего надзор за вещами».¹⁰ Кроме того, на обороте «реэстра книгам» Соймонова стоит надпись: «Послан так реэстр к тайному советнику июля 28 дня 1740 г.».¹¹ В пояснение надо сказать, что тайный советник Ф. В. Наумов

⁶ Там же, л. 262—263.

⁷ Там же, л. 261—262 об.

⁸ Там же, л. 287—287 об.

⁹ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 4. Спб., 1887. с. 427.

¹⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 55, л. 286.

¹¹ Там же, л. 303 об.

вместе с генерал-прокурором Н. Ю. Трубецким руководил «Комиссией описи пожитков Артемья Волинского с прочими». Очевидно, эта Комиссия, не располагавшая достаточно образованными людьми, которые могли бы разбирать библиотеки на иностранных языках, обращалась за помощью в Академию. Последняя со своей стороны также была заинтересована в составлении описей для выявления содержания библиотек, и в частности книг, принадлежащих Академии. Удалось ли ей в конце концов получить книги и деньги, которые задолжали Волинский и его товарищи, мы не знаем, равно как нет точных сведений о дальнейшей судьбе их библиотек.¹² Но описи, составленные тогда, до нас дошли и позволяют нам представить характер этих книжных собраний.

В первую очередь нас интересует до сих пор неизвестная опись библиотеки И. Эйхлера, которая публикуется ниже. Однако предварительно несколько слов следует сказать о самом Эйхлере. Иоганн Эйхлер, немец по происхождению, родился в России. Дату его рождения выяснить не удалось. По утверждению П. В. Долгорукова, Эйхлер был сыном лакея и начал свою карьеру так же лакеем и музыкантом-флейтистом.¹³ Еще в молодости он выдвинулся, благодаря, вероятно, незаурядным способностям и близости к фавориту Петра II князю И. А. Долгорукому, получил службу, дворянство и даже приобрел влияние при дворе. После падения Долгоруких Эйхлер был на время оттеснен, но вскоре, пользуясь покровительством П. И. Ягужинского, вновь появился при дворе. На него обратил внимание всесильный Бирон, который выдвинул Эйхлера на должность тайного кабинет-секретаря императрицы Анны Иоанновны. На этом посту Эйхлер сблизился с А. П. Волинским и принимал деятельное участие в составлении его проектов. П. В. Долгоруков и вслед за ним В. Б. Шкловский обвиняют его в том, что он вел двойную игру в борьбе Волинского и Остермана, находясь в тесных отношениях с обоими врагами.¹⁴ Осужденный в 1740 г. как «конфидент» Волинского, Эйхлер был бит кнутом и сослан в Сибирь на каторгу. Имущество его (а значит и библиотека) при этом конфисковано не было. Впрочем,

¹² Известно только, что часть библиотеки А. Ф. Хруцова была приобретена Академией (см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. XVIII век. Вып. 1. М.—Л., 1956, с. 183—184, 213).

¹³ Долгоруков П. В. Из записок. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Изд. 3-е. М., 1909, с. 138.

¹⁴ Там же; Шкловский В. Б. Матвей Комаров — житель города Москвы. Л., 1929, с. 25.

уже через полгода правительство Елизаветы позволило ему вернуться (но без определения к делам) и поселиться в имении его жены,¹⁵ а в 1742 г. императрица произвела его в действительные тайные советники с увольнением от службы. Из работы В. Б. Шкловского о писателе М. Комарове, который был слугой Эйхлера, видно, что последний доживал свой век в Москве, в собственном доме «на Моховой улице, против церкви Михаила Малена». В этой же работе приведены косвенные указания на то, что И. Эйхлер умер между 1779 и 1785 г.¹⁶

Согласно публикуемой здесь описи, библиотека И. Эйхлера состояла из 209 книг, или, принимая во внимание многотомные издания, из 318 библиотечных единиц. Это были книги на шести языках, причем более половины на французском:

Язык	Число книг	%
Французский	177	56,0
Немецкий	42	13,2
Итальянский	29	9,2
Английский	27	8,5
Латинский	18	5,6
Русский	9	2,8
Книги на двух и более языках . .	12	3,8
Язык не выяснен	4	0,9
Итого	318	100,0

Поскольку Эйхлер был немцем, преобладание в его библиотеке французской литературы было несколько неожиданным (впрочем, аналогичная картина была и в библиотеке Остермана¹⁷). Распределив книги Эйхлера по содержанию, получим следующее:

¹⁵ В «Российской родословной книге» говорится, что Иван Христианович Эйхлер был вторым мужем Анны Логгиновны Шербачевой-Зотовой (1716—1785) (см.: Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым. Ч. 2. Спб., 1885, с. 112).

¹⁶ Шкловский В. Б. Матвей Комаров..., с. 24—25, 41, 132. Об Эйхлере см. также: Русский биографический словарь. Т. Шапов-Юшневский. Спб., 1912, с. 207; Соловьев С. М. История России. М., 1963, кн. X, т. 20, с. 675, 676, 678, 681, 686; кн. XI, т. 21, с. 161; Гельбиг Г. А. Русские избранники и случайные люди. — Русская старина, 1886, т. 50, апрель, с. 135; Hermann E. Geschichte des russischen Staates. Bd. 4. Hamburg, 1849, S. 638.

¹⁷ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976, с. 188.

Отрасли знания, вид литературы	Число книг	%
История	86	27,0
Политика	37	11,7
Филология	17	5,3
Пособия по красноречию, письменники	10	3,1
Философия	13	4,1
Юриспруденция	10	3,1
Астрономия, математика, механика .	7	2,3
География	5	1,6
Военное дело	4	1,2
Медицина	2	0,7
Общественные издания	10	3,1
Художественная литература	80	25,2
Периодика	9	2,8
Религиозная литература	19	6,0
Прочие виды (нравоучительная литература, музыкальная, описания достопримечательностей)	6	1,9
Вид литературы не установлен . . .	3	0,9
Итого	318	100,0

Оценивая приведенные данные, можно сделать вывод, что подавляющую часть библиотеки составляли книги гуманитарного содержания, причем на первом месте среди них была историческая литература.

Книг по истории России в библиотеке Эйхлера мало. Это «Житие Петра Великого императора российского» на итальянском языке (168)¹⁸ (очевидно, произведение А. Сатифоро) и «Описание жития и щастия князя Меншикова» на немецком языке (39). Условно к книгам по истории России можно отнести «Татарскую родословную историю» Абулгази Баядур-хана на французском языке (58) и «Синопсис курляндских дел 1726 года» на латинском языке (32). Зато зарубежная история представлена очень широко. Здесь есть работы, посвященные отдельным странам Европы: Франции — «История французского государства от начала сей монархии» отца Даниила (10), Италии — «Разсуждение о обстоятельствах Италии и о причинах нынешней войны» (37), «Описание войны в Италии» (100), Польше — «История польских королей и тамошнего правления» П. Массюэ (71), «Полская история» К. Завадского (29), а также истории Европы в целом — «Описание славных и важных спорных дел» Ф. Г. де Питаваль (61), «История Утрехтского мирного конгресса» Ш. Фрешо

¹⁸ Цифры в скобках соответствуют номеру данной книги по описи (см. приложение). Названия книг даются в том виде, в каком они зафиксированы в описи.

(190), характерная для политического деятеля XVIII века «История о временщиках при разных владениях» (87) и т. д.

Были книги и по истории неевропейских народов, например, «Руководство к истории о Азии, Африке и Америке» Б. де Мартиниера (63), но особенно много трудов по древней истории как поздних авторов — Ш. Роллена (66), В. О. Верто д'Обёфа (56), И. Маскова (20), так и античных писателей — Квинта Курция (41 и 107), Плутарха (60), Корнелия Непота (53).

В библиотеке Эйхлера было довольно много произведений по всеобщей истории: «Руководство к универсальной и политической истории» С. Пуффендорфа (62), «Ралеево сокращение универсальной истории» (154), «Универсальная история» Ж. Б. Боссюэ (67), «Русетово историческое описание всех переговоров, трактатов и проч.» (64) и т. д. Отдельно следует выделить справочные и вспомогательные издания по истории — «Будеев универсальный исторический и географический лексикон» (3), «Нерингов политический, исторический и юридический лексикон» (22), «Гибнеровы родословные таблицы» (7), «Гибнеров родословный лексикон» (132), «Фрейэров каталог всем римским и немецким хронографам и летописцам» (33).

Среди политической литературы можно отметить распространенную тогда книгу А. Викфора «О послых и их должностях» (9) и примыкающие к ней по содержанию работы Калье (151) и Штифена (75) по дипломатическому и придворному церемониалу. У Эйхлера были труды Н. Макиавелли (137), «Духовная политическая кардинала Ришелле» (89), «Робертово рассуждение о правлении государства вообще» (5), «О искусстве, потребном к доброму правлению народа» Ф. Пачиани (124), произведения Ж. Руссе де Мисси (15 и 21) и Ж.-Б. Шевремона (118). Наличие «Рассуждения о так называемом вихс и торис в Англии» П. Рапена де Туара (52) и «Писем, касающихся до аглинского правления» (208) свидетельствует об особо пристальном внимании Эйхлера к английской форме правления. К политической литературе следует, кроме того, отнести письма и мемуары дипломатов и политических деятелей: Ж. де Бонгара (113), графа д'Эстрад (184), Ж. Викфора (брат А. Викфора) и Г. Барле (115), кардинала Г. Бентиволли (86 и 131), а также памфлетные произведения: «О состоянии немецкого государства» С. Пуффендорфа (74), «Швифтова басня о бочке» (55), «Нечаянное прибытие Карла XII шведского короля во царство умерших» Д. Фассмана (31).

Юридическая литература была представлена такими ра-

ботами, как «Военные и мирные права» Г. Гроция (17), «Лифляндские земские права» (23), «Келеровы натуральные права» (24), «Руководство к публичным правам немецкого государства» Г. Ланге (98), «О должностях человека и гражданина» С. Пуффендорфа (82 и 134), труды Х. Томазия (130), а также «Новое исследование о основаниях натуральных прав» (144). Из русских изданий — «Вексельный устав» (163).

В числе книг по философии назовем работы английских мыслителей — Д. Локка «О силе человеческого разума» (146), А. Коллинса «Рассуждение о свободе мысли» (77) (у Эйхлера была также книга неизвестного французского автора, полемицирующего с Коллинсом (90)), труды Т. Брауна (79); немецких — «Наставление в вольфианской философии» Л. Р. Тюммига (84). Еще лучше представлены сочинения французских философов — работы Г. Шоппе (95), д'Аржана (54), Р.-Д. Гюэ (85), а также «Вольтеровы философские письма» (161), «Персидские письма» Ш. Монтескье (175), произведения Б. Фонтенеля (172). Подбор юридической и философской литературы в собрании Эйхлера свидетельствует о весьма пристальном внимании владельца к передовым идеям своего времени, выраженным, в частности, в трудах просветителей.

К группе филологической литературы следует отнести большое количество словарей и грамматик. Здесь были итальяно-франко-немецко-латинский (11), немецко-латинско-русский (8) и латинско-русско-немецкий (194), два англо-латинских (12 и 147), французско-немецкий (27), латинско-немецкий (156), а также французский (2) и латинский (170) лексиконы и дикционарии. Имелся, кроме того, «Кноллиев лексикон на Корнелия Непоса» (латинско-немецкий) (96). В библиотеке были французско-английская грамматика П. Фесто и К. Моде (117), «Буонматеева итальянская грамматика» (25), «Венерониев учитель итальянского языка» (59), а также полемическая работа де Лаланда по поводу «Французской грамматики» Гримарэ (158). К этому виду литературы близки также пособия по красноречию (38, 94, 119, 121, 129, 196) и многочисленные письмовники или собрания лучших образцов эпистолярного жанра (108, 139, 143, 145, 155, 166, 167), которые, очевидно, были необходимы Эйхлеру как кабинет-секретарю.

Литература по естественным и точным наукам была представлена трудами И. Хюбнера (57 и 103) и Шомеро (19) по географии, несколькими работами по астрономии, включая «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля (164, см. так-

же 40, 51), математике (42, 43, 185) и физике (44), причем значительную их часть составляли издания Петербургской академии наук. К медицинской литературе относятся книги И. Блументроста (34) и Х. Ф. Тайхмейера (36). Вопросам военного дела посвящены «Российский военный артикул» (76) и военно-инженерные работы: «Новая манера укрепления городов» Блонделя (русский перевод — 30) и академическое издание «Меморий или записок артиллерийских» П. Сен-Реми (14).

Следует отметить также наличие в библиотеке Эйхлера таких общенаучных изданий, как «Универсальный лексикон всех наук и художеств» (6), «Большой латинский лексикон» (словарь схоластической учености) Б. Фабера (4), «Краткое описание комментариев Академии наук» (13), «Штоллова история о происхождении наук» (28), «История о присхождении наук в разных государствах» (160), «Записки, касающиеся до жития и дел многих новейших ученых людей» Ш. Ансиллона (111), «Ролленов способ, как учиться всем изрядным и разум укрепляющим наукам» (68).

Художественная литература в собрании Эйхлера по числу книг занимала второе место и была весьма разнообразна по содержанию. Здесь были произведения классических авторов: «Горациевы стихотворные сочинения с примечаниями И. Минеллия» на латинском языке (48), два издания «Теренциевых комедий»: на латинском языке с примечаниями Р. Бенгли (18) и на английском языке (150), итальянское издание «Овидиевых метаморфоз» (26) и трагедия «Орест мститель» (очевидно, итальянский перевод Эсхила) (193). Имелось довольно большое собрание французской беллетристики, куда входили такие известные произведения, как «Любовное обхождение Психи с Купидоном» Ж. Лафонтена (114), «Турецкий шпион при христианских дворах» Ж. П. Мараны (69), «Телемаковы похождения» Ф. Фенелона (73), «Похождения некоторого знатного человека, вступившего в уединенное житие» (по-видимому, аббата Прево) (178), «Хромой диавол» А. Р. Лесажа (122), трагедия «Алзира или американцы» М. Ф. Вольтера (45), сочинения Ж. Б. Руссо (88), Р. Бюсси-Рабютена (83, 106), Ш. де Сент-Эврмонна (70, 180) и др. Наряду с французской в библиотеке Эйхлера была представлена и итальянская художественная литература. Здесь обращают на себя внимание сочинения Т. Тассо (192) и Д. Б. Фадживолли (176), «Веселые рассуждения» П. Аретина (196), а также несколько произведений для театра, из которых можно отметить пьесы Н. Макиевелли (126), Ф. Д. Аннугини (101), Д. Б. Гварини (81) и

оперу на известный сюжет «Ариадна на острове Наксусе» (195). В очень небольшой группе английской и немецкой беллетристики вызывают интерес две книги Д. Дефо: «Щастливыя и несчастливыя приключения славного Молфляндерса» (так в описи. — М. Ф.) (49) и «Новое путешествие около всего света» (157), а также «Великолепная и обходительная Саксония», принадлежащая, очевидно, перу барона К. Л. Пёльница (209).

К периодическим изданиям светского характера относятся несколько томов издававшегося в Англии Д. Аддисоном и Р. Стилом «Спектейтора» (78), английские же «Месячные известия о разных делах» (191) и «Записки исторические нынешнего века» Ж. В. Роше де Партенага (153).

Религиозная литература в библиотеке Эйхлера включала тексты священного писания (104, 148), несколько теологических работ (91, 173, 174), религиозно-нравоучительные книги (125, 136, 179 и др.) и даже образец мистической литературы: «Граф Габалис» (228).

Наличие музыкальной литературы — в библиотеке Эйхлера имелось «Собрание всяких музыкальных сочинений на скрипку и флейту» (46) и еще «немалое число музыкальных сочинений и нот» (в конце описи) — является доводом в пользу утверждения П. В. Долгорукова о том, что Эйхлер начал свою карьеру музыкантом.¹⁹

В числе книг Эйхлера обнаружено 9, напечатанных при Академии наук. Там же, очевидно, были изданы «всякие печатные стихи» (в конце описи). Не исключено, что часть этих изданий могла быть «поднесена» Эйхлеру советником Академической канцелярии И. Д. Шумахером, который, как известно, не упускал случая сделать подарок влиятельному лицу.

Подводя итог, можно сказать, что хотя библиотека Эйхлера уступала по своему объему крупным собраниям некоторых его современников (Д. М. Голицина, А. П. Волынского, А. Ф. Хрущова, А. И. Остермана и др.), она тем не менее представляет значительный интерес хорошим подбором литературы по широкому кругу вопросов. Кроме того, опись библиотеки дает весьма важный материал для характеристики ее владельца, других сведений о котором у нас немного. Из анализа этого книжного собрания видно, что оно принадлежало весьма образованному человеку, владеющему, по-видимому, многими языками. Большое количество книг по истории и философии выдает гуманитарные интересы их хо-

¹⁹ Долгоруков П. В. Из записок..., с. 138.

зяина, затронутого, очевидно, идеями Просвещения. Этот раздел его библиотеки близок по содержанию соответствующим разделам библиотек других членов кружка А. П. Волынского,²⁰ что свидетельствует о родстве их мировоззрения. Подбор беллетристики обнаруживает наличие определенного литературного вкуса. Наконец, интерес к литературе по камеральным наукам (политика, государственное управление, придворный церемониал), а также к пособиям по красноречию и письмовникам позволяет считать неслучайным выдвижение Эйхлера на важный в государстве пост кабинет-секретаря императрицы. Складывается впечатление, что это книжное собрание служило не украшением, а было полезно своему владельцу для работы, самообразования и отдыха.

Ниже публикуется сама опись библиотеки И. Эйхлера.²¹ За основу взят черновой вариант, как более достоверный; книги пронумерованы (в оригинале описи нумерация отсутствует). Книги, взятые Эйхлером из Библиотеки Академии наук, в публикации, как и в оригинале, отмечены знаком «звездочка» (*).²² Значительную часть указанных в описи книг удалось атрибутировать. Их краткие библиографические описания даются в правой колонке. В тех случаях, когда известно несколько изданий книги, мы выбирали наиболее вероятное из них, причем место и год издания помещали в скобках.

Большую помощь в атрибуции книг Эйхлера и в подготовке этой публикации автору оказали кандидат филол. наук Ю. Х. Копелевич, сотрудники научно-исследовательского отдела истории книги и отдела редкой книги БАН СССР, а также отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького при ЛГУ им. А. А. Жданова, которым автор выражает свою глубокую признательность.

²⁰ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время..., с. 174—180, 224—225, 231—232.

²¹ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 55, л. 268—272 (черновик), 289—293 об.

²² В архивном деле имеется также отдельный список этих книг (там же, л. 275—275 об., 283—283 об.).

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ И. ЭЙХЛЕРА

№№	Правильные названия
	«Роспись книгам, найденным в доме бывшего тайного кабинетного секретаря Ивана Эйхлера»
1	Христиана Шрама историческое описание всех наилучших мостов во всех четырех частях света с гравированными фигурами на немецком языке.
2	Ришелев французской лексикон.
3	Будлеев универсальной исторической и географической лексикон 4 кнги на немецком языке.
4	Фабров большой латинской лексикон.
5	Робертово рассуждение о правлении гдрства вообще на аглинском языке.
6	Универсальной лексикон всех наук и художеств на аглинском языке.
7	Гибнеровы родословныя таблицы. <i>В четверть листа</i>
8*	Немецкой латинской и русской лексикон печатанной при академии наук.
9	Викефорон о послах и их должностях на французском языке три кнги.
10	Отца Данила история французского гдрства от начала сея монархии 6 кнг на французском языке.
11	Венерониева лексикон италианской французской немецкой и латинской 2 кнги.
12	Королевской дикционарий аглинской и латинской.
	Schramm C. C. Schauplatz der merkwürdigen Brücken in allen 4 Welttheilen, und insond. der Dresdner Elbbrücke. Leipzig, 1735.
	Richelet P. Dictionnaire françois. (Genf, 1680).
	Buddeus J. F. Allgemeines historisches Lexicon. 4 t. (Dritte Auflage. Leipzig, 1730—1732).
	Faber B. Thesaurus linguae Latinae. (Thesaurus eruditiois scholasticae). (Lipsiae, 1696).
	Ср. франц.: Dictionnaire universel des arts, des sciences de M.D.C. de l'Academie française. Paris, 1732, 2 vol. Hübner J. Genealogische Tabellen. (Leipzig, 1725).
	[Вейсман Э., Адолуров В. Е.] Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. Академии наук печатню издан. Спб, 1731.
	Wicquefort A. L'Ambassadeur et ses Fonctions. (Amsterdam, 1730).
	Daniel (père). Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie Française dans les Gaules. Paris, 1729, 10 vol.
	Veneroni G. Dittionario imperiale, nel quale le quattro principali lingue d'Europa, cioè: l'italiana, francese, tedesca e latina... 4 p. (Francoforte, 1700).

1		
13	Краткое описание комментарий академии наук часть первая.	Краткое описание комментарий Академии наук, Ч. 1. Слб., напечатано при Академии наук, 1728.
14*	Гдна де Сент Реми мемории или записки артилриския две части.	Сен-Реми С. де. Мемории или записки артиллерийския. Перев. с французского. Т. 1—2. Слб., Академия наук, 1732.
15	Руссетово описание ннешних интересов европейских областей на французском языке две кнги.	Roussel de Missy J. Les intérêts presens des puissances de l'Europe, fondés sur les traités conclus depuis la paix d'Utrecht inclusivement, sur les preuves de leurs prétensions particulieres. La Hay, 1733—1735. 2 vol.
16	Ланбертовы записки надлежащие до истории осмаго надеять века на французском языке десять кнг.	Lamberty M. de. Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII. siècle. La Hay, 1725. 10 vol.
17	Гуния Гроция военныя и мирныя правы барбейракова издания на французском языке две кнги.	Grotius H. Le droit de la guerre et de la paix. Amsterdam, éd. de Barbeyrac, 1730. 2 vol.
18	Теренциевы комедии с примечаниями Рихарда Бентлея на латинском языке.	Terentius A. Comoedias cum notis et emendationibus R. Bentleji. Amsterdam, 1727.
19	География практическая чрез гдна Шомеро на французском языке.	Chemereau N. Géographie pratique. Amsterdam, 1715.
20	Маскова история немецкого гдрства до начала французской монархии на немецком языке.	Mascov J. J. Geschichte der Deutschen bis zum Abgang der Merovingischen Könige. (Leipzig, 1726).
21	Русетово описание ннешних интересов и прегензий европейских патентатов на французском языке.	Roussel de Missy J. Les intérêts presens et les prétensions des puissances de l'Europe... La Hay, 1735.
22	Нерингов политической исторической и юристической лексикон на немецком языке.	Nehring J. C. Historisch-politisch- und juristisches Lexicon. (Gotha, 1717).
23*	Лифляндские земские правы на латинском языке.	Ср. немецк.: Liefelandische Landes-Ordnungen, nebst darzu gehözigen Placaten und Stadgen. Riga, 1705—1707.
24	Келеровы натуральные правы на латинском языке.	Coeler H. Exercitationes juris naturalis. (Jenae, 1732).
25	Буонматеева италианская граматика на италианском языке.	Buonmattei B. Della lingua italiana. Firenze, 1643.
26	Овидиевы метаморфозы на италианском языке.	Ovidius P.N. Le metamorphosi. (Milano, 1680).

1		
27	Фришов французской и немецкой лексикон две книги.	Frisch J. L. Nouveau dictionnaire de passagers françois-allemand et allemand-françois, (Leipzig, 1712).
28	Штоллова история о происхождении наук на немецком языке.	Stolle G. Einleitung zur Historie der Gelahrtheit. Jena, 1724.
29*	Казимира Заводскаго польская история на латинском языке.	Zawadzki C. Historia arcana, seu annalium Polonicarum. (Cosmopoli, 1699).
30	Новая манера укрепления городов чрез гспдина Блонделя на руском языке.	Блондель Ф. Новая манера укрепления городов. М., 1711.
31	Нечаянное прибытие Карла XII шведского короля во царство умерших на немецком языке.	[Fassman D.J. Die ganz unvermuthete doch plötzliche Ankunft Caroli XII... in dem Reiche derer Todten, als derselbe in der Nacht, von 11. zum 12. Decembris 1718 ten Jahres, in denen Approchen vor Friedrichs-Hall in Norwegen, seinen... Geist aufgegeben. Frankfurt und Leipzig, 1720.
32	Синопис курландских дел 1726 года на латинском языке.	[Bühlov F. G.] Synopsis actorum in negotio Curlandiae et Semigalliae, anno 1726. Varsaviae, 1726.
33	Фрейеров каталог всем римским и немецким гранографам и летописцам на латинском языке.	Freher M. Directorium in omnes fere quos superstites habemus chronologos, annalium scriptores et historicos, potissimum romani germanique imperii. Norimbergae et Altosii, 1720.
34	Ивана Блументронта дисертация о должностях армейскаго доктора на латинском языке.	Blumentrost J. Exercitatio practica, sistens Medicum castrensem exercitui Moscovitarum praefectum. Königsberg, 1703.
35	Обманом закрытая правда театральное представление на музыке на немецком языке.	Teichmeyer H. F. Elementa anthropologiae, sive Theoria corporis humani. (Jenae, 1719).
36	Тейхмееорова теория о состоянии человеческого тела на латинском языке.	
37	Разуждение о обстоятельствах Италли и о причинах нынешней войны на французском языке.	
38	Игумна Антона Марии Салвини надгробная речь на италианском языке.	Salvini A. M. Orazione funerale. (Delle Lodi di Antonio Magliabechi). (Firenze, 1715).

1	3	2
39	Описание жития и щастия князя Меншикова на немецком языке.	Leben und Glück des Knees Menzikoffs vormahligen General-Feld-Marschallen derer Armeen Sr. Czaarischen Maj. etc. S. 1., 1728.
40	Система о небесной сфере изобретенная от Россега часового мастера в Санктпетербурге на французском языке.	
41	Квинт Курций о делах Александра Великаго на русском языке. <i>В осую долю листа</i>	Курций Руф К. О делах содеянных Александра Великаго. (Слб., 1722).
42	Сокращение математическое напечатанное при академии наук на французском языке.	Abrégé des mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impérial de toutes les Russies. V. 1—3. Spb., 1728.
43*	То же на русском языке.	Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея Руси. Т. 1—3. Слб., 1738.
44	Краткое руководство к познанию простых и сложных машин на русском языке.	Крафт Г. В. Краткое руководство к познанию простых и сложных машин, сочиненное для употребления российскаго юношества. Пер. с немецка. В. Адолу-рова. Слб., 1738.
45	Алира или американцы трагедия сочиненная от гдна Волтера на французском языке.	Voltaire F. M. Alzire ou les américains. (1736).
46	Собрание всех музыкальных сочинений на скрипицу и флейту на аглинском языке.	
47	Платов толкователь на телемаковы похождения на немецком языке.	
48	Горациевы стихотворныя сочинения с примечаниями Иоганна Минелья на латинском языке.	Horatius Q. F. Poemata cum commentariis Jo. Minelli. (Rotterdam, 1668).
49	Щастливая и несчастливая приключения славнаго Молфляндерса на аглинском языке.	[Defoe D.J. The fortunes and misfortunes of the Famous Moll Flanders. London, 1722.
50	Толкование на Юстинна чрез Эмануила Винцера на немецком языке.	
51	Джакома Микалори четыре книги о сфере небесной на италинском языке.	

- 1
- 52 Рассуждение о так называемом вихе и торис в Англии через гдна Тойроса Рапена на французском языке.
- 53 Корнейлий Непос о житии славных в Греции мужей и полководцов на латинском языке.
- 54 Утвержденная на здравом рассуждении философия через гдна Марки д'Аржан на французском языке.
- 55 Швифтова басня о бочке на французском языке.
- 56* История о переменах случившихся в правлении римской республике через гдна Верто на французском языке.
- 57 Гибнерова древняя и новая география на французском языке.
- 58 Татарская родословная история на французском языке.
- 59 Венероннен учитель италианского языка.
- 60 Плутарховы жития славных мужей переведенныя на французский язык через гдна да Сие 10 книг.
- 61 Описание славных и важных спорных дел через Гапога де Питаваль на французском языке 11 книг.
- 62 Руководство к универсальной и политической истории через барона Пуфендорфа 6 книг на французском языке.
- 63 Руководство к истории о Азии Африке и Америке через гдна Мартиниера 2 книги на французском языке.
- 64 Русетово историческое описание всех негоциаций трактатов и проч. на французском языке.
- 65* История ливиского принца Аменофиса на французском языке.
- Рарпн де Тоирас P. Dissertation sur les Whigs et les Torris. (La Hay, 1733).
- Cornelius Nepos. De vita illustrium Graeciae virorum et imperatorum. (Leiden, 1734).
- D'Argens, marquis. La philosophie du bon sens. (La Hay, 1737).
- Cr. angl.: Swift J. The tale of a tub. London, 1704.
- Vertot d'Aubeuf R. A. Histoire des revolutions arrivées dans le gouvernement de la Republique Romaine. (La Hay, 1727).
- Hübner J. Abrégé de la vieille et nouvelle geographie. (Amsterdam, 1735).
- Abulgasi Bayadur-chan. Histoire genealogique de Tatars. Leyde, 1726.
- Veneroni G. Le maître Italien. (Amsterdam, 1713).
- Plutarque. Les vies des hommes illustres, trad. par André Dacier. 10 v. Paris, 1721.
- Gayot de Pitaval F. Abrégé des causes célèbres et intéressantes. 11 v. (1726).
- Puffendorf S. Introduction à l'histoire générale et politique de l'Univers. 7 v. (Amsterdam, 1732).
- Brusen de la Martinière A. A. Introduction à l'histoire de l'Asie, de l'Afrique et de l'Amerique. Amsterdam, 1735.
- Rousset de Missy J. Recueil historique d'actes, negotiations, memoires et traites, depuis la paix d'Utrecht. La Hay, 1728—1755. 21 v.
- Pelard de Givri, comtesse de Fontaines; M.L.Ch. de. Histoire d'Amenophis. (Genève, 1725).

1		
66	Древняя история о египтянах карфагенянах и проч. чрез гдна Роллена на французском языке 11 книг.	Rollin Ch. Histoire ancienne des Egyptiens, des Cartaginois, des Assiriens, des Babiloniens, des Medes et des Perses, des Grecs etc. (Paris, 1731—1738. 13 v.).
67	Боссуетова универсальная история на французском языке три книги.	Bossuet J.-B. Discours sur l'Histoire universelle. (Paris, 1703).
68	Ролленов способ как учится всем изрядным и разум укрепляющим наукам на французском языке 4 книги.	Rollin Ch. De la maniere d'enseigner et d'etudier les belles-lettres par rapport à l'esprit et au coeur. Paris, 1726—1728. 4 v.
69	Турецкой шпшон при христианских дворах на французском языке.	[Marana J.-P.] L'espion turc dans les cours des princes chrétiens. (Cologne, 1696)
70*	Дела гдна де Сент Эвремонт на французском языке 5 книг.	Saint-Evremond Ch. de. Oeuvres mêlées. (Amsterdam, 1706. 9 v.).
71	История полских королей и тамошняго правления на французском языке 3 книги.	[Massuet P.] Histoire des rois de Pologne et du gouvernement de ce royaume... (Amsterdam, 1733. 4 v.).
72	История о женах двенадцати римских цесарей на французском языке.	Servies, de. Les femmes des douze Cesars. Amsterdam, 1722.
73	Телемаковы похождения на французском языке.	Fenelon F. Les aventures de Télémaque. (Paris, 1730).
74	Пуффендорф о состоянии немецкаго государства на латинском языке.	Puffendorf S. De statu Imperii Germanici. (Genèv, 1667).
75	Штифенов эвропской придворной церемоннал на немецком языке.	Stive G. Europäisch Hof-Ceremoniel. Leipzig, 1715.
76	Российской военной артикул.	Артикулъ воинский. Спб., 1735.
77	Рассуждение о свободности мыслей на французском языке.	Collins A. Discours sur la liberté de penser et de raisonner sur les matieres les plus importantes. Londres, 1714.
78	Аглинской спектактор 8 книг.	The Spectator. (1711—1714).
79	Дела Томаса Бруна на атлинском языке 4 книги.	Brown T. Works. London, 1707. 4 v.
80	Кировы путешествия на французском языке.	[Ramsey M. A.] Les voyages de Cyrus. (London, 1730).
81	Гвариннев верной пастух. Театралиное сочинение на италианском языке.	Guarini G. B. Il pastor fido. Tragicommedio, pastorale. Parigi, 1789.
82	Пуффендорф о должностях человека и гражданина на французском языке 2 книги.	Puffendorf S. Les devoirs de l'homme et du citoyen. Amsterdam, 1718. 2 v.

83	Письма графа Бюсси Рабутина на французском языке 5 книг.	Bussi-Rabutin R. Lettres. Paris, 1714. 5 v.
84	Тиммингово наставление в итальянской философии на латинском языке.	Thümming L. P. Institutiones philosophiae Wolfianae. Francofurti et Lipsiae, 1726.
85	Гиветов трактат философской о слабости человеческого ума на французском языке.	Huet P. D. Traité philosophique de la foiblesse de l'esprit humain. Londres, 1714.
86	Письма кардинала Бентивольни на французском языке.	Bentivoglio G. Lettres. (Paris, 1696).
87	История о временщиках при разных владениях на французском языке.	Histoire des plus illustres favoris anciens et modernes par Mr. P.D.P. Leide, 1660.
88	Разные дела гдна Руссо на французском языке	Rousseau J. B. Oeuvres diverses. T. 1—3. Amsterdam, 1729.
89	Духовная политическая кардинала Ришелье 3 книги на французском языке.	Richelieu A. J. Testament politique du cardinal duc de Richelieu. (Paris, 1643).
90	Мнение о книге называемой свободности в размышлении на французском языке.	
91	Состояние человеческое в природном грехе на французском языке.	Etat de l'homme dans le péché original, où l'on fait voir quelle est la source et quelles sont les causes et les suites de ce péché dans le monde. (1714).
92	Познанная права на французском языке.	
93	Библиотека придворных людей на французском языке 5 книг.	Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des Gens de la Cour. (1723, 6 v.).
94	Шейслерово руководство к красноречию на латинском языке.	
95	Шопниева философская грамматика на латинском языке.	Schorper (Sciorpius) G. Grammatica philosophica. Amstelodami, 1659.
96	Книплиев лексикон на Корнелия Непоса на латинском и немецком языке.	Knoll J. Lexicon Cornelli Nepotis tripartitum. (Lipsiae, 1713).
97	Барона Пелница путешествия и описание знатнейших персон при европейских дворах 2 книги на французском языке.	Pöllnitz K. L. Memoires Charles-Louis, baron de Pöllnitz, contenant les observations qu'il a faites dans ses voyages, et le caractere des personnes qui composent les principales cours de l'Europe. (Amsterdam, 1735).

1	2	3
98	Лангьево руководство к публичным правам немецкого государства на немецком языке.	Lange G. Einleitung zu den Geschichten und den daraus fließenden jure publico des heil. röm. Reichs teutschen Nation. Leipzig, (1709).
99	Новые письма гдна Бурсо на французском языке.	Boursault B. Lettres nouvelles, accompagnées de fables, de contes, d'epigrammes, de remarques, et de bons mots. (Paris, 1697).
100	Описание войны в Италии на французском языке.	Annutini (Bianchi) F. J. Tragedie sacre e morali. Bologna, (1725).
101	Священные и нравоучительная трагедии чрез Фарнабия Джоканна Аннутини на италянском языке.	Ср.: [Félibien A.]. Description du château de Versailles, de ses peintures et d'autres ouvrages faits pour le Roy. (Paris, 1696).
102	Описание Версалии и прочих увеселительных замков французского короля на французском языке.	Hübner J. Vollständige Geographie. (Hamburg, 1733).
103	Гибнерова география на немецком языке.	Bussi-Rabutin R. Les memoires. (Paris, 1666).
104	Новый завет на немецком языке.	Curtius Q. De la vie et des actions d'Alexandre le Grand. (Amsterdam, 1684).
105	Трактат о помазании и короновании французских королей и королеве на французском языке.	Ср.: Nouve recueil de lettres, harangues et discours differens; ou il est traité de l'Eloquence Française, et de plusieurs matières politiques et morales. (Paris, 1630).
106	Записки графа Рабутина на французском языке.	Larrey I. de. Histoire des sept sages. Rotterdam, (1713).
107	Квин Курций о делах Александра Великого на французском языке.	Ancillon C. Mémoires concernant les vies et les ouvrages de plusieurs modernes, célèbres dans la Republique des Lettres. (Amsterdam, 1709).
108*	Новое собрание всяких французских писем 2 книги.	Nouveau voyage de Grece, d'Egypte, de Palestine, d'Haïie, de Suisse, d'Alsace et des Pais Bas, fait en 1721, 1722, 1723. La Haye, 1724.
109*	Новый исторический театр с фигурами часть первая	
110	Ларриена история седми греческих мудрецов на французском языке.	
111	Записки касающиеся до жития и дел многих новейших ученых людей чрез гдна Ансильона на французском языке.	
112	Новое путешествие в Грецию Египет и проч. на французском языке.	

1		
113	Бонгаров латинския письма переведенныя на французском языке.	Bongars J. de. Lettres latines de M. de Bongars, résident et ambassadeur sous le roi Henri IV... traduites en français... (Paris, 1668. 2 v.).
114	Любовное обхождение Психи с Купидоном чрез гдна ле ла Фонтен на французском языке.	La Fontaine J. de. Les amours de Psyché et de Cupidon. (Paris, 1669).
115	Виккефортов письма Барлевы ответы на оныя на французском языке.	Wicquefort J., Barlée G. Lettres de M. J. de Wicquefort... avec les reponses de M. G. Barlée. Amsterdam, 1696.
116	Способ как приятным в компаниях на французском и аглинском языке.	Festeau P., Mauger Cl. Nouvelle Grammaire Française-Angloise. London, 1678.
117	Новая французская и аглинская грамматика сочиненая от Молера и Фесто.	Chevremont J. B. de. Etat actuel de la Fologne. Cologne, 1702.
118	Инешнее состояние полскаго королевства на французском языке.	Fléchier E. Orations funebres. (Paris, 1681).
119	Флешеровы надгробные речи на французском языке.	Fontenell B. de. Nouveaux dialogues des morts. (Paris, 1683).
120	Фонтенеилловы новые разговоры в црстве умерших на французском языке.	Gottsched J. Chr. Ausführliche Redekunst. (1736).
121	Готтешова реторика на немецком языке.	Le Sage A. R. Le diable boiteux. (Amsterdam, 1739).
122	Хромой диавол чрез гдна Ле Саж на французском языке.	Pacciani F. Dell'arte di governare bene i popoli. (1607).
123	Перицкие новины 2 книги на италианском языке.	[Machiavelli N.] Due commedie e una novella del segretario Fiorentino. Trojetto, 1738.
124	О искусстве потребном к доброму правлению народа чрез Фульвия Пачиани на италианском языке.	Willars, l'abbé de. Le comte de Gabalis ou entretiens sur les sciences secretes. Paris, 1670.
125	Способ как жить довольным предложенной от автора так называемой практики христианских добродетелей на французском языке.	
126	Две комедии и одна история сочиненная от флорентинскаго секретаря на италианском языке.	
127	Благочестивой купец на аглинском языке.	
128	Граф Габалис или разговоры о скрытых науках на французском языке.	

1	2	3
129	Беллегардовы разсуждения о красном и политичном штиле на французском языке.	Bellegarde (Morvan) J. B. Reflexions sur l'elegance et la délicatesse du stile. Paris, (1712).
130	Тамазевы различные по сие время на свет изданные письма на немецком языке.	Thomasius Chr. Allerhand bisher publicirte kleine deutsche Schrifften. (Halle, 1707).
131	Мемории или записки кардинала Бентиволли на ита-лианском языке.	Bentivoglio G. Memoire overo diario. (Amsterdam, 1648).
132	Гибнеров родословный лексикон на немецком языке.	Hübner J. Lexicon genealogicum. (Hamburg, 1736).
133	Немецкие священные стихи с нотами.	Puffendorf S. De officio hominis et civis. (Holmiae et Hamburg, 1693).
134	Пуфендорф о должности человека и гражданства на латинском языке.	Menantes (Hunold Chr. F.). Lettres choisies des meilleurs et plus nouveaux auteurs françois, traduites en alle- mand par Menantes. (Hamburg, 1704).
135	Собранные чрез Мекантеса наилучшия французския письма.	Machiavelli N. Opere. 4 pt. Nell'Haya, 1726.
136	Мейэрово приуготовление к приобщению себя ^с святых тайн на немецком языке.	Lünig J. Chr. Bibliotheca curiosa deductionum, worinn eine zuverlässige Nachricht vieler merkwürdiger Schrifften vorhanden. Leipzig, 1717.
137	Макиавелловы дела и письма на италианском языке 4 книги.	Menantes (Hunold Chr. F.). Die neue Briefe. (Hamburg, 1709).
138	Разсуждения о человеческих поступках часть 2 на немецком языке.	Limiers H. P. de. La science des personnes de la cour, de l'épée et de la Robbe. Amsterdam, (1717).
139	Линихово собрание хороших немецких писем.	Mouton C. Grammaire methodique et raisonnée Française et Allemande... Hamburg, (1721).
140	Менантесовы новые немецкия письма.	Richelet P. Les plus belles lettres des meilleurs auteurs François. Lyon, 1689.
141	Лимисрова наука придворных людей на французском языке.	
142*	Мутонова французская грамматика.	
143	Ришелетовы наилучшия французския письма 2 книги.	
144	Новое исследование о основаниях натуральных прав на французском языке.	

145	Собрание всяких хороших писем на аглинском языке.	Locke J. Essey concerning humane understanding. London, (1690).
146	Лох о силе человеческого разума на аглинском языке.	
147	Аглинской и латинской лексикон.	
148	Новый завет на аглинском языке.	
149	Панегририк отца Франциска Марии.	
150	Теренциевы комедии на аглинском языке.	
151	Каллиер о порядке как между владельческими государственными переговорами на французском языке.	Terencius A. Comedies, by Several Hands. (London, 1698). Callier. De la maniere de negocier avec les Souverains, de l'utilité des negociations du choix des Ambassadeurs, des Envoyez, de qualitez necessaires pour reussir dans ces emplois. Bruxell, 1716.
152	Записки надлежащие до истории внешних времен на французском языке.	
153	Записки исторические нынешняго века.	
154	Ралево сокращение универсальной истории на аглинском языке.	[Roches de Parthenag J. B. des]. Memoires historiques pour le siècle courant, avec des reflexions. Amsterdã. (C 1728 по 1742 г. вышло 42 тт.).
155	Таландеровы немецкия письма.	Roleigh W. An abridgment of sir Walter Rateigh's History of the world... London, 1702. Talandier (Bohse A.). Der allzeit fertige Briefsteller, oder ausführliche Einleitung, wie so wohl an hohe Stands-Personen... ein geschickter Brief zu machen und zu beantworten. Franckfurt, 1708. Cellarius Chr. Latinatis probatae et exercitiae liber memorialis, naturali ordine dispositus... in usum scholarum episcopatus Merseburgensis conscriptus... (Editio nona... Merseburg, 1714). [Defoe D.J. A new voyage round the world. (London, 1725).
156	Целлариевы вокабулы латинские и немецкие.	
157	Новое путешествие около всего света на аглинском языке.	
158	Де ла Ландов ответ на перигурдиново письмо на французском языке.	La Land, de. Reponse à la lettre du gentilhomme perigourdin, par une réfutation juste d'un nouveau livre de lettres et de la «Grammaire française» de M. de Grimarest... Paris, 1730.

1		
159	Собрание всяких забавных и остроумных речей на французском языке.	
160	История о происхождении наук в разных гдрствах и письма касающиеся до аббата Париса на французском языке.	Voltaire F. M. Lettres philosophiques sur les Anglais. Paris, 1734.
161	Вольтеровы философские письма на французском языке.	Gomez M. A. Les cent Nouvelles nouvelles. (La Hay, 1733).
162	Госпожи Гомец сто разных историй на французском языке.	Устав вексельной... Слб, при Академии наук, 1729.
163	Вексельной устав.	(Загл. и текст параллельно на русск. и нем. языках).
164	Фонтенеловы разговоры о множестве миров на немецком языке.	Fontenelle B. Gespräche von mehr als einer Welt. Leipzig, 1726.
165	Новые мемории или записки касающиеся до жизни графа Бонневала на французском языке.	Bonnaval C. A. de Nouveaux memoires du comte de Bonnaval. (La Hay, 1737).
166*	Французские письма гдна Флашице 2 книги.	Flécher E. Lettres choisies. 2 v. (Paris, 1715).
167	Ришелетовы наилучшая писма о разных материях на французском языке.	Richelet P. Les plus belles lettres françaises sur toutes sortes des sujets. (Paris, 1698. 2 v.).
168*	Житие Петра Великого императора российского на италянском языке.	[Catiforo A.] Vita di Pietro il Grande imperador della Russia. Venezia, 1736.
169	Тысяча и одна ночь арабския басни 5 книг на французском языке.	Ср.: Les mille et une nuit, contes arabes. Trad. par Mr. Galland. 8 v. (La Hay, 1714—1728).
170	Мартинцев новый латинский дикционарий.	Martinez van Wanguiet M. Dictionarium tetraglottton novum (latino-graeco-gallico-flandricum). Amstelodami, 1671.
171	Менантесов способ к сочинению хороших писем на немецком языке.	Menantes (Hunold Chr. F.). Die allerneuste Manier höflich und galant zu schreiben. (Hamburg, 1702).
172	Фонтенелевы разные дела часть вторая на французском языке.	Fontenelle B. Oeuvres diverses. (Amsterdam, 1716).
173	Письма и разсуждения аббата Мазолы на италянском языке.	

1	2	3
174	Четыре разговора о бессмертии души о божестве и о вере на французском языке.	[Dangeau Ch.]. Quatre dialogues sur l'immortalité de l'ame, sur l'existence de Dieu, sur la Providence, sur la religion. Paris, 1684.
175	Периодика писем 2 книги на французском языке.	[Montesquieu Ch.]. Lettres persannes. Amsterdam, 1721.
176	Джованна Багиста Фадживоли забавные стихи на итальянском языке.	Fadgiuoli G. Rime piacevoli. (Firence, 1729).
177	История дукессы Мазарины на итальянском языке.	[Prevost d'Exiles A. F.]. Memoires et aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde. (Amsterdam, 1731).
178	Похожения некоторого знатного человека вступившего в уединенное житие на французском языке.	Saint-Evremond Ch. de. Oeuvres mêlées. (Amsterdam, 1706).
179	Разсуждение о члвческих слабостях на французском языке.	
180*	Дела Сент Эвремонта часть седмая на французском языке.	
181	Собрание всяких шуток на итальянском языке.	
182	Приключения Сильвия Априла на итальянском языке.	
183	Верная турчанка на итальянском языке.	
184	Секретная письма и переговоры маршала д'Эстрад на аглинском языке.	Lettres and negotiations off the coun d'Estrad. Ambassador from Lewis XIV. to the States General off the Low-Countries from the Year 1663 to the Year 1669. T. 1—3. London, 1711.
185	Клаусбергова арифметика на немецком языке.	Clausberg Chr. Demonstrative Rechenkunst. Leipzig, 1732.
186	Любовные истории французского двора на французском языке.	
187	История папы Александра VII на итальянском языке.	
188	История о любви и нещастии Аделарда и Элоизы на французском языке.	[Armand]. Histoire des amours et des infortunes d'Abelard et d'Eloise mise en vers satiri-comi-burlesques par M. ... Cologne, 1724.
189	Полубовные истории некоторых особ французского двора на французском языке.	

1	2	3
190*	История Утрехтского мирного конгресса на французском языке.	Freschot C. Histoire du Congrès et la Paix d'Utrecht, comme aussi de celle de Rastadt et de Bade. Utrecht, 1716.
191	Месячные известия о разных делах на аглинском языке.	
192	Тассово стихотворное сочинение под титулом Аминта на италианском языке.	Tasso T. Aminta Favola Boschereceia. Roma, 1648.
193	Орест мститель трагедия на италианском языке.	
194	Латинския и руския и немецкия вокабулы.	Копневский И. Ф. Латино-российская и немецкая словесная книга. Слб., тип. Академии наук, 1732.
195	Ариадна на острове Наксусе италианская опера.	
196*	Веселья разсуждения Петра Аретина на италианском языке.	Aretin P. Raggionamenti (1534).
197	Мерзиено красноречие латинскаго языка.	
198—	Несколько немецких молитвенных книг.	
207	Всякие печатные стихи.	
	Немалое число музыкальных сочинений и нот.	
	Кроме того, в черновой «рописи» перечеркнуты и не вошли в беловую еще две книги:	
208	Письма касающиеся до аглинского правления на французском языке.	
209	Великолепная и обходительная Саксония на немецком языке.	[Pollnitz K. L.] Das galante Sachsen. (S. 1., 1731).

П. И. ХОТЕЕВ

ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ В БИБЛИОТЕКАХ УЧАСТНИКОВ КРУЖКА ВОЛЫНСКОГО

В первые годы царствования Анны Иоанновны (1730—1740), доверившей бразды правления Россией немцам-временщикам во главе с Э.-И. Биროном, вокруг яркой и самобытной фигуры видного государственного деятеля Артемия Петровича Волынского сложилась группа высокообразованных русских людей, которых объединило стремление покончить с засильем иностранцев во всех областях общественной жизни страны. В кружок Волынского вошли представители русской интеллигенции, в полной мере приобретшие к европейской образованности: среди них были одаренный архитектор П. М. Еропкин, талантливый гидрограф Ф. И. Соймонов, морской офицер А. Ф. Хрущов, горный инженер В. Н. Татищев, высокопоставленный чиновник (в прошлом дипломат) П. И. Мусин-Пушкин и др. Как известно, история этого общества резко и трагично оборвалась в 1740 г., когда Волынский и его ближайшие соратники были преданы суду по обвинению в государственной измене и подверглись жестоким наказаниям.

В исторической литературе деятельности участников кружка Волынского уделялось достаточное внимание. Тем не менее за последнее время выявлен целый комплекс важных материалов, позволяющих составить более четкое представление об истории формирования политических взглядов, об интеллектуальных запросах, увлечениях и профессиональных интересах А. П. Волынского и его единомышленников. Мы имеем в виду описи библиотек этих людей, составленные в 1740 г. при конфискации их имущества. Следует отметить, что значительная часть данных описей уже становилась предметом исследования: в монографии С. П. Луппова «Книга в России в послепетровское время» приведен общий анализ

книжных собраний Волинского и его «конфидентов». ¹ Однако указанные источники нуждаются в более детальном изучении.

В настоящей статье мы попытаемся в какой-то мере уточнить и пополнить уже имеющиеся данные об иностранных книгах из библиотек А. П. Волинского, Ф. И. Соймонова и П. И. Мусина-Пушкина. ² На отдельных примерах мы постараемся показать, насколько интересны и важны сведения, содержащиеся в описях частных книжных собраний.

Исследование большинства описей личных библиотек XVIII в. — работа весьма кропотливая, требующая, по-видимому, коллективных усилий. ³ Основная сложность заключается в том, что в большей части этих документов описания иностранных (как, впрочем, и русских) книг настолько сокращены и искажены, что восстановить полные названия тех или иных изданий удастся далеко не всегда. Создается впечатление, что составление подобных описей зачастую происходило следующим образом: чиновник, знавший иностранные языки, брал книги одну за другой и произносил их названия в значительно сокращенном виде; его напарник, малограмотный писарь, воспринимая названия книг на слух, искажая непонятные для него слова и незнакомые имена авторов, делал записи. Год и место издания при этом, как правило, не указывались, все иностранные названия давались в русском переводе. В качестве примера приведем описание одной из книг, принадлежавших Волинскому: «история гишпанская, на французском». Можно найти с дюжину изданий на французском языке, названия которых так или иначе соответствуют этому описанию. Естественно, в процессе изучения подобных источников возникают подчас значительные труд-

¹ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. Л., 1976, с. 169—180, 220—235.

² Подобная работа с описью библиотеки одного из «конфидентов» Волинского уже проведена: были уточнены названия многих французских изданий, входивших в состав книжного собрания А. Ф. Хрущева (см.: Книга в России до середины XIX в. Л., 1978, с. 260—267).

³ Изучение этих материалов упрощается благодаря тому, что часть из них опубликована (см.: Луппов С. П. Библиотека Артемия Волинского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979, с. 119—128; его же. Библиотека П. М. Еропкина. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979, с. 142—152; его же. Собрание книг П. И. Мусина-Пушкина. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л., 1980, с. 435—441; его же. Федор Иванович Соймонов и его библиотека. — В кн.: Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. Л., 1979, с. 13—28).

ности.⁴ И тем не менее в ряде случаев представляется возможность если не определить конкретное издание, то, по крайней мере, восстановить названия некоторых книг или просто имена отдельных авторов. В конечном счете результаты этой работы, во-первых, будут способствовать уточнению репертуара иностранных книг, бытовавших в России в первой половине XVIII в., и, во-вторых, позволят внести отдельные дополнительные штрихи в исторические портреты владельцев книжных собраний.

Прежде чем привести данные о некоторых зарубежных изданиях, входивших в состав библиотеки Волынского, напомним, что долгое время биографы этого государственного деятеля считали, будто бы он вовсе не знал иностранных языков.⁵ Это ошибочное суждение было подвергнуто критике в упомянутой выше монографии С. П. Луппова, который показал, что наличие более 200 иностранных книг по различным отраслям знания в 545-томном собрании Волынского — явление закономерное. Анализируя состав этого частного книжного собрания, С. П. Луппов приходит к выводу, что «Волынский активно изучал иностранные языки и не просто коллекционировал, а читал зарубежную литературу».⁶

Действительно, совсем не случайно Волынский имел полтора десятка учебников латинского, немецкого и французского языка — «букварей», «азбук» и «грамматик». Среди них — популярные учебники латинского языка Кристофа Целлария (Christoph Cellarius) и Эммануила Альвара (Emmanuel Alvarus). Примечательны, на наш взгляд, «дикционеры», «вокабулы» и «лексиконы», которыми располагал Волынский: интересно, что во всех этих двуязычных и многоязычных словарях имелась латинская часть («дикционар французской с латинским», «лексикон латинской и немецкой», «вокабулы латинские, немецкие и русские» и т. д.).⁷ Это обстоятельство

⁴ Исключением является опись библиотеки А. Ф. Хруцова, состоявшей почти полностью из французских книг: этот документ составлен аккуратно и грамотно, причем названия книг даны на языке оригинала. Достаточно подробно опись книжного собрания другого члена кружка Волынского — И. Эйхлера (см. публикацию М. И. Фундаминского в настоящем сборнике, с. 43—66).

⁵ См., например: Шишкин И. Артемий Петрович Волынский. Биографический очерк. — Отечественные записки, 1860, т. 128, кн. 1, с. 464.

⁶ Луппов С. П. Книга в России..., с. 172, 176. Ср.: Корсаков Д. А. Артемий Петрович Волынский. (Биографический очерк). — Древняя и новая Россия, 1877, т. 2, № 8, с. 287.

⁷ Среди словарей, имевшихся у Волынского, находим «лексикон Корвинов на латинском и немецком», т. е. латинско-немецкий (или немецко-латинский) словарь Андреаса Корвина (Andreas Corvinus).

дает основание полагать, что Волинский в той или иной мере владел латынью. Подтверждением этому могут служить отдельные косвенные данные, которые были приведены в свое время в публикации С. И. Турбина.⁸ Надо думать, что опираясь на определенные знания латыни, приобретенные им, судя по всему, в юности, Волинский стремился овладеть и другими языками.

Библиотека А. П. Волинского во многом уступала целому ряду книжных собраний его современников, и прежде всего потому, что в ней было немало книг случайных. Так, например, Волинский, «гораздый писать» и умевший «красно и складно» говорить по-русски, судя по всему, не проявлял особого интереса к зарубежной словесности, и оттого подбор художественной литературы на иностранных языках в его библиотеке весьма беспорядочен и беден. Французский и немецкий тексты популярного романа Ф. Фенелона «Похождения Телемака», несколько сборников стихов, три комедии на немецком языке, среди которых — пьеса Андреаса Грифиуса (Andreas Gryphius, 1616—1664), да широко известные во всей тогдашней Европе «Письма» французского моралиста Жана-Луи Бальзака (Jean-Louis Balzac, 1595—1654) — вот, практически, и вся иностранная беллетристика в собрании Волинского. Очевидно, эти книги появились у него под влиянием моды или просто по воле случая.

В то же время среди иностранных книг Волинского имелись и такие, которые вместе с целым рядом изданий на русском языке составляли «ядро» его библиотеки. Без всякого сомнения к подобным книгам следует отнести две изданные на латинском языке работы известного немецкого юриста, специалиста в области римского права Самуэля Стрюка (Samuel Stryk, 1640—1740). Среди прочей литературы по юриспруденции у Волинского имелся и свод римского права «Corpus juris civilis», который издавался в Европе с конца XVI в. по XVIII в. более пятидесяти раз.

Вполне закономерно наличие в библиотеке Волинского книг по Востоку. Как известно, без малого два года (август 1716 г. — июнь 1718 г.) А. П. Волинский провел в сефевидском Иране в качестве главы русского посольства, направленного Петром I ко двору шаха Султан-Хусейна, а затем с 1719 по 1730 г. губернаторствовал в Астрахани и Казани. Волинский справедливо считался знатоком Ирана и сопре-

⁸ Изучая собственноручные письма Волинского, Турбин пришел к мысли, что в молодые годы тот учился либо у иезуита, либо у униата (Турбин С. И. Артемий Петрович Волинский. (Материалы для его биографии). 1711—1718. — Русская старина, 1872, т. 5, с. 934).

дельных с ним государств. Книг по Востоку в его библиотеке было относительно немного — не более десятка, однако все эти книги довольно любопытны. Самая интересная из них, на наш взгляд, та, что значится в описи собрания Волинского как «описание хардиново, на немецком». Совершенно очевидно, что автор книги, о которой идет речь — не кто иной как Жан Шарден (Jean Chardin,⁹ 1643—1713), известный французский путешественник, проживший в общей сложности около десяти лет в Иране. Его знаменитые записки об этой стране, не утратившие и по сей день научного значения, в свое время рассматривались как ценный источник сведений о государстве Сефевидов.¹⁰ Имеются данные о том, что Волинский, получив назначение в Иран в 1715 г., сосредоточенно и углубленно готовился к предстоящей дипломатической поездке и даже изучал архивные документы Посольского приказа, относящиеся к истории русско-иранских отношений.¹¹ Надо полагать, книга Ж. Шардена была приобретена Волинским незадолго до его отъезда в Иран.

Книги по юриспруденции и ориенталистике, имевшиеся у Волинского, в полной мере отвечали профессиональным интересам их владельца — государственного деятеля и дипломата. Точно так же литература по математике и физике удовлетворяла профессиональные запросы известного сподвижника Волинского — Федора Ивановича Соймонова, одного из крупнейших ученых эпохи становления отечественной науки. Как известно, Соймонов получил образование в Московской навигацкой школе, а по окончании этого учебного заведения с 1713 по 1715 г. обучался морскому делу за границей. За сравнительно короткое время Соймонов овладел солидными теоретическими и практическими познаниями в области навигации и гидрографии и уже на раннем этапе своей научной деятельности проявил себя как талантливый и целеустремленный исследователь. Ф. И. Соймонов в значительной мере освоил и творчески переработал опыт евро-

⁹ Фамилия Chardin была прочитана составителями описи на немецкий лад.

¹⁰ В конце XVII в. и позднее записки Ж. Шардена переводились на различные европейские языки и издавались неоднократно. Сокращенному названию записок Шардена, приведенному в описи книг Волинского («описание» — нем. Beschreibung), могут соответствовать названия двух известных нам изданий на немецком языке: 1) Chardin J. Beschreibung der Krönung Solimanni des dritten... Königs in Persien. Gennf, 1681; 2) Chardin J. ...Curieuse Persien- und Ost-Indische Reisebeschreibung... Leipzig, 1687.

¹¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715—1718 гг. М., 1978, с. 16.

пейской науки, он постоянно обращался к зарубежной научной литературе, используя при этом прекрасное знание иностранных языков.¹²

В описи библиотеки крупного гидрографа, на протяжении всей своей жизни проявлявшего глубокий интерес к математике, физике, астрономии, как и следовало ожидать, числится немало книг естественнонаучного содержания. Среди них — популярный в свое время труд видного немецкого ученого Христиана Вольфа (Christian Wolff, 1679—1754). Вольф известен прежде всего как мыслитель, как популяризатор философской теории Г.-В. Лейбница. Вместе с тем он внес значительный вклад в дело распространения математических знаний. В 1710 г. в Галле вышла в свет одна из важнейших работ Вольфа по математике «Anfangsgründe aller mathematischen Wissenschaften», которая позднее издавалась и на латинском языке под названием «Elementa matheseos universae» (Halaе Magdeburgicae, 1713—1715, 4 vol., второе издание: Halaе Magdeburgicae, 1730). Первый том этого труда Х. Вольфа в латинском варианте имелся у Соймонова.

Работа французского математика и физика И.-Г. Парди (Ignace-Gaston Pardies, 1636-1673) значится в описи библиотеки Соймонова как «Элементы геометрические Пардиевы в Ене на латинском языке два тома». Книга Парди «Elements de geometrie» была впервые опубликована в Париже в 1671 г. на французском языке. Латинский перевод данной работы вышел в свет в Йене в 1685 г. Именно этим переводным изданием располагал Соймонов.

Русскому описанию «Забавы математическия и физическия чрез Озанама в Париже на французском языке два тома» соответствует название популярной работы французского математика Жака Озанама (Jacques Ozanam, 1640—1717) «Recreations mathematiques et physiques» (2 vol.; первое издание: Paris, 1694).¹³

«Книга математическая чрез Франциска Шоогтенна на голландском языке», приобретенная Соймоновым, судя по всему, в период его учебы в Голландии, написана либо Франсом Схоотеном (Frans van Schooten, 1581—1646), либо его сыном Франсом Схоотеном-младшим (1615—1661) — и тот и другой были достаточно известными математиками.

Из книг по астрономии у Соймонова имелась работа

¹² По свидетельству Н. И. Новикова, Соймонов был «муж ученый и искусный в латинском, немецком и голландском языках» (Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.—Л., 1951, с. 350).

¹³ Было несколько переизданий (1696, 1720, 1725, 1735 и др.).

«Nova philosophiae planetarum et artis criticae systemata» (Norimbergae, 1723), написанная баварским богословом Э. Амортом (Eusebius Amort, 1692—1775), который, по словам его биографа, пытался «увязать положения традиционной схоластической философии... с достижениями в области естествознания». ¹⁴

К весьма любопытному результату привела наша попытка атрибутировать книгу, которая названа в описи библиотеки Соймонова «Свечой морской на галанском языке в Амстердаме». Учтя, что в свое время при составлении атласа «Светильник морской» (Спб., 1738) Соймонов использовал какое-то голландское издание, именовавшееся в научном обиходе «зей-факелом» ¹⁵ (голл. *zee-fakkel*), мы решили ознакомиться с доступным для нас атласом амстердамского картографа Г. Койлена (G. Keulen) «De Groote nieuwe vergee-derde zee-atlas» (5 vol., Amsterdam, 1716). Интересно, что на втором титульном листе этого издания значится: «De Nieuwe groote liggende zee-fakkel». При сопоставлении соймоновского «Светильника» и атласа «...zee-fakkel» Койлена выяснилось, что они во многом сходны и по оформлению, и по тому, как скомпонованы в них материалы. Кроме того, совершенно очевидно идентичность фронтисписов в обоих атласах — гравюр с аллегорическим сюжетом. ¹⁶ Пока мы не сверяли карты и тексты этих атласов, но уже теперь ясно, что при работе над «Светильником морским» Соймонов наряду с другими материалами использовал либо атлас «...zee-fakkel» 1716 года, либо какое-то другое аналогичное издание с таким же названием. ¹⁷ Судя по всему, под «Свечой морской на галанском языке», которая числится среди других книг библиотеки Соймонова, имеется в виду как раз одно из этих изданий.

По-своему интересны иностранные книги, которыми располагал другой «конфидент» Волынского — граф Платон Иванович Мусин-Пушкин. Упомянем о том, что получив отменное образование за границей, Мусин-Пушкин с 1716 по 1720 г. состоял на дипломатической службе, а затем на протяжении ряда лет занимал губернаторскую должность поочередно в Смоленске, Казани и в Эстляндии. В конце 1730-х гг.

¹⁴ Neue Deutsche Biographie. Bd 1. Berlin, 1953, S. 257.

¹⁵ См.: Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М., 1966, с. 109—110.

¹⁶ Гравюра в «Светильнике» представляет собой зеркальную копию гравюры из атласа Г. Койлена. Репродукцию см. в кн.: Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов..., с. 113.

¹⁷ На рубеже XVII и XVIII вв. в Голландии под названием «...zee-fakkel» вышло в свет несколько атласов (Amsterdam, 1687, 1691 и др.).

не без содействия А. П. Волинского (к тому времени — уже кабинет-министра) Мусин-Пушкин занял одновременно несколько ведущих постов в высших административных учреждениях: он стал сенатором, президентом Коммерц-коллегии, возглавил Канцелярию конфискации и Коллегию экономии.

Осужденный в 1740 г. по делу Волинского, П. И. Мусин-Пушкин был сослан на Соловецкие острова. Его имущество, в том числе и книги, подверглось конфискации. К настоящему времени, судя по всему, обнаружены еще не все описи книг Мусина-Пушкина, изъятых в 1740 г. Во всяком случае на сегодняшний день мы располагаем сведениями лишь о четырех принадлежавших Мусину-Пушкину иностранных изданиях, которые находились в его петербургском доме.¹⁸ Наиболее любопытным из них, на наш взгляд, является издание, которое числится в описи как «Театр исторический или универсальная история гражданская и церковная от начала мира по 1700 год пять частей на французском языке». Как выяснилось, в данном случае речь идет о французском переводе нашумевшей в свое время работы немецкого автора А. Л. Имхофа (Andreas Lasarus Imhof, 1656—1704). Несколько слов об истории этого издания. На протяжении десяти лет, с 1692 по 1701 г., в Зульцбахе и Нюрнберге печатался объемистый многотомный труд Имхофа «*Neu eröffnete historischer Bildersaal...*» (5 частей в 17 томах). Эта работа, задуманная как общедоступный, хорошо иллюстрированный пересказ всемирной истории, не носила научного характера. «*Historischer Bildersaal*» — типичная компиляция, в которой наряду с достоверными историческими сведениями приводились мифические и легендарные сюжеты. Тем не менее, несмотря на очевидные недостатки, благодаря занимательности изложения и наличию многочисленных прекрасно выполненных иллюстраций, многотомная работа А. Л. Имхофа приобрела широкую популярность среди читающей публики и издавалась в немецком варианте неоднократно. Французский перевод этого труда, имевшийся у Мусина-Пушкина, вышел в свет в Лейдене в 1703 г. под названием «*Le grand théâtre historique, ou nouvelle histoire universelle, tant sacrée que profane, depuis la création du monde jusqu'au commencement du 18-e siècle*» (5 vol.). Любопытно, что это переводное издание было отпечатано по особому заказу прусского королевского двора: «*Le grand théâtre historique*» использовался наследником прусского престола крон-

¹⁸ Сведения об этих изданиях содержатся в описи книг Мусина-Пушкина, обнаруженной М. И. Фундаминским в фондах ЛО ААН.

принцем Фридрихом-Вильгельмом в качестве учебного пособия.

Помимо работы А. Л. Имхофа в петербургском доме П. И. Мусина-Пушкина имелось три книги на немецком языке, которые посвящены излюбленным развлечениям дворянской знати — охоте и верховой езде. Аристократ по духу и по крови, граф Мусин-Пушкин, судя по всему, не отказывал себе в этих дорогостоящих забавах и поэтому имел под рукой соответствующие пособия: «совершенный немецкий егер» — «Der vollkommene teutsche jäger...»¹⁹ барона Флемминга (Hans Friedrich von Flemming), книгу по охоте И. В. Перзона (Johann Wilhelm von Pärson), а также популярное руководство по выезде лошадей герцога Ньюкастла (William Cavendish, duke of Newcastle) в немецком переводе (Nügnberg, 1700). Вот и все, что можно сказать пока об иностранной части книжного собрания П. И. Мусина-Пушкина.

Приведенные в настоящей статье сведения могут быть дополнены в процессе дальнейшей работы по изучению описей книжных собраний участников кружка Волынского. Следует полагать, что со временем накопившийся фактический материал, почерпнутый из этих важных источников, позволит расширить наши представления о социальной и культурной жизни русского общества в первой половине XVIII века.

¹⁹ Впервые издан в Лейпциге в 1719—1724 гг. (2 тома).

В. С. АСТРАХАНСКИЙ
НОВОЕ О КНИГАХ В. Н. ТАТИЩЕВА

Первый русский историк В. Н. Татищев, отправляясь в 1737 г. из Екатеринбурга (ныне Свердловск) на новое место службы в Оренбургский край, принял решение, о котором впоследствии он писал в «Истории Российской»: «...Всю мою библиотеку, состоящую более 1000 книг, для пользы заводских школ (которые трудом моим учреждены и в добрый порядок приведены были) оставил».¹

Каталог этих книг² хранится в фондах ЦГАДА.³ В результате ознакомления с ним выясняется, что Татищев передал школам 617 томов (571 название) на сумму 1039 рублей 39 копеек. Нами было установлено, что реестр был составлен учителем екатеринбургских школ Лаврентием Сехтингом не позднее 24 июля 1737 г.⁴

Расхождение в цифрах, приведенных Татищевым в «Истории Российской», с данными каталога 1737 г. в настоящее время объяснить не представляется возможным. Но известно, что в период между 1735 и 1738 г. Татищев расходовал крупные суммы своих денег на приобретение книг все тем же заводским школам. Сведения об этом имеются в статье В. Г. Федорова «К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева».⁵ Можно предположить, что Татищев, го-

¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.—Л., 1962, с. 349.

² См. о нем: Гузнер И. А., Ситников Л. А. Библиотека Колывано-Воскресенских заводов в XVIII веке.— В кн.: Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975, с. 31. (Сб. науч. трудов, вып. 19).

³ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, ед. хр. 411, д. 17, лл. [1], 1—14. Каталог книг, переданных Татищевым, подготовлен нами к опубликованию и скоро выйдет в свет.

⁴ ГАСО (Гос. архив Свердловской области), ф. 129, оп. 1, д. 166, л. 59 об.

⁵ Федоров В. Г. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева.— В кн.: Материалы для биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, с. 86—87.

вора «более 1000 книг», имел в виду и те книги, которые были приобретены на его деньги в 30-е гг.

Свыше 100 книг историка из числа подаренных им в 1737 г. было найдено Н. К. Чупиным (в Екатеринбурге в 1860 г.) и В. Г. Федоровым (в Свердловске в ноябре 1961 г.).⁶ Все найденные книги были выявлены по владельческим надписям В. Н. Татищева и в настоящее время хранятся в фондах библиотеки Свердловского областного краеведческого музея, некоторые из них находятся в его экспозиции.⁷ В августе 1978 г. в Свердловске нам удалось с помощью каталога 1737 г. выявить еще 20 книг В. Н. Татищева из его дара 1737 г.

В. Г. Федоров, сообщая о своих находках, привел интересные данные Свердловского архива о том, что некоторые татищевские книги в 1775 г. были отправлены из Екатеринбурга в Петербург для формирования библиотеки Горного училища, основанного в 1773 г.⁸ Это навело на мысль попытаться найти в Ленинграде книги из екатеринбургского дара историка. И действительно, 25 января 1979 г. в Ленинградском горном институте им. Г. В. Плеханова были найдены книги из числа 617 экземпляров, подаренных Татищевым.⁹ Они числятся в каталоге 1737 г.

Один из томов был обнаружен по вензелю Татищева на титульном и последнем листах. Он представляет собой конволют, в который включены сочинения четырех авторов, напечатанные в 1696 г. в Гамбурге.¹⁰ Наиболее известным из всех сочинений в этом томе является труд Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию». Этому сочинению немецкого ученого Татищев давал высокую оценку и неоднократно использовал его в своих научных трудах. Конволют указан в каталоге 1737 г.¹¹ Тем самым подтверждается факт передачи Горному училищу книг Татищева из его дара 1737 г.

⁶ Чупин Н. К. Библиотека Василия Никитича Татищева в Екатеринбурге. — Московские ведомости, 1860, № 203; Федоров В. Г. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева, с. 80.

⁷ Книги В. Н. Татищева в фондах краеведческого музея. (Предварительная информация). Свердловск, 1962.

⁸ Федоров В. Г. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева, с. 88.

⁹ Ленинградский горный институт им. В. Г. Плеханова. Главная библиотека. Редкая книга. Шифры: Г 3173, Г 3174, Г 3175, Г 3176, Г 3177, Г 3155, Г 3225.

¹⁰ Ленинградский горный институт, шифр Г 3155.

¹¹ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, ед. хр. 411, д. 17, л. 3 об.

Другая находка в библиотеке Горного института — оригинал рукописного перевода (в шести переплетенных томах) труда польского историка Мартина Кромера «О происхождении и деянии поляков». ¹² Перевод на русский язык с печатного издания 1568 г. на латинском языке был осуществлен учителем екатеринбургских школ Кириаком Кондратовичем по указанию Татищева не позднее 1737 г. Само издание обнаружено В. Г. Федоровым. Оно хранится в библиотеке Свердловского областного краеведческого музея. ¹³ Кстати, оно числится и в каталоге 1737 г. ¹⁴ Хотя ни на одном томе рукописи Кондратовича нет ни владельческих надписей Татищева, ни его вензеля, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что вся рукопись перевода принадлежала Татищеву. Это доказывается тем, что она числится в каталоге 1737 г. ¹⁵ Вообще же труд польского историка (по-видимому, с помощью указанного перевода) Татищев использовал в «Истории Российской» более ста раз.

Итак, и в Ленинграде сделаны новые находки, связанные с историей екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева. Они дают интересный материал по истории распространения иностранной печатной и переводной рукописной книги в России. Ленинградские находки являются также ценным материалом для исследования вопроса истории формирования книжных фондов учебных заведений страны в 30—70-е годы XVIII столетия.

¹² Ленинградский горный институт, шифры: Г 3173, Г 3174, Г 3175, Г 3176, Г 3177, Г 3225.

¹³ Книги В. Н. Татищева в фондах краеведческого музея..., с. 5. № 44.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, ед. хр. 411, д. 17, л. 4 об.

¹⁵ Там же.

А. Х. РАФИКОВ

**КНИГИ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ
В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

При Петре I восточная политика русского государства стала принимать более активный характер. С целью установления нормальных дипломатических и коммерческих отношений в Турцию, Персию, Китай были отправлены многочисленные посольства. Достижение этой цели также требовало знания истории, культуры, языка, законов и обычаев народов Востока. Исходя из этих соображений, Петр I издал ряд указов о собирании и сохранении памятников материальной и духовной культуры восточных народов, печатании книг, посвященных Востоку. Большое внимание он уделял также пополнению книжного фонда первой в России государственной библиотеки общественного пользования (будущей Библиотеки Академии наук) иностранными изданиями по всем отраслям знания, в том числе и по ориенталистике. Книжные фонды Библиотеки быстро росли за счет приобретения частных коллекций и покупки книг за рубежом.

Ориенталистская литература в первой половине XVIII в. попадала в Россию только из европейских стран, а не с Востока. Еще в XVI в. в Европе было открыто несколько восточных типографий, печатавших книги на арабском языке,¹ в XVII в. при университетах появились кафедры восточных языков. Ученые-востоковеды отправлялись в страны Востока с целью изучения истории, культуры и языка народов. Большое количество арабских рукописей, вывезенных ими оттуда, было или переведено на латинский язык, или издано на языке оригинала и стало достоянием европейцев.

¹ О восточных типографиях и первых арабских книгах, напечатанных в них, см.: Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973, с. 35—38.

Первая арабская книга поступила в Библиотеку Академии наук в 1716 г. в составе библиотеки герцога Курляндского.² Это был «Канон медицины» знаменитого Авиценны (Ибн Сины). Сейчас эта книга хранится в фонде Библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (под шифром Fg IV5). «Канон медицины» был напечатан в 1593 г. в Риме на арабском языке в восточной типографии кардинала Фердинанда Медичи под руководством директора типографии ориенталиста Ж. Б. Раймонди (1540—1610). Ж. Б. Раймонди издал на арабском языке также арабскую грамматику ал-Хаджеба, «Географию» Идриси, «Геометрию» Эвклида, книгу Ибн Масуда о союзах в арабском языке и др. Следует отметить, что именно Италия была в XVI в. центром книгопечатания на арабском языке. Кроме типографии кардинала Медичи в Италии в это время существовал целый ряд других восточных типографий, печатавших наряду с религиозной литературой, пропагандирующей католицизм, и научные книги на арабском языке.³

В XVII в. восточные типографии появились также в Голландии и Англии. Начало изданию книг на арабском языке в Голландии положил известный арабист, профессор кафедры арабского языка Лейденского университета Томас Эрпени (1584—1624). В 1612 г. в Лейдене он открыл в своем доме и на собственные средства арабскую типографию, в которой в 1613 г. напечатал грамматику арабского языка, впоследствии неоднократно переиздававшуюся.⁴

В Библиотеке Академии наук хранится один экземпляр этой грамматики 1620-го года издания под латинским названием «*Rudimenta Linguae Arabicae*» (шифр 3145.0/12456). Когда и как попала книга в Библиотеку Академии наук, пока не установлено, но известно, что такая же книга была в книжном собрании Г. Кера, преподававшего арабский язык в России в первой половине XVIII в.⁵ Эта грамматика издана форматом в 8-ку, состоит из 5 частей и содержит 196 страниц текста. На титульном листе гравюра, изображающая пальму. Книга открывается предисловием автора, в котором говорится об изучении арабского языка в Лейденском университете. В первой части грамматики приводится араб-

² Опись этой библиотеки хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук (ЛЮ ААН, ф. 158, оп. 1, № 210).

³ Amari M. *Le tipographie orientali e gli orientalisti a Roma nei secoli XVI e XVII.* — *Rivista Europea*, Firenze, 1878, vol. IX, p. 228—250.

⁴ См.: Рафиков А. Х. Очерки..., с. 50.

⁵ См.: Сб. Московского главного архива МИД. Вып. 7. М., 1900, с. CCCLIV.

ский алфавит с латинской транскрипцией каждой буквы и дается объяснение значения диакритических знаков — огласовок.⁶ Во второй части говорится о глаголах арабского языка, в третьей — об именах существительных, в четвертой — о частицах, в пятой — излагается арабский синтаксис. Арабский текст в книге набран красивым крупным шрифтом с диакритическими знаками и всюду сопровождается латинским переводом. В конце книги для упражнений по грамматике приведен текст из корана, также с латинским переводом. В приложении к грамматике перечислены книги, использованные Эрпени при составлении грамматики, с указанием их авторов, издателей, места, а в отдельных случаях — и года издания книг. Всего приводятся названия 45 книг, в том числе 8, напечатанных в типографии Эрпени. Арабская грамматика Эрпени как первая грамматика арабского языка, появившаяся в России, является уникальным произведением, представляющим значительную научно-практическую ценность.

После смерти Эрпени его типография была приобретена одним из членов семьи известных голландских печатников Эльзевиров — Исааком Эльзевиром, возглавившим типографию Лейденского университета. В этой типографии печаталось немало книг по Востоку, в том числе и на арабском языке. Инициатором и непосредственным участником этой работы был выдающийся голландский востоковед, профессор кафедры арабского языка Лейденского университета Якоб Голиус (1596—1667). Он совершил несколько путешествий по арабским странам и вывез оттуда немало арабских рукописей.⁷

В Библиотеке Академии наук хранится еще несколько книг, напечатанных в этой типографии. Остановимся в первую очередь на двух книгах форматом в 4-ку, объединенных общим переплетом. Такой же конволют находился и в книжном собрании Г. Кера. Первая книга называется «Proverbia Arabica» («Арабские пословицы»). Она состоит из двух частей, каждая из которых содержит по 100 арабских пословиц с латинским переводом, пронумерованных римскими цифрами. Книга имеет посвящение и предисловие на латинском языке, объем ее 147 с. Пагинация слева направо

⁶ Особенностью арабской графики является то, что в ней отдельными буквами обозначаются только согласные звуки и долгие гласные *и, у, а*. Для обозначения кратких гласных *е, ä, о* существуют особые подстрочные и надстрочные диакритические знаки (огласовки), но их можно встретить только в некоторых учебных пособиях и словарях.

⁷ Крачковский И. Ю. Избр. соч., т. 2. М.—Л., 1956, с. 279.

арабскими цифрами. На титульном листе на латинском языке приведены краткие сведения о книге и указано, что она напечатана в типографии Эрпени в 1623 г. и что это второе исправленное издание (первый раз Эрпени издал ее в 1616 г.). В каталоге редкой книги БАН конволют описан под названием этой первой книги и под шифром 4927.0/19432-33.

На титульном листе второй книги, входящей в конволют и являющейся сборником, перечислены на арабском и латинском языках включенные в нее произведения. Латинское название на титульном листе такое: «*Proverbia quaedam Alis, Imperatoris Muslimii. Carmen Tograi, Poetae doctiss. Nec non Dissertatio quaedam Aben Sina*» (Lugduni Batavorum, 1629). («Пословицы Али, императора мусульман. Поэма Тограи, искусного поэта. Речь Ибн Сины»). Кроме того, на титульном листе указано, что книга напечатана в типографии Эльзевиров в 1629 г. на арабском языке без латинского перевода.⁸ Эта книга примечательна двумя типографскими особенностями. Во-первых, арабский текст напечатан на обеих сторонах листа, но через лист, то есть каждый второй лист оставлен чистым. В ряде мест на этих чистых листах на экземпляре книги, хранящемся в БАН, вписан от руки латинский перевод. Во-вторых, в книге применена своеобразная нумерация страниц — латинскими буквами с цифровыми индексами (от 1 до 3), т. е. страницы пронумерованы следующим образом: А, А₂, А₃, В, В₂, В₃, С, С₂, С₃ и т. д. Пагинация в книге дана справа налево.

Арабское заглавие первого из входящих в это издание произведений отличается от латинского и переводится следующим образом: «Некоторые пословицы из речей Али ибн Талиба эмира мусульман, расположенные по алфавиту». Пословицы и поговорки, содержащиеся в изречениях эмира Али, сгруппированы по алфавиту; под каждой буквой — а их в арабском алфавите 29 — содержится по 6—7 пословиц, начинающихся с этой буквы.

Второе произведение называется «Касида ибн Исмаил аль-Тограи». Эта поэма аль-Тограи, арабского поэта XII в., пользовалась на Востоке огромной популярностью. Она известна также под названием «Ламиат ал-аджем», поскольку зарифмована таким образом, что каждая строка ее оканчивается буквой *л*, отсюда и название «Ламиат» (арабская буква *л* называется *лам*). Арабский текст занимает 10 страниц и напечатан, как и предыдущая работа, с диакритическими знаками.

⁸ См. также: Willems A. Les Elzevier histoire et annales typographique. Paris-La Haye, 1880, p. 306.

Кроме того, в сборник вошли «Речь Ибн Сины» и не обозначенные на титульном листе стихи арабских поэтов. В конце сборника помещен список опечаток в арабском тексте. Все произведения, входящие в конволют, представляют определенный научный интерес для востоковедов-арабистов.

В 1721 г. Петр I послал библиотекаря своей новой библиотеки И. Д. Шумахера в Европу для ознакомления с организацией зарубежных библиотек и приобретения книг. И. Д. Шумахер закупил большую партию книг (314 названий — 541 том),⁹ среди которых 10 книг были по Востоку. В числе востоковедческих изданий особую ценность для изучения истории и культуры мусульманского Востока имела «История Тимура».¹⁰

«История Тимура» считается самым надежным и достоверным источником по истории государства Тимура. В ней изложены биография Тимура, история его войн, содержатся ценные сведения о народах Средней Азии и Поволжья. Не случайно «История Тимура» была переведена почти на все европейские языки и переиздавалась многократно. Автор книги — известный арабский историк, поэт и литератор, владевший многими восточными языками, Ахмед бин Арабшах (1389—1450).¹¹ Ему было 12 лет, когда он с семьей был вывезен Тимуром из Дамаска в Самарканд, где получил разностороннее образование. Ахмед бин Арабшах много путешествовал по Средней Азии, был в Сарае, Астрахани, Крыму, затем долго жил в Турции. Его перу принадлежит больше 10 историко-литературных сочинений, среди которых наиболее известна именно «История Тимура».

И. Д. Шумахер купил для Библиотеки Академии наук первое издание «Истории Тимура» — книгу, подготовленную к печати вышеупомянутым Якобом Голиусом по двум рукописным спискам, вывезенным им с Востока, и напечатанную на арабском языке в Лейдене в 1636 г. Книга, хранящаяся в БАН (под шифром 1258q/10745), заключена в твердый переплет, обтянутый белым пергаментом и покрытый узорчатой коричневой бумагой. На титульном листе на латинском и арабском языках напечатано название книги, красной и черной краской соответственно. Книга открывается предисловием Я. Голиуса на латинском языке, арабский текст занимает 446 страниц в 4-ку. Страницы имеют две системы пагинации: в верхней части листов пагинация дана арабскими

⁹ История Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1964, с. 20—21.

¹⁰ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 255, л. 2, 4 об.

¹¹ Подробно о нем см.: Р а ф и к о в А. Х. Очерки..., с. 116.

буквами (в арабском языке каждая буква имеет цифровое обозначение), в нижней части — латинскими буквами с индексами (так же, как в упоминавшейся книге «Некоторые пословицы и поговорки эмира Али...»). Арабский текст напечатан без диакритических знаков, содержит много типографских опечаток и пропусков отдельных слов. В экземпляре, хранящемся в БАН, такими же красными чернилами и той же рукой, что и в книге «Некоторые пословицы...», т. е., по всей вероятности, рукой издателя Я. Голиуса, была сделана попытка исправить эти ошибки: на поля книги вынесены исправления, расставлены диакритические знаки. Но это сделано не во всей книге, а на первых 8 страницах и на 6 страницах в середине книги.

Следует отметить, что несколько позже «История Тимура» была приобретена для Библиотеки Академии наук и в переводах на европейские языки. В Камерном каталоге Библиотеки, выпущенном в 1742 г., значатся издания «Истории Тимура» на немецком, французском и английском языках.¹² Она имелась и в частных собраниях. Так, в коллекции Брюса «История Тимура» была на немецком и английском языках,¹³ в коллекции Остермана — на французском.¹⁴ Это свидетельствует о популярности «Истории Тимура» и в России.

Ценным приобретением Библиотеки Академии наук был «Lexicon Arabico-Latinum», закупленный в 1739 г. Он отражен в описи книг Библиотеки за 1732—1742 гг.¹⁵ и хранится под шифром 1050.f/14566. Составителем этого фундаментального словаря является тот же Я. Голиус, а выпущен он в свет был в 1653 г. типографией Эльзевиров. Книга большого (в лист) формата украшена гравюрами. Арабские слова расположены в порядке арабского алфавита, по две колонки на странице, всего 2922 колонки, каждая колонка пронумерована. Арабский текст набран красивым шрифтом с диакритическими знаками. Словарь открывается предисловием составителя, в конце словаря имеется небольшое послесловие и алфавитный индекс латинских слов. Прекрасное типографское оформление «Лексикона» свидетельствует о высоком уровне искусства книгопечатания Эльзевиров. Долгое время этот словарь был одним из самых полных и лучших. Следует также отметить,

¹² Камерный каталог, ч. 3, с. 265, № 57—59; см. также: ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 256, л. 4.

¹³ Материалы для истории Академии наук. Т. 5. Спб., 1889, с. 201.

¹⁴ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 841, л. 155.

¹⁵ Там же, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 9.

что экземпляр этого словаря был в книжном собрании Г. Кера.¹⁶

В первой половине XVIII в. Библиотека Академии наук приобрела также несколько книг на арабском языке, изданных в Англии. Издателем этих работ был известный ориенталист Эдвард Пококк (1604—1691), основатель английской арабистики, профессор Оксфордского университета. С 1630 по 1636 г. он жил в г. Алеппо, вывез оттуда много арабских рукописей и всю свою дальнейшую жизнь посвятил изданию оригиналов этих рукописей и их переводов.¹⁷

В первую очередь остановимся на конволюте, в который вошло несколько работ, выпущенных Э. Пококком. На переплете конволюта значится лишь название первой книги «Specimen Historiae Arabum» («Образец арабской истории»), и в фонде редкой книги БАН конволют хранится под этим названием (шифр 4411.q/10542-43). «Образец арабской истории» был издан в 1649 г. Напечатана книга, как значится на титульном листе, в типографии Оксфордского университета печатником Генри Холлом на средства Х. Робинсона. В начале книги помещено предисловие издателя на латинском языке. В нем говорится, что в основу работы положено сочинение арабского историка Абу-ль-Фараджа, приведена биография Абу-ль-Фараджа, раскрыто краткое содержание его книги. Основной текст занимает 31 страницу и напечатан на арабском языке с латинским переводом. В этом небольшом очерке, состоящем из двух глав, освещены доисламский и исламский периоды арабской истории.

Вторая работа также написана Пококком и озаглавлена «Notae» («Заметки»). Она имеет свой титульный лист с выходными данными. На титуле указано, что книга напечатана в Оксфорде в 1648 г. Генри Холлом. Под скромным названием «Заметки» на 307 страницах в 4-ку автор приводит очень много интересных, разнообразных сведений по истории, географии, генеалогии отдельных арабских племен, городах Межке, Медине, Дамаске. Излагая биографии арабских историков, философов, поэтов, автор цитирует их произведения, нередко целыми страницами, и приводит латинский перевод. Большое место в «Заметках» Пококка отведено грамматическому разбору предложений, раскрытию смыслового значения отдельных арабских слов и выражений, имеются сведения о диалектах в арабском языке. В особом разделе, оза-

¹⁶ Сб. Московского главного архива МИД. Вып. 7. М., 1900, с. CCCLII.

¹⁷ Encyclopaedia Britanica. Vol. 18. London, 1957, p. 103.

главленном «Пословицы...», на 16 страницах приведены арабские пословицы, использованные в работе, с латинским переводом.

В конце «Заметок» Пококка приведен перечень трудов более ста арабских ученых. Все имена ученых и названия их сочинений набраны арабским шрифтом и транскрибированы латинскими буквами; кроме того, дается перевод названий работ на латинский язык. Общий объем «Образца арабской истории» и «Заметок» — 390 страниц в 4-ку. Пагинация этих двух работ сплошная.

В общем переплете с произведениями Пококка содержатся еще две работы на арабском языке, изданные Томасом Эрпени. Они имеют общий титульный лист с выходными данными. На титульном листе на арабском и латинском языках указано, что книга напечатана в Лейдене в 1617 г. в типографии Эрпени. Арабское название: «Сура из Корана об Иосифе и Арабский алфавит», латинский перевод: «*Historia Josephi*», «*Alphabetum Arabicum*». Однако после предисловия первым помещен «Арабский алфавит».

Книге предпослано предисловие Эрпени на латинском языке, в котором говорится об изучении арабского языка в Лейдене. Вслед за предисловием 17 страниц занимает составленный Эрпени «Арабский алфавит». Дана латинская транскрипция арабских букв, составитель на латинском языке объясняет их произношение и показывает их начертание в начале, середине и конце слов, подчеркивая значение диакритических знаков.

Далее на 38 страницах идет «История Иосифа» на арабском языке. Текст напечатан с диакритическими знаками, дается надстрочный перевод отдельных слов, а на полях помещен латинский перевод целых фраз. «История Иосифа» — это двенадцатая сура Корана, повторяющая известный библейский сюжет. После арабского текста «Истории Иосифа» Эрпени поместил ее полный латинский перевод (14 страниц) и свои «Примечания» к ней, тоже на латинском языке, занимающие 65 страниц. В последней части «Примечаний» сделан грамматический разбор ряда арабских фраз. Нумерация страниц в этой книге дана справа налево арабскими буквами и цифрами. Таким образом, в конволют вошли не 2, а 4 самостоятельные произведения на арабском и латинском языках, объединенные общим переплетом, покрытым белым пергаментом.

В 1749 г. на аукционе Библиотекой Академии наук было куплено еще одно уникальное произведение — «Тарих мухтасар ал-дуваль» («Краткая история государств») Абу-ль-Фа-

раджа на арабском языке.¹⁸ Ее издал также Эдвард Пококк в Оксфорде в 1663 г. Название книги дано на титульном листе на арабском и латинском языках. В настоящее время эта книга хранится в фонде Библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР под латинским названием «*Historia compendiosa dynastiarum*» (шифр VIII 4/39). Первые 3 страницы занимает «Посвящение», написанное Э. Пококком. Арабский текст занимает 565 страниц. Страницы пронумерованы справа налево, сверху — арабскими цифрами, а снизу — латинскими буквами. Поля обведены красными линиями, судя по неровностям и обрывам линий — от руки, на полях напечатаны на арабском и латинском языках примечания издателя. Текст набран без диакритических знаков крупным шрифтом хорошего качества.

Автор этого произведения, известный сирийский историк, хронограф и врач, Абу-ль-Фарадж (Бар Хебрая, 1226—1286), начинает свое произведение с истории «доисламских» государств, к которым он относит израильтян, халдеев, «огнепоклонников», «идолопоклонников», древних греков, римлян, персов и египтян. Основное место в работе (406 страниц из 565) отведено истории мусульманских династий, правивших до монгольского завоевания арабских стран.

В Библиотеке Академии наук хранится и латинский перевод этого сочинения — «*Historia compendiosa dynastiarum*» (шифр 2013.q/16260), тоже сделанный Э. Пококком и напечатанный Г. Холлом в том же 1663 г. Книга имеет посвящение и предисловие. В предисловии приведены сведения об авторе, перечислены арабские источники, при этом имена авторов и названия сочинений напечатаны арабским шрифтом и сопровождаются латинским переводом. Книга разделена на две части. В первой части, занимающей 66 страниц, перечислены имена правителей Монгольской империи, Халифата, Турции, Египта, Татарии, Средней Азии, Персии, Туркмении, при этом каждой династии отведен отдельный раздел. Все имена напечатаны арабским шрифтом. Во второй части книги помещен полный латинский перевод «Краткой истории государств». В этой части арабского текста нет.

Наш краткий обзор показывает, что уже в первой половине XVIII в. в Библиотеке Академии наук были собраны уникальные издания на арабском языке историко-филологического содержания. Можно сделать вывод, что эти книги были приобретены не случайно, а с целью создания книжного фонда для будущих отечественных арабистов.

¹⁸ ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 257, л. 33.

Г. Н. УТИН

**РУССКИЕ РУКОПИСНЫЕ КАРТЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА
В БИБЛИОТЕКЕ АН СССР И В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ
ПАРИЖА**

(К итогам научной командировки во Францию в 1978 г.)

Русские рукописные карты первой половины XVIII в. с полным основанием рассматриваются не только как памятники отечественной истории и культуры, но и как ценный материал для научных исследований. Создание их тесно связано с решением всех стоявших перед государством исторических задач — борьбой за выходы к морям и за установление твердых границ России, налаживанием связей с соседними государствами, освоением огромных территорий и природных богатств страны. Это были первые в России точные по тому времени карты, составленные на основе инструментальных съемок, носивших впервые в истории страны систематический характер. На многих из них впервые были отображены территории и контуры, о которых имелись лишь смутные, подчас вымышленные представления или сведения о которых отсутствовали вообще. Естественно, что эти карты неоднократно привлекали внимание исследователей и сыграли значительную роль в установлении русского приоритета ряда начинаний и открытий, позволили получить правильный ответ на многие вопросы, превратно толковавшиеся ранее.

Наиболее обширное в нашей стране собрание рукописных карт первой половины XVIII в. находится в Библиотеке Академии наук СССР. Оно включает 387 оригиналов и 120 копий карт, составленных в 1700—1750 гг. В этой коллекции много материалов первой государственной систематической съемки страны, проводившейся с 1720 по 1744 г.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве сохранились 143 карты этого периода.¹ Почти все они являются приложениями к различным подведомственным Сенату делам (реконструкция городов, отвод земель, ремонт дорог, вырубка леса, переселения и т. п.). В большинстве своем они составлены армейскими и флотскими офицерами, чиновниками и другими должностными лицами, причем только 9 из них являются работами первых русских геодезистов. Собрание из 71 карты хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве.² Составление их в той или иной степени связано с решением вопросов военного характера. Авторами большинства карт являются армейские офицеры.

Некоторое количество карт находится в архиве Центрального картографического производства Военно-морского флота в Ленинграде. В этом собрании 27 морских навигационных карт, 2 карты рек (Невы и устья Наровы), планы Архангельска и Кронштадта, 4 карты сражений и карта района Финляндии и Карелии между Балтийским морем и Ладожским озером, составленная в 1740—1741 гг. на основе карты Выборгского уезда 1724 г. А. Клешина.³

Указанные собрания дополняют друг друга, однако в них отсутствует значительное количество карт, в том числе материалов первой государственной съемки России, существование которых в прежние времена установлено по архивным документам. Попытки исследователей разыскать эти карты или узнать их судьбу успехом не увенчались.

Между тем известно, что французский математик и астроном Ж. Н. Делиль, состоявший на службе в России с 1726 по 1746 г., в силу ряда обстоятельств получил широкий доступ к материалам государственной съемки страны и открыто, но чаще тайно, переправлял во Францию копии, а порой и подлинники русских рукописных карт. Образовавшееся во Франции довольно обширное собрание этих материалов в 1754 г. было приобретено у Делиля королем Людовиком XV и передано частично в Королевскую библиотеку (ныне Национальная библиотека) и частично в хранилища (архивы) Морского флота.

В 1916 г. главный библиотекарь Национальной библиоте-

¹ ЦГАДА, ф. 248; ф. 192, оп. 1.

² ЦГВИА, ф. ВУА, отд. X, XI и XII; фонды 419, 422, 423, 424.

³ Колгушкин В. В. (сост.). Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и первой половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ. [Л.], 1958.

ки А. Иснар опубликовал биографию Ж. Н. Делиля, а вместе с ней каталоги и списки его коллекций русских карт.⁴ Изучение этих каталогов и списков позволило убедиться в том, что во Францию попали копии и подлинники карт, не обнаруживаемых (отсутствующих) в наших собраниях. Но исследователям важно было не только знать о существовании этих карт, но и иметь возможность их изучать и использовать в своей работе. Поскольку парижские собрания были практически недоступны для широких кругов советских исследователей, неоднократно поднимался вопрос (в частности, через Географическое общество СССР) о необходимости приобретения копий или хотя бы репродукций находящихся во Франции русских рукописных карт. В конце 50-х — начале 60-х годов Библиотекой АН СССР предпринимались попытки решить этот вопрос, но все старания оказались тщетными. Более того, поступило известие об отсутствии (утрате) некоторых частей парижских собраний.

В 1959 г. известный советский картограф К. А. Салищев во время своего кратковременного пребывания в Париже по делам Международного географического союза посетил Национальную библиотеку, просмотрел хранящиеся там русские рукописные карты и вскоре опубликовал обзор этого собрания, предпослав ему исторический очерк появления русских карт во Франции.⁵ Эта публикация свидетельствовала о наличии и хорошей сохранности части карт коллекций Делиля, которая была передана в Национальную библиотеку. Просмотреть другие находящиеся в Париже собрания К. А. Салищев из-за недостатка времени не смог.

В результате переписки Географического общества СССР и Библиотеки АН СССР с Парижем в 1973—1975 гг. выяснилось, что карты, хранящиеся в Национальной библиотеке, доступны и могут быть репродуцированы и что другое собрание карт коллекций Делиля находится в архиве Службы истории морского флота Министерства обороны Франции. Полученные сведения дали основания для постановки вопроса о специальной поездке во Францию. В конце 1978 г. Академия наук СССР командировала меня в Париж для уточнения местонахождения, описания и репродуцирования находящихся там, но отсутствующих в наших собраниях русских рукописных карт первой половины XVIII в.

⁴ Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1916.

⁵ Салищев К. А. Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекции акад. И.-Н. Делиля). — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1960, № 4.

Во время пребывания в Париже выяснено, что в Национальной библиотеке имеются все карты, описанные А. Иснармом в каталоге под номером 1.⁶ Хранятся они под единым шифром — Rés. Ge BB 124, но разделены на два формата — большой и малый. Это собрание, а равно и каталог А. Иснара описаны в вышеупомянутой статье К. А. Салищева, поэтому нет необходимости приводить их подробную характеристику. Можно ограничиться лишь добавлением, что из 194 карт, копии которых хранятся в Национальной библиотеке, 28 оригиналов находятся в Библиотеке АН СССР, что остальные 166 карт были просмотрены и описаны, а со 157 из них получены черно-белые негативные микрофильмы.

В архиве Службы истории морского флота обнаружены карты, большинство которых перечислено А. Иснармом в списке под номером 4.⁷ Этот список содержит краткие, не всегда конкретные и четкие описания карт коллекций Делиля, переданных в 1754 г. в хранилища (архивы) Морского флота. В списке 151 номер, под каждым из которых указана одна карта, причем одна из карт повторяется под двумя различными номерами, другая — под тремя, а 6 карт значатся также в каталоге под номером 1 и находятся в Национальной библиотеке. Следовательно, в списке под номером 4 с учетом дублирующихся описаний и повторений в каталоге 1 указано 143 карты. На 124 из них изображена территория России.

Все старинные карты, находящиеся в архиве Службы истории Морского флота, наклеены на листы плотной бумаги размером 95×69 см, а листы сброшюрованы в тома по 90—110 листов каждый. Группировка (распределение) карт по томам основана на времени составления или издания карт и их территориальном охвате. Поэтому в томах перемешаны рукописные и печатные карты, отображающие ту или иную территорию. В томах 52, 53, 54, 55, 60 и 61 было обнаружено 104 карты территории России первой половины XVIII века. Среди них оказалось 44 карты на русском языке, а остальные — копии с переводом надписей на французский язык и французской транслитерацией названий. 97 карт были микрофильмированы.

А. Иснар в каталоге под номером 5 дает описания 53 карт, находившихся на складе (в Депо) карт и планов Морского флота.⁸ Две карты из этого каталога повторяются в списке под номером 4 и три — в каталоге под номером 1. Значитель-

⁶ Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle..., p. 54—100.

⁷ Там же, с. 104—114.

⁸ Там же, с. 115—119.

ная часть этого собрания, а именно 43 карты, среди которых 4 немые и остальные — копии на французском языке, а также одна копия на русском языке, не значащаяся в каталогах и списках А. Иснара, обнаружены в Национальных архивах Франции.⁹ В порядке любезного исключения администрация Национальных архивов разрешила получить ксерокопии со всех 43 обнаруженных в этих архивах русских рукописных карт первой половины XVIII в.

Таким образом, в Париже:

	в Нац. библио- теке	в Нац. архи- вах	в Архиве Службы истории флота	Всего
находится карт по данным А. Ис- нара	194	53	151	398
требовалось найти отсутствующих в СССР карт	166	48	124	338
обнаружено карт	166	43*	104*	313
в процессе работы:				
— составлено описаний карт	166	—	104	270
— репродуцировано карт	157	43	97	297

* Некоторые из этих карт в каталогах и списках А. Иснара не значатся.

Ознакомление с картами, хранящимися в Париже, позволяет провести сравнение этих собраний с коллекцией Библиотеки АН СССР. По территориальному охвату, содержанию, объектам изображения и назначению карты рассматриваемых собраний распределяются примерно так:

	в БАН в Париже	
Генеральные карты России	3	2
Карты побережий	26	8
Карты морей и их частей	49	16
Карты границ и пограничных районов	3	4
Карты различных неадминистративных рай- онов	58	83
Карты губерний	4	10
Карты провинций	19	23
Карты уездов	134	72
Карты населенных пунктов и их частей	24	4
Карты вотчинных земель и владений	31	2
Карты горных заводов, горные карты	9	4
Карты дорог, путей, маршрутов	4	15
Карты озер	3	2
Карты рек	83	54
Карты каналов	7	4
Военные карты	50	10

⁹ Фонд 6JJ73, №№ 81—135 (с некоторыми пропусками порядковых номеров).

Как видно из этих данных, коллекция Библиотеки АН СССР богаче парижских собраний, но надо иметь в виду, что оригиналы большинства хранящихся в Париже карт в наших хранилищах (архивах, библиотеках) отсутствуют (не обнаружены).

Наличие описания карт из фонда Библиотеки АН СССР¹⁰ освобождает от необходимости приводить обзор этой коллекции. Но хотелось бы дать краткие комментарии к некоторым отдельным картам и группам карт из просмотренных в Париже собраний.

В архиве Службы истории морского флота обнаружена генеральная карта России с русскими надписями. На ней нет ни заглавия, ни выходных данных, но сохранилась карандашная пометка у северной рамки: «Carte générale de Kirilov». А. Иснар в списке под номером 4 утверждает, что это копия карты Кирилова, с которой изготавливалась печатная форма на меди и часть которой впоследствии была утеряна.¹¹ В Библиотеке АН СССР хранится рукописная генеральная карта Кирилова на латинском языке, датированная 1733 г., с собственноручной пометой И. Кирилова о том, что при гравировании на меди следует учесть «переправки», показанные на другой карте¹² (пока эта «другая» карта не обнаружена). Карта на русском языке из архива Службы истории морского флота хорошо согласуется с картой Библиотеки АН СССР. Но даже при беглом сличении парижской карты с печатными (4 экземпляра которых, в том числе один на шелку, есть в отделе картографии Библиотеки АН СССР) бросаются в глаза существенные расхождения в конфигурации ряда объектов (например, северной части Каспийского моря, Аральского моря, озера Балхаш). Поскольку на печатных картах очертания объектов более правильны, чем на просмотренных рукописных, а также отсутствуют не существующие в действительности, но показанные на рукописных картах объекты (например, о. Медвежий к югу от о. Сахалин), есть основания считать, что А. Иснар ошибался, сообщая о нахождении в Париже копии карты, с которой вырезывалась печатная форма. Скорее можно полагать, что в архиве Службы истории морского флота находится еще не изученная рукописная карта

¹⁰ Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. М., 1946.

¹¹ Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle..., p. 111, N 104.

¹² Библиотека АН СССР. Отдел рукописной и редкой книги. Собрание рукописных карт. № 312.

Кирилова. В группе карт морей сохранилась карта Кольского залива с островом Кильдин, не имеющая аналогов в наших собраниях, коллекция из 7 карт Каспийского моря, среди которых карты Астрабадского, Балханского и Энзелинского заливов, 6 карт Азовского и Черного морей.

Привлекает внимание карта границы России и Украины с Польшей (масштаб около 1 : 1 600 000), примечательная обширным текстом на французском языке, написанном, по мнению А. Иснара, либо русским, либо поляком.¹³ В тексте указана дата составления карты (1706 г.) и дано описание пограничной полосы. На других картах этой группы показаны границы Украины с Польшей.

Северные, центральные и юго-западные территории Европейской части России и юго-западные территории азиатской части показаны на ряде карт неадминистративных районов. На картах парижских собраний показано 8 губерний и 10 провинций, а на картах Библиотеки АН СССР соответственно 3 губернии и 9 провинций. Из числа последних в парижских собраниях не повторяются 1 губерния и 5 провинций, а в наших собраниях отсутствуют карты 6 губерний и 7 провинций из показанных на картах парижских собраний, а именно Азовской, Архангелогородской, Казанской, Киевской, Московской и Рижской губерний, Великолуцкой, Воронежской, Елецкой, Новгородской, Орловской, Смоленской и Тобольской провинций.

Особо следует остановиться на картах уездов. По росписи губерний и провинций 1727 г., в России насчитывалось 285 уездов. Как утверждает С. Е. Фель, ссылаясь на свои многолетние исследования архивных материалов, в период с 1715 по 1744 г. русскими геодезистами было заснято 190 уездов.¹⁴ В Библиотеке АН СССР сохранились карты 78 уездов. Карта двух уездов (Царевосанчурского и Царевококшайского) обнаружена в Центральном государственном архиве древних актов.¹⁵ На картах, просмотренных в Париже, показано 92 уезда, из которых 57 не повторяются в собраниях Советского Союза. Таким образом, на картах Библиотеки АН СССР, ЦГАДА и парижских собраний показано всего 137 уездов. Ниже приводится таблица, дающая представление о том, в какой степени полученные репродукции карт коллекций Делиля пополняют хранящееся в Библиотеке АН СССР собрание уездных карт по губерниям и провинциям:

¹³ Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle..., p. 70, N 86.

¹⁴ Фель С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960, с. 96.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 192, оп. 1. Казанская губ., № 6.

Провинции	Всего уездов	Из них заснято (по Фелю)	Показано уездов на репродукциях карт
Архангелогородская губерния			
Архангелогородская	7	7	5
Галицкая	7	2	1
Устюжская	4	1	1
Астраханская губерния			
Астраханская	13	11	2
Воронежская губерния			
Елецкая	8	8	1
Казанская губерния			
Вятская	3	3	1
Казанская	2	1	2
Свияжская	9	8	4
Соликамская	3	3	3
Московская губерния			
Московская	15	15	14
Новгородская губерния			
Белозерская	4	4	2
Великолукская	2	1	2
Новгородская	5	2	1
Псковская	7	7	1
Санктпетербургская губерния			
Выборгская	2	2	1
Сибирская губерния			
Енисейская	7	7	5
Смоленская губерния			
Смоленская	5	4	4

На репродуцированных в Париже картах показаны следующие *уезды*:

Архангелогородская губерния

Архангелогородская провинция — *Вагский, Кеврольский, Кольский, Мезенский, Пустозерский*

Галицкая провинция — *Галицкий*

Устюжская провинция — *Великоустюжский*

Астраханская губерния

Астраханская провинция — *Петровский, Самарский*

Воронежская губерния

Елецкая провинция — *Талецкой*

Казанская губерния

Вятская провинция — *Кайгородский*

Казанская провинция — *Казанский, Уржумский*

Свияжская провинция — *Козьмодемьянский, Кокшайский, Свияжский, Чебоксарский*

Соликамская провинция — *Великопермский, Соликамский, Чердынский*

Московская губерния

Московская провинция — *Боровский, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Малоярославецкий, Можайский, Московский, Новосильский, Обоянский, Серпуховский, Тарусский*

Новгородская губерния

Белозерская провинция — *Белозерский, Чарондский*
 Великолукская провинция — *Великолукский, Торопецкий*
 Новгородская провинция — *Олонецкий*
 Псковская провинция — *Псковский*

Санктпетербургская губерния

Выборгская провинция — *Выборгский*

Сибирская губерния

Енисейская провинция — *Енисейский, Красноярский, Мангазейский, Нарымский, Томский*

Смоленская губерния

Смоленская провинция — *Бельский, Вязьменский, Дорогобужский, Смоленский*

Из других групп репродуцированных в Париже материалов можно назвать карты рек Волхов, Десна, Нарова, Печера, карты водных путей озеро Ильмень — Ладожское озеро — Онежское озеро и Черное море — Балтийское море. Они примечательны тем, что показывают существовавшие водоки между реками и проектируемые каналы, образующие в совокупности водно-сухопутные системы для обеспечения связи между различными районами страны. Ближе к этой группе стоят другие карты, способствовавшие налаживанию экономических связей внутри страны и с соседними государствами — карты, показывающие дороги Петербург—Москва, Москва — Тобольск, Тобольск—Пекин, Тобольск — побережье Японского моря. В немногочисленную группу военных карт входит 6 карт крепостей и фортов, 3 карты укрепленных и засечных линий и карта действий капитана Эльтона в низовьях Волги.

Среди приобретенных репродукций карт парижских собраний исследователи найдут много новых интересных сведений. Эти репродукции в определенной степени восполняют пробелы в наших собраниях. Однако остается не выясненной судьба еще многих карт, часть которых упоминается А. Иснаром в его каталогах и списках. Поэтому поиски во Франции пока нельзя считать полностью законченными. Следует также еще раз просмотреть наши менее изученные архивы и библиотеки. Несмотря на это, уже сейчас представляется целесообразным говорить о составлении сводного аннотированного каталога всех существующих ныне рукописных карт первого полувека отечественной научной картографии.

Н. Ю. БУБНОВ

**РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ РИЖСКОЙ
ГРЕБЕНЩИКОВСКОЙ ОБЩИНЫ
В БИБЛИОТЕКЕ АН СССР**

В сентябре 1977 г. состоялась передача в Библиотеку АН СССР четырнадцать древнерусских рукописных книг из Книжницы Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины. В рукописном отделе БАН они составили особое рукописное собрание. Этот ценный дар ленинградским ученым явился итогом их многолетнего научного сотрудничества с рижскими старообрядцами.

Знакомство советских исследователей с рукописями и книгами Гребенщиковской Книжницы началось с конца 1945 г., когда в Риге побывал известный ленинградский археограф В. И. Малышев. Ему принадлежит первый научный обзор наиболее интересных рукописей собрания.¹

В. И. Малышев по достоинству оценил, ввел в научный оборот и опубликовал ценнейший памятник древнерусской литературы — «Слово о погибели Русской земли», обнаруженный им в одном из сборников XVI в., хранившемся в Книжнице (под № 53/545 — «Сложник от святых отец») и известный ранее лишь в единственном списке.² Учитывая большой интерес ленинградских ученых к этой рукописи, руководители общины согласились передать ее в дар Пушкинскому Дому.³

¹ Малышев В. И. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновца, Риги, Двинска и других городов. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, с. 465—466.

² Малышев В. И. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, с. 185—193. См. также: Малышев В. И. О втором списке Слова о погибели Руския земли (история открытия). — Slavia, гош. XXVIII, seš. I, Praha, 1959, p. 69—72.

³ Рукопись получил и привез в ИРЛИ в 1964 г. Ю. К. Бегунов (См.: ИРЛИ, Древлехранилище, Отд. пост., опись 24, № 26). Здесь ее изучение

В 1958 г., по заданию сектора древнерусской литературы ИРЛИ, с рукописями Гребенщицковской Книжницы ознакомился Ю. К. Бегунов, зафиксировавший в этом собрании около 150 рукописных и до 300 старопечатных книг и назвавший в написанном им обзоре некоторые рукописи, не упомянутые В. И. Малышевым.⁴

Как В. И. Малышев, так и Ю. К. Бегунов в своих сообщениях особо отметили еще одну ценнейшую рукопись середины XVI в., содержащую прижизненный список сочинений Максима Грека (в Книжнице № 52/518). Этот список был впоследствии тщательно изучен на месте Н. В. Синициной и определен ею как один из трех сохранившихся прижизненных списков сочинений так называемого Иоасафовского собрания.⁵ Сейчас рукопись поступила в Библиотеку АН СССР.⁶ Заметим, что многочисленные авторские глоссы на полях рукописи, сделанные чернилами и киноварью, сильно напоминают почерк самого Максима Грека.

Из тринадцати рукописей, поступивших в этом году в Библиотеку АН СССР из Риги, лишь шесть кратко упомянуты в названных работах В. И. Малышева и Ю. К. Бегунова (Торжественник, Пролог, Евангелие, Летописец, Житие Зосимы и Савватия соловецких и Михаила Клопского, а также «Цветник» с Житием Василия Нового). Остальные рукописи Рижского Гребенщицковского собрания БАН были известны лишь по краткой машинописной описи рукописей и книг общины, составленной в конце 50-х — начале 60-х гг. И. Н. Заволоко и хранящейся в Книжнице.

Две древнейшие рукописи Собрания относятся к началу XV в. Это Торжественник (1)⁷ и Пролог сентябрьской половины года (2). Обе рукописи новгородско-псковского проис-

было продолжено: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965. На с. 7—8 изложена история находки рукописи, а на с. 201—205 дано подробное ее описание. См. также: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). Сост. В. И. Малышев. М.—Л., 1965, с. 153—154; он же: Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси. Л., 1967, с. 25.

⁴ Бегунов Ю. К. Обзор собраний древнерусских рукописных книг города Риги. — Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962, с. 174—176.

⁵ Синицина Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. Описание рукописи см. на с. 226—227.

⁶ БАН РО. Собр. Рижск. Греб. общины № 8 (в дальнейшем шифр рукописи в РО БАН дается в тексте).

⁷ Цифра в скобках — шифр рукописи в РО БАН и соответственно — порядковый номер в «Кратком описании рукописей», приложенном к данной статье.

хождения. Судя по записи (XV—XVI вв.), Торжественник принадлежал крупному общественному деятелю XV в. новгородскому архиепископу Ионе (умер в 1470 г.), а затем попал в монастырь Трех святителей Псковской епархии.⁸ В XVIII в., судя по владельческим записям, рукопись оказалась в частных руках и была увезена в Ригу. Тогда же она была заново переплетена, а на вшитых чистых листах добавлено несколько учительных слов Иоанна Златоуста и Кирилла Туровского.⁹ В основной части Торжественника, среди слов и поучений отцов церкви, находятся два слова болгарского писателя Климента Охридского, одно из которых — «На Успение Богородицы» является древнейшим списком этого памятника в русской редакции.¹⁰ Часть из вошедших в Торжественник слов представляют собой извлечения из переводных житий Андрея Юродивого Цареградского, великомученика Дмитрия, Козьмы и Дамиана, великомученика Георгия. Последнее слово сопровождается любопытной припиской писца, свидетельствующей о его внимательном отношении к выбору текстов для переписки: «И се же ти надписуют, еже глаголют: отречено мучение Григориево — то есть отречено же — Дадрианом царем мучен. А се есть истинное же — Диоклитианом царем мучен» (л. 209).

Из псковского Никитского «архиерейского» монастыря происходит и Пролог начала XV в., как свидетельствуют записи священников церкви этого монастыря, сделанные почерками XVII в. В 1764 г. монастырь был упразднен, рукопись, как видно, оказалась в частных руках и была заново переплетена. В 20—30-х гг. XX в. она попала в «Книжницу Кружка ревнителей старины при О[бществе] Гребенщицковское училище», а затем в Книжницу Гребенщицковской общины в Риге.

Шестнадцатое столетие представлено в Рижском Гребенщицковском собрании БАН особенно хорошо. Помимо списка сочинений Максима Грека, датируемого серединой века, к этому же времени относятся: Евангелие апракос (4), Цветная

⁸ Спасо-Елиазаров-Великопустынский-Трех-Святительский монастырь, основанный в 1447 г. пустынноиком Елиазаром (Евфросином) в 30 верстах к северу от Пскова.

⁹ В научном издании сочинений Кирилла Туровского рукопись не учтена. См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, с. 350—352, 359—361; т. XIII, М.—Л., 1957, с. 412—419; т. XV, М.—Л., 1958, с. 336—343.

¹⁰ В научном издании сочинений Климента Охридского рукопись не учтена. См.: Климент Охридски. Събрани съчинения. Том първи. Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов. София, 1970, с. 238—286, 752—774.

триодь (3), Церковный устав (9) и конволют, составленный из двух рукописей, первая из которых содержит Службу и житие Зосимы и Савватия Соловецких (10, л. 1—144), а вторая — Службу и житие Михаила Клопского в Тучковской редакции (10, л. 145—252). Обе части рукописи имеют переплет работы мастеров Соловецкого монастыря с датой на тисненном среднике: «Лета 7160-го сентября 11-го». Все названные рукописи не имеют ранних владельческих записей, которые позволили бы выяснить их происхождение. По предположению Ю. К. Бегунова, Сборник сочинений Максима Грека, также как и «Сложник от святых отец» происходят из Псково-Печерского монастыря.¹¹ В рукописи Церковного устава наблюдается, отмеченная И. Н. Заволоко, мена *ч* на *ц* (*очи-сти* вместо *очисти*), свойственная новгородскому произношению.

В месяцесловах Евангелия апракос и Церковного устава имеется много памятей русским и славянским святым. Особенно интересны приложения в конце Цветной триоди, где среди учительных слов отцов церкви, находится шесть слов Кирила Туровского,¹² а также «Похвальное слово на воскресение Лазарево», приписываемое Клименту Охридскому.¹³

Одной из наиболее ценных рукописей Собрания является «Летописец» в списке конца XVII—начала XVIII в. (5) — единственная рукопись Книжницы исторического содержания. При ближайшем рассмотрении рукопись оказалась довольно полной выборкой русских статей Хронографа редакции 1617 г., включающей Хождение Трифона Коробейникова в Иерусалим. Изложение событий русской истории доведено здесь до 1608 г. и заканчивается описанием восстания под руководством Ивана Болотникова.

Две рукописи XVIII и одна XIX в. являются копиями с печатных изданий XVII—XVIII вв. Это «Уложение» царя Алексея Михайловича начала XVIII в., переписанное с издания 1649 г. (6). В XVIII в. рукопись принадлежала крепостным крестьянам суздальских помещиков Лопухиных. Вторая рукопись «Псалтырь с кратким толкованием» (7) является списком середины XVIII в. с издания Киево-Печерской лавры

¹¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. ..., с. 201—205; его же: Обзор собраний..., с. 175—176.

¹² В научном издании сочинений Кирила Туровского рукопись не учтена. См.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирила Туровского. — ТОДРЛ, т. XI, с. 349—361; т. XIII, с. 409—419; т. XV, с. 336—343.

¹³ В научном издании сочинений Климента Охридского рукопись не учтена. См.: Климент Охридски. Събрани съчинения. Том първи. с. 548—585.

1697 г. Назовем также Житие Василия Нового в списке начала XIX в. (13) с почаевского издания 1794 г.

Характерно, что почти все поздние рукописи Собрания (конца XVII—XX в.) не старообрядческие по своему содержанию и оформлению. Благодаря известности Гребенщиковской общины как русского культурного центра в Прибалтике, сюда жертвовали книги и рукописи люди, зачастую далекие от старообрядчества, как, например, рижский доктор медицины Ю. И. Элиасберг (в 1913 г.) или рядовой Ревельской инвалидной команды Михайла Петера («Цветник» 1837 г., 12). Старообрядческой в собрании является лишь рукопись «Поморских ответов» Андрея Денисова в списке последней четверти XVIII в. (11). Этот объемистый том, написанный на 746 лл. в четверку, не был отмечен в работе В. И. Малышева, хотя последний зафиксировал в Книжнице два других списка поморского письма с миниатюрами автора. Там они хранятся и поныне.

Для истории Рижской Гребенщиковской общины и библиотеки при ней представляет интерес небольшая подборка документов конца XVIII—начала XIX в., связанная с основанием в Риге в 1777 г. старообрядческой богадельни и больницы (15).¹⁴ Подборка содержит краткую историческую справку об основании больницы, записку о ее управлении и письмо руководителей больницы к «христоробцам» с призывом к денежным пожертвованиям.

Древние книги, накопленные за два столетия русским населением Прибалтики и бережно сохраненные в рижской Книжнице, становятся ныне достоянием науки, важным источником для изучения общерусской истории и культуры.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. *Торжественник*. XV в. (нач.), в лист, 400 лл. (лл. 24—271 — XV в.; лл. 272, 289—347 — XVIII в.; лл. 1—23, 271а, 273—288, 348—399 — без текста), полуустав нескольких почерков, два столбца. Заголовки и инициалы киншварные. Переплет — доски в коже с тиснением и двумя застежками.

На лл. 35—44 запись полууставом XV—XVI вв.: *Сия книга Трех святителей чудотворца Ионы архиепископа*; на лл. 231—242 запись скорописью: *Сия книга глаголемая Соборник в десть Трехсвятительского монастыря от Пустыньки казенная письменная*. На внутренней стороне передней крышки переплета запись скорописью: *Сия святая богодуховенная*

¹⁴ Основание Рижской Гребенщиковской общины принято относить к 1760 г., когда Федором Никифоровичем Соманским был освящен в Риге первый старообрядческий храм. Краткую историю Общины см. в кн.: Заволоко И. Н. О старообрядцах города Риги. (Исторический очерк). Рига, Издание Рижского Кружка ревнителей старины при О-ве «Гребенщиковское училище», 1933.

книга *Торжественник двух братьев: Парамон Никифоров, Андрей Никифоров*. На внутренней стороне задней крышки переплета: *Сия книга Ивана Васильева Волохинова ригского мещенина капитальнаго*.

Содержание: Слова и поучения отцов церкви, в том числе два слова Климента Охридского: Похвала Михаилу и Гавриилу (л. 80) и Похвальное слово на Успение Богородицы (л. 246 об.), а также три слова Кирила Туровского: на святую Пасху (л. 298), «слово о обновлении воскресения и о трусе...» (л. 302 об.), «слово на вознесение Господне...» (л. 315 об.). Штампы Рижск. Греб. общины.

2. Пролог сентябрьской половины года, 1-й (краткой) редакции. XV в. (нач.), в лист, 323+IV лл., полуустав, два столбца. Заголовки и инициалы киноарные, листы 2—3 и 5—6 без текста, вставлены при переплете в местах, где находились утерянные листы с текстом. Не имеют текста также лл. I—III от переплета. Переплет — доски в коже с тиснением.

На внутренней стороне передней крышки переплета записи почерками XVII в.: *Сия книга Никитцкого монастыря, Пролог, что за Покровскими воротами и Сия книга глаголемая Пролог, Семейской половины приписана архиерейскаго Никитцкого монастыря с поля, что вверх по Великой реке, а подписал тое книгу тое же церкви поп Борис Андреев сын*. Ниже последняя из приведенных записей повторена с некоторыми изменениями и «подписью» попа «тое же церкви» Григория Андреева сына иконописца (в Пскове). Штампы: «Книжница Кружка ревнители старины при О-ве Гребенчиковское училище» и Рижск. Греб. общины.

3. Триодь цветная с приложениями. XVI в. (серед.), в лист, 310+XCI лл. (пустые от переплета), также без текста лл. 66—67, полуустав нескольких почерков, в два столбца. Заголовки и инициалы киноарные. Переплет — доски в коже с тиснением.

На лл. 274—310 находятся приложения, включающие учительные слова отцов церкви, в том числе «Похвальное слово на воскресение Лазарево» 2-й редакции, принадлежавшее Клименту Охридскому (л. 274 об.), а также слова Кирила Туровского: Второе слово на Пасху (л. 286), Слово на обновление воскресения (л. 289), «Слово о слепце и о зависти жидовской» (л. 304), Слово на вознесение Господне (л. 307 об.), Слово в неделю цветную 6-ю (л. 276), Слово в 3-ю неделю по Пасхе, похвала Иосифу о мироносицах (л. 292 об.). По листам штампы Рижск. Греб. общины.

4. Евангелие апракос полный. XVI в. (серед.), в лист, 256+II лл. (лл. I—II и I—2 без текста), полуустав. В заголовках вязь, киноарь, тонкие киноарные инициалы. Переплет — доски в коже. Штампы Рижск. Греб. общины.

5. Летописец, содержащий русские статьи Хронографа редакции 1617 г. XVII в. (кон.) — XVIII в. (нач.), в лист, 91 л., скоропись нескольких почерков. Киноарные инициалы (с л. 1 до л. 45). Переплет — картон в коже.

На внутренней стороне задней крышки переплета владельческие записи XVIII в.: *Книга Лаврена М. Сидорова называемая и Сия святая богодухновенная книга Федора Никифарава*.

Содержание: лл. 1—26 Легендарная история о происхождении славян, о князьях Словяне и Русе, о грамоте Александра Македонского славянам, о призвании варягов, о хождении апостола Андрея на Русь, рассказы о крещении Руси и о русских князьях; лл. 26—30 Царство Ивана IV (без конца, так как листы утрачены); лл. 30 об.—51 об. Хождение Трифона Коробейникова в Иерусалим; лл. 52—91 Сказания о Смутном времени с 1601 по 1608 гг. (из Хронографа редакции 1617 г., Сказания Авраамия Палицына и Иного сказания). Штампы Рижск. Греб. общины.

6. «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. XVIII в. (нач.), в лист, 334 лл., полуустав одного почерка. Заголовки и начальные буквы киншварные. На лл. 2 и 45 об. чернильные заставки. Переплет — доски в коже с тиснением. Список с издания: Москва, 1649 г. (выходные данные этого издания скопированы на л. 334).

На лл. 1, 1 об., 90 и 334 об. владельческие записи, из которых видно, что в 1730 г. книга принадлежала крестьянину деревни Булкова Суздальского уезда Ермолинского стана Ивану Леонтьевичу Косцову, крепостному Степана Васильевича Лопухина и его наследников. Записи 1763 и 1769 гг. говорят о принадлежности книги Никифору Ивановичу Косцову, сыну прежнего владельца. Затем, видимо, книга была куплена рижскими купцами (запись на л. 1 об.), а в 1913 г. подарена «Старобрядческой молельне при Рижском лепрозории» доктором медицины Ю. И. Элиасбергом. На внутренней стороне задней крышки переплета наклеены столбцы первой четверти XVIII в., содержащие прошение Ивана Афанасьева к царю Петру Алексеевичу о месте подьячего в приказе г. Арзамаса. Штампы Рижск. Греб. общины.

7. Псалтырь с кратким толкованием. XVIII в. (серед.), в лист, 158 лл., скоропись одного почерка, два столбца. Переплет картонный с кожаным корешком. Список с издания 1697 г. Киево-Печерской лавры, при архимандрите Иоасафе Краковском.

На л. 1 запись XIX в.: «Из книг А. Лаврентьева». Штампы Рижск. Греб. общины.

8. Сочинения Максима Грека. XVI в. (серед.), в 4°, 2 нумер. листа + I—VIII лл. + 797 лл. Два полууставных почерка: № 1 — лл. I—VIII, 1—787; № 2 — лл. 787 об.—797 об., этим же почерком сделана правка на ряде листов на полях и в тексте. Кроме того, имеются многочисленные глоссы на полях (комментарии и поправки к тексту), написанные киншварью и чернилами и близкие к почерку автора. Инициалы и заголовки написаны киншварью. Переплет — доски в коже с тиснением и двумя застежками — современный рукописи.

Рукопись представляет (по классификации Н. В. Синецкой) основной вид Иоасафовского собрания сочинений Максима Грека, состоящего из 47 глав. На лл. I—IV находится предисловие к рукописи (пронумерованы 46 глав, фактически названы 47); лл. 1—770 об. — текст глав 1—47; лл. 771—797 об. — дополнительные тексты, содержащие библейские пророчества. Штампы Рижск. Греб. общины.

9. Устав церковный иерусалимский. XVI в. (2-я пол.), в 4°, 358 лл. (лл. 1—8, 52—53 дписаны в XIX в.), полуустав. Заголовки и инициалы киншварные. Без переплета.

Месяцеслов рукописи (на лл. 126—147 — неполный из-за утраты листов) содержит памяти русских и славянских святых. В языке наблюдается мена *ч* на *ц* (*очисти—очисти*). Штампы Рижск. Греб. общины.

10. Службы и жития Зосиме и Савватию Соловецким и Михаилу Клопскому. XVI в. (60-е гг.), в 4°, 252 лл. Конволют: лл. 1—144 — первый почерк, лл. 145—252 — второй почерк, оба полууставные. В заголовках киншварь, вязь. Переплет соловецкого производства — доски в коже с тиснением. На тисненном среднике изображен замо́к и над ним птица под короной и дата: «лета 7160-го сентября 11-го».

На лл. 76 об. — 77 запись XVI в.: *Сия книга Бориса Тиханова сына Мартынова.*

Содержание: Служба (л. 1—35) Зосиме и Савватию Соловецким, без начала и Житие их (л. 36—144) досифеевской редакции с посмертными чудесами, доведенными до 50-х гг. XVI в. (34 чуда). Служба (л. 145—178 об.) и Житие (л. 179—252) Михаилу Клопскому тучковской редакции (1537 г.). Штампы Рижск. Греб. общины.

11. «Поморские ответы». XVIII в. (посл. четв.), в 4°, 746 лл. Скоропись одного почерка. Заголовки киноварные, на полях многочисленные красочные изображения рук с перстосложениями. Лл. 40—41 без текста. Переплет — доски в коже с тиснением и двумя железными застежками. Штампы Рижск. Греб. общины.

12. «Цветник», отрывок. 1837 г., в 4°, 27 лл., полуустав. Текст заключен в чернильную рамку, на л. 2 чернильная заставка с изображением креста и надписью «Ис Хс». Переплет картонный.

На л. 1 об. запись: *Сию книгу избрал из разных церковных книг Ревельскаго Инвалидной команды рядовой Михаил Петера марта 19 дня 1837 года.* Сохранилась старая пагинация (лл. 41—66).

Содержание: два слова из Патерика, второе без конца. Штампы Рижск. Греб. общины.

13. **Житие Василия Нового.** XIX в. (нач.), в 8°, 157 лл., скоропись, лл. 1—8 дописаны в конце XIX в., л. 1 утрачен. Переплет — доски в коже с тиснением.

Содержание: Житие Василия Нового и видение инока Григория во 2-й русской редакции. Список сделан, возможно, с почаевского издания 1794 г. Штампы Рижск. греб. общины.

14. **Святцы.** XX в. (20—30-е гг.), в 8°, 139 лл., поздний полуустав на разлинованных листах записной книжки. Заголовки и инициалы написаны красной тушью. Переплет картонный. Штампы Рижск. Греб. общины.

15. **Три документа** об основании в 1777 г. рижскими старообрядцами больницы и богадельни. XVIII в. (кон.) — XIX в. (нач.), в лист, 5 лл., крупный полуустав. Без переплета.

Содержание: 1) Краткая историческая справка об основании больницы (л. 1—2); 2) Записка о ее управлении (л. 3—4); 3) Письмо к «христолюбцам» с призывом к денежным пожертвованиям, подписанное Семеном Антоновым и «домашним правителем» Михаилом Филатовым (л. 5). Документы входили некогда в более обширный сборник, где были пронумерованы №№ 5, 6 и 10.

М. В. ИСТРИНА

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ В XVIII ВЕКЕ

С первых дней образования Академии наук весьма остро встал вопрос о переводчиках. Приглашенные в Петербург западноевропейские ученые, из которых многие обладали мировой известностью, не знали русского языка, и написанные ими научные работы необходимо было переводить.¹ Эти труды публиковались издательством Академии наук, игравшим (после закрытия в 1727 г. ряда российских государственных типографий) исключительную роль в удовлетворении разносторонних культурных запросов общества. Значение крупнейшего печатного центра академического издательства сохранялось на протяжении всего XVIII в.

Переводная книга сразу же заняла в академическом издательстве видное место. Даже несмотря на появление в Академии русских ученых (с 40-х гг. XVIII в.) и дальнейший рост их числа, несмотря на расцвет отечественной словесности во второй половине столетия, переводные научные исследования, учебные пособия и произведения художественной литературы продолжали составлять значительную долю книжной продукции издательства. Из 1685 книг, выпущенных здесь в XVIII в., 573 были переводными.²

Переводная книга XVIII столетия имела специфические особенности, отличающие ее от современной. Несмотря на имя иностранного автора, стоящее на титульном листе, по

¹ В 1725—1727 гг. на службу в Академию поступили 22 западноевропейских ученых. Среди них были и такие прославленные, как Я. Герман, Х. Гольбах, Л. Эйлер, Н. и Д. Бернулли (см.: История Академии наук СССР. М.—Л., 1947, с. 43).

² Подсчеты сделаны автором по «Сводному каталогу русской книги. гражданской печати XVIII века» (т. 1—5. М., 1962—1967).

существо она была русская.³ Перевод в XVIII в. — «это большей частью исследование, очень часто самостоятельное, определенного источника для утверждения собственных политических, философских, общественных взглядов».⁴ Это находило свое выражение и в критическом характере предисловий и примечаний, в купюрах и «добавлениях», иногда заимствованных из других источников. Такой подход к оригиналу предполагал самостоятельность не только в выборе материала, но и в интерпретации его. Поэтому деятельность переводчиков Академии наук, представляющих первое объединение русских литераторов, в какой-то мере отразила развитие общественно-политической мысли в России.

Работа переводчиков Академии наук была невиданной для того времени в России по своему размаху и по многообразию. Тематика переводных книг требовала, чтобы переводчики имели солидную научную подготовку. М. В. Ломоносов писал: «...К исправному переводу не довольно, чтобы знать оба языка... но должно разуместь и самую материю...».⁵ Вместе с тем он обращал внимание даже на «малые погрешности, которые больше в чистоте штиля состоят».⁶ Литературным достоинствам переводов в Академии придавалось большое значение. Еще в 1734 г. В. Е. Адогуров в отзыве на перевод одной из книг отмечает не только достоинства ее содержания, но и то, что она «в изрядном изображении российской речи не малую пользу принести может».⁷ Насколько высокими были требования, предъявляемые к переводчикам в Академии наук, по сравнению с другими государственными учреждениями, можно судить по протоколу экзамена сотрудника лифляндской коллегии Б. Окулова (1748). М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и Ф. Г. Штрубе де Пирмонт засвидетельствовали хорошее знание им иностранного языка и сочли возможным рекомендовать его для работы в коллегии, специально оповорив, что переводчиком в Академии наук он быть не может, так как не обладает красотой стиля.⁸

³ Впервые на специфику переводной книги XVIII в. в России обратил внимание П. Н. Берков в своей диссертации «М. В. Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936). Под тем же названием диссертация вышла отдельным изданием в изд-ве АН СССР (1936).

⁴ Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. М., 1962, с. 218.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.—Л., 1955, с. 224.

⁶ Там же, с. 400.

⁷ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 2. Спб., 1886, с. 485—486.

⁸ Там же. Т. 9. Спб., 1897, с. 45.

Переводчиков, способных работать в Академии и ее издательстве, найти в России в 20—30-е гг. XVIII в. было нелепо. Поэтому сразу же после учреждения в Петербурге Академии наук были приняты меры к подбору из числа «природных россиян» таких, которые хорошо владели иностранными языками, проявляли склонность и способности к литературному труду и являлись достаточно сведущими в той или иной области знания. В некоторых случаях и сами будущие переводчики предлагали свои услуги. Например, прошение о зачислении его в переводчики подал лекарь медицинской коллегии Михаил Сатаров, хорошо владевший латинским языком. Из Берлина прислал свои переводы чиновник русского посольства Сергей Волчков и т. д. В реестре 1730 г. в качестве переводчиков Академии наук числились И. Ильинский, И. Горлицкий, М. П. Сатаров, В. Е. Адодуров и ученики Илья Петров, Матвей Алексеев. Спустя некоторое время к ним присоединились В. И. Лебедев, И. И. Голубцов, В. К. Третьяковский, К. А. Кондратович, В. Е. Теплов и др.

Значительное число переводчиков Академии были выходцами из Славяно-греко-латинской академии и различных семинарий. В основном переводили с латинского, немецкого и французского языков, меньше с греческого; английского языка вплоть до 80-х гг. XVIII в. почти никто в Академии не знал. Английская литература в большинстве своем переводилась не с оригинала, а с французского или немецкого переводов. Когда в 1738 г. возникла необходимость перевести для Коммерц-коллегии «Правила английские о банкротах»,⁹ единственным человеком, более или менее владевшим английским языком, оказался бывший пастор Михаил Малардов, принятый в Академию наук в 1736 г. Ему и был поручен перевод.

Не только штатные переводчики, но и почти все русские адъюнкты и академики интенсивно занимались переводами учебников и научных работ по избранной ими отрасли наук, а также иногда переводили книги, не имеющие прямого отношения к их специальностям. Например, географу С. П. Крашенинникову читатель XVIII в. был обязан появлением на русском языке книги Квинта Курция об Александре Македонском. Таким образом, перевод иностранных книг был одним из распространеннейших видов деятельности русских ученых того времени. Высокое качество переводов, выполнявшихся в Академии наук, обеспечивалось специализацией переводчиков, каждый из которых использовался обычно для перевода литературы по какой-то определенной области зна-

⁹ Там же. Т. 3. Спб., 1886, с. 604, 608.

ния. Например, К. А. Кондратович занимался переводами трудов по истории и языкознанию, И. С. Барков — переводами исторических книг, В. Е. Адодуров — книг по математике и языкознанию.

Документы Академии позволяют сделать вывод, что такая специализация была не случайным явлением, а проводилась сознательно. И в тех случаях, когда сотруднику Академии наук приходилось поручать перевод книг из незнакомой ему области знания, академическое начальство принимало меры, чтобы установить, посильна ли ему такая задача. Так, например, прежде чем поручить В. К. Третьяковскому перевод книги о конных заводах, ему было дано указание в качестве пробы перевести две главы.¹⁰ Аналогичные указания давались и другим сотрудникам. Для лучшего освоения терминологии, применяемой в мало известной ему области знания, переводчику предлагалось предварительно ознакомиться с русской литературой по близкой тематике. Особенно часто это применялось при подготовке к изданию книг по военному делу и экономике.

Очень мешала успешной деятельности переводчиков недостаточная разработка норм русского литературного языка. Здесь могла бы сыграть решающую роль кафедра русской словесности. Но ее в Академии не решались создать, хотя в 30-х гг. XVIII в. такая задача была уже выполнима. К этому времени в Академии наук имелись хорошие специалисты по русскому языку и литературе: в 1732 г. поступил на службу в Академию В. К. Третьяковский, уже вполне сформировавшийся литератор и филолог, сотрудником Академии был В. Е. Адодуров — талантливый языковед. Но кафедра все же не была открыта, а организованное в 1735 г. Российское собрание вполне обоснованно считалось полумерой.¹¹

Следует сказать, что само Собрание, начавшее официально существовать в 1735 г., имеет, по-видимому, достаточно большую предысторию. В качестве обоснования этого приведем два распоряжения главы Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахера (со ссылкой на указание президента), относящиеся еще к 1728—1729 гг. В первом из них, от 8 июля 1728 г.,¹² говорится, что компендиум, переведенный с французского И. С. Горлицким, был опробован в присутствии всех переводчиков и поему приказывается писцу С. Степанову, практически руководившему в то время типографией, печатать его.

¹⁰ Там же. Т. 2, с. 527.

¹¹ История Академии наук СССР. М.—Л., 1958, с. 121.

¹² Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 1 Спб., 1885, с. 388.

Второе распоряжение от января 1729 г. обращено к составителям-переводчикам лексикона (имеется в виду «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе», выпущенный в свет через 2 года, в 1731 г.). В нем также предлагается участникам этого обширного труда «в собрании всех читать сделанное и обсуждать».¹³ Таким образом, уже в конце 20-х гг. XVIII в. существовала практика обсуждения подготовленных к печати работ на собрании переводчиков. Особенно интересен второй документ: он проливает свет на создание одной из самых ранних наших грамматик, озаглавленной «Первые основания российского языка». Она была составлена В. Е. Адодуровым и вышла в качестве приложения к упомянутому словарю. Совершенно очевидно, что грамматика также была обсуждена собранием переводчиков.

Назову имена участвовавших в этом обсуждении: М. Сатаров, И. Ильинский, И. Горлицкий, М. Шванвиц. За исключением последнего, который, по свидетельству Г. Ф. Миллера, был довольно невежественный человек, все остальные участники являлись квалифицированными специалистами, интересовавшимися вопросами отечественного языкознания. Появившиеся в 1733 г. орфографические правила для типографии, о которых сообщает М. В. Ломоносов, также, вероятно, обсуждались переводчиками.

На открытии Российского собрания в 1735 г. В. К. Тредиаковский предложил широкую программу деятельности новой организации. «Не о едином тут чистом переводе степенных старых и новых авторов идет дело, — говорил он в своей речи, — что едино и само собой колико проливает пота неизвестно... но и о грамматике доброй и исправной, согласной мудрых употреблению, и основанной на оном, в которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности, но и о дикционарии полном и довольном, который в имеющих трудиться вас еще больше силы требует, нежели в баснословном Сизифе... но и о риторике и стихотворной науке, что через меру затрудить вас может».¹⁴

Создание грамматики, риторики и словаря, видимо, служило предметом обсуждения еще задолго до открытия Собрания. Так, Адодуров, как уже говорилось выше, в 1731 г. предпринял попытку написать грамматику. Этой работой он занимался и позднее.

¹³ Там же, с. 439.

¹⁴ Куник А. А. Сб. материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в. Ч. 1. Спб., 1865, с. 10.

В. К. Тредиаковский, подписывая при поступлении в Академию наук обычное для того времени обязательство, наметил круг своих будущих обязанностей и обещал: давать лекции; «вычищать русский язык путем перевода и сложением стихов»; трудиться совокупно над дикционером; «окончить грамматику». ¹⁵ Известно, что В. К. Тредиаковский по возвращении из Франции некоторое время жил в доме В. Е. Адодурова. Есть основания предполагать, что хозяин и гость — те годы наиболее образованные языковеды — обсуждали насущные проблемы отечественной филологии и не могли обойти своим вниманием вопросы разработки норм отечественного языка и теории литературы.

За три с лишним года, прошедшие с момента поступления В. К. Тредиаковского в Академию наук и до открытия Собрания, он, конечно, хорошо ознакомился с деятельностью лучших переводчиков и, видимо, пришел к выводу, что для разрешения поставленных задач нужно объединить усилия. В той же речи, обращаясь с просьбой о включении в состав Собрания новых членов, он имел в виду, прежде всего, переводчиков Академии. Но их так и не привлекли в полной мере к работе Собрания. И. И. Ильинский, И. С. Горлицкий и И. А. Толмачев принимали участие лишь в обсуждении переводов. Вполне обоснованным кажется мне высказанное еще в 1935 г. предположение И. И. Любименко, что неудача Собрания была вызвана прежде всего разногласиями во взглядах на основные задачи его, которые возникли между В. К. Тредиаковским и В. Е. Адодуровым, с одной стороны, и президентом Академии И. А. Корфом — с другой.

«Весьма естественно, — пишет исследователь, — что курляндский барон Корф, просвещенный библиограф-иностранец, больше интересовался снабжением русского общества удовлетворительными переводами иностранных книг, чем решением кардинальных проблем русской словесности, привлеченные же к этому делу русские специалисты имели основание думать иначе». ¹⁶ При этом И. И. Любименко ссылается на письмо В. К. Тредиаковского к Я. Я. Штелину, где поэт пытается вновь поставить вопрос о расширении деятельности Собрания и убедить, что оно создано не только для совершенствования стиля переводов. Можно предполагать, что после неудачной попытки дать нужное направление работе Собрания В. Е. Адодуров и В. К. Тредиаковский охладели к нему.

¹⁵ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. Т. 2. Спб., 1873, с. 213.

¹⁶ Любименко И. И. Об основании Российской Академии. — В кн.: Архив истории науки и техники. Вып. 6. Л., 1935, с. 103.

И все же несколько полезных дел Российским собранием было осуществлено. Два из них известны: 1) поручение сбора материала к словарю русского языка А. И. Богданову, которому в дальнейшем помогали молодые переводчики Академии И. И. Голубцов и В. И. Лебедев; 2) совершенствование русской гражданской азбуки: из так называемой петровской азбуки были исключены устаревшие славянские буквы.

Думается, можно приписать Собранию и еще одно начинание. В 1740 г. на запрос кабинета е. и. в. об В. Е. Адодурове, которого собирались откомандировать в геральдмейстерскую контору, Академия наук, дав высокую оценку способностей своего сотрудника, сообщила, что в настоящее время он занят «приведением к совершенству русского языка, создавая новую российскую грамматику». ¹⁷ Сопоставив это сообщение с программой секретаря собрания В. Третьяковского, а также зная, что создание русского словаря было поручено А. И. Богданову, можно высказать предположение, что составление грамматики русского языка также было предложено определенному лицу. И им скорее всего явился Адодуров, в те годы лучший специалист в области отечественного языкознания, имевший опыт работы над грамматикой.

Любопытен в связи с этим еще один факт, сведения о котором имеются в «Материалах для истории Академии наук» за 1742 г. В это время часть академической типографии (два стана, наборщики и другие типографские рабочие под руководством А. С. Барсова) находилась в Москве, обслуживая двор Елизаветы, приехавший на коронацию. В приказе А. С. Барсову от 30 апреля 1742 г. предлагалось печатать русско-немецкую грамматику под смотрением ассессора В. Е. Адодурова, находящегося также в Москве. Грамматика должна была выйти тиражом 2400 экземпляров. ¹⁸

Скорее всего это и была новая грамматика В. Адодурова, о создании которой упоминается в 1740 г. и которая к 1742 г. могла быть уже готова. Наверное, Академия наук воспользовалась присутствием автора в Москве (он перешел в Геральдмейстерскую контору), а также наличием печатных станков и поспешила отдать соответствующий приказ. Но по неизвестным причинам «Грамматика» не вышла в свет.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что созданию Российского собрания предшествовал достаточно длительный период собирания сил русских переводчиков, чья работа не пропала даром.

¹⁷ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 4. Спб., 1887, с. 408.

¹⁸ Там же, с. 410.

Высоко оценивал деятельность Российского собрания М. В. Ломоносов. В «Предоставлении Президенту Академии наук» от 7 января 1758 г. он писал: «...Для умножения книг российских, чтобы удовлетворить требующих охотников, не достаёт станов, переводчиков, а больше всего, что нет Российского собрания, где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упрямке худые употребления в языке вводят».¹⁹

В «Записке о необходимости преобразования Академии наук» (1758—1759 гг.), в п. 4 плана, или оглавления по департаментам, Ломоносов снова упоминает о «Российском собрании». Если учесть, что все последующие десятилетия XVIII в. отмечены борьбой за право гражданства русского языка во всех областях науки и знания, то становится ясным, что Ломоносов ставил и стремился разрешить в самых широких для того времени рамках одну из актуальнейших проблем книгоиздательства и отводил здесь основную роль Российскому собранию.

В какой-то мере его судьбу повторило Историческое собрание, открывшееся 14 марта 1748 г. и просуществовавшее до 1760 г. В его состав вошли Г. Ф. Миллер, Х. Крузиус, И. Э. Фишер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, Я. Я. Штелин, И. И. Тауберт, И. А. Браун, М. В. Ломоносов. Секретарем до 1751 г. был В. К. Тредиаковский, а затем его сменил И. И. Стафенгаген.

По программе собрание должно было заниматься просмотром исторических трудов, стихов, критической и философской литературы и всего касающегося «до гуманиора, а также делами гимназии и университета». Контроль за деятельностью переводчиков, обсуждение их работ — одна из центральных задач и этой организации Академии наук. Собрание обсудило переводы Тредиаковского, Волчкова, Крашенинникова и др. Большое число отзывов на переводные работы давал как член Исторического собрания М. В. Ломоносов. К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями о работе Собрания в целом. Но его программа, включающая обсуждение филологических трудов и отдельных переводов, говорит о том, что оно призвано было продолжить начатое Российским собранием.

Переводчики Академии наук работали с большой перегрузкой. Помимо выполнения самих переводов им приходилось заниматься чтением корректур, составлением указателей. Много времени отнимала и канцелярская переписка.

¹⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.—Л., 1957, с. 27.

Об огромной работе, которую вынуждены были вести переводчики Академии наук, свидетельствуют отчеты в канцелярию. Сергей Саввич Волчков сообщает (1747 г.), что за три года он выбрал и перевел 1200 страниц экстракта из Савариева коммерческого лексикона (сложнейший материал, требующий большой специальной подготовки), книгу «Истинный Христианин или честный человек», «Описание городов по латинскому алфавиту». Кроме того, Волчков, конечно, переводил текущую канцелярскую переписку.²⁰ А он, видимо, находился в лучшем положении, чем другие переводчики Академии, так как пользовался покровительством Шумахера. Спустя 12 лет В. И. Лебедев перечисляет в рапорте свои занятия в мае — августе 1759 г.: переводил «Ведомости» и объявления для них и ряд статей для «Ежемесячных сочинений», а также разные канцелярские бумаги, закончил работу над «Описанием конного завода» и сделал при этом несколько экстрактов из этой книги.²¹

Но многочисленными обязанностями, о которых говорилось выше, труд переводчиков не исчерпывался. В очень многих сохранившихся материалах, касающихся деятельности издательства, снова встречаются имена переводчиков, привлекавшихся к работе в нем. В текущих делах 1735 г. есть сведения о составлении Указателя к «Уложению Алексея Михайловича». ²² Руководил этой работой и составлял указатель В. Е. Адодуров, справщик С. Степанов занимался проверкой, а его в свою очередь контролировали В. К. Тредиаковский и И. И. Ильинский.

Просмотр выпущенных в издательстве переводов античных авторов показывает, что почти в каждом из них есть предисловие, написанное переводчиком и являющееся, собственно, критическим обзором наиболее важных исследований об авторе и содержащее также оценку самого труда. Включалась в подобное издание и биография автора. В некоторых из них есть указатели. Большую часть научно-справочного аппарата составляли переводчики. Все переводчики, помимо авторской корректуры своих переводов, что предписывалось им 14-м пунктом инструкции по типографии (1760),²³ часто выполняли и обязанности редактора. Так, в рапорте 1760 г. Б. Волков пишет, что много времени у него отнимает корректура, явно имея в виду корректуру не авторскую, которая

²⁰ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 9. Спб., 1897, с. 62.

²¹ ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 236, л. 254.

²² Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 2. Спб., 1886, с. 644.

²³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 4, № 257, л. 260.

входила в обязанности всех переводчиков.²⁴ Антон Барсов также совмещал работу корректора и переводчика. Это подтверждается отчетами А. С. Барсова в канцелярию, в которых он сообщает, что упражнялся в чтении корректур, переводил «Ведомости», канцелярские бумаги и рапорты.²⁵

Несмотря на громадный объем и сложность, оплата труда переводчиков в Академии наук и ее издательстве была очень низкой. В доношении Н. Попова в комиссию говорится, что русские переводчики получают меньше, чем немецкие копиисты.²⁶ Действительно, ставки их были ничтожны. Русские переводчики Академии наук, по ведомости 1730 г., получали в среднем от 96 до 140 рублей в год. Правда, им дополнительно оплачивали квартиру и свечи (наборщики немецкой типографии получали до 180—200 рублей). Со временем положение несколько улучшилось. Но и в последующие десятилетия во многих рапортах переводчики Академии наук справедливо выражали недовольство тем, что их труд оплачивается значительно ниже, чем в государственных коллегиях.

Академия вынуждена была идти на некоторые меры поощрения переводчиков, так как спрос на переводную литературу возрастал. Уже в 1728 г. (12 января) последовало распоряжение Л. Л. Блюментроста о награждении «переводчиков, отличающихся в переводе, кроме окладного жалования». ²⁷ Эта практика поддерживалась и в дальнейшем, распространившись не только на служащих. Так, Кириак Кондратович, служивший в 30-х годах на Урале у Татищева, получил за переводы для Академии наук 300 рублей.²⁸ Есть и другие оплаты переводов, сделанных для академического издательства.

Академия наук также давала объявления (начиная с № 10 «Санктпетербургских ведомостей» за 1748 г.), в которых просила пересылать ей переводы, обещая вознаграждение книгами. П. П. Пекарский сообщает, что к концу XVIII в. уже встречаются «примеры платы переводчикам с печатного листа». ²⁹ Однако названные меры не могли существенно изменить материального положения переводчиков.

²⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, № 236, л. 270—270 об.

²⁵ Там же, л. 259.

²⁶ Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 5. Спб., 1887, с. 460.

²⁷ Там же. Т. 1, с. 345.

²⁸ Там же. Т. 4, с. 131.

²⁹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. Т. 2. Спб., 1873, с. 90.

Переводчиков Академии наук поддерживало сознание важности дела национального просвещения, в котором они участвовали. Понимание значения своего труда звучит во многих предисловиях к переведенным книгам: говоря о целях предпринятой работы, переводчики ссылаются на желание познакомить русского читателя с лучшими произведениями зарубежной литературы, дать стране необходимые учебные пособия по различным областям знания, помочь разумному воспитанию людей. Работа переводчиков Академии наук является собой один из самых ранних примеров эксплуатации умственного труда в дореволюционной России. Вместе с тем деятельность этих скромных российских интеллигентов — высочайший образец многолетнего повседневного подвига во имя просвещения Отечества.

А. А. ЗАЙЦЕВА
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О РУССКИХ КНИЖНЫХ ЛАВКАХ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

О частной книготорговле в С.-Петербурге, и в особенности о первых книжных лавках, заводимых русскими купцами в конце XVIII — начале XIX в., мало известно.¹ Незначительное число работ, посвященных данному вопросу, отличается случайностью и неполнотой сведений, ошибочностью ряда данных. Почти во всех из них использованы воспоминания «старых книгопродавцев» (И. Т. Лисенкова, В. Овсянникова и др.),² как правило, писавшиеся спустя много лет и содержавшие, подобно другим такого характера источникам, много неточностей. Так, начало торговой деятельности В. А. Плавильщикова, И. И. Заикина, братьев Слениных и других во всех работах отнесено к гораздо более позднему времени, чем это было в действительности. До сих пор нет точного представления о том, кем из русских купцов было положено начало торговли в С.-Петербурге и где находились их первые книжные лавки.

Вместе с тем именно в конце XVIII — начале XIX в. начинается быстрое развитие частной русской книготорговли в С.-Петербурге, вырабатываются ее специфические формы и приемы, возникают первые устойчивые, жизнеспособные торговые предприятия. Торговля русской книгой становится выгодным, доходным способом вложения капитала, и русские купцы начинают уже заметно теснить на книжном рынке своих иностранных конкурентов.

¹ Наиболее значительной является работа: Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге. — Русское прошлое. Сб. I. Петроград, б. г., с. 109—120.

² Материалы для истории русской книжной торговли. Спб., 1879.

Подытоживая сдвиги, происшедшие в книжном деле за последние десятилетия XVIII в., историк Н. М. Карамзин писал в 1802 г., что если раньше в Москве было всего 2 книжные лавки, продававшие в год книг на 10 000 рублей, то в начале XIX в. их уже 20, «и все вместе выручают они ежегодно около 200 000 рублей». ³ Аналогичная картина была характерна и для С.-Петербурга, где в конце 70-х гг. еще не имелось частных русских книжных лавок, а в начале XIX в. их уже было около 15.

В отличие от Москвы начало частной книжной торговли в С.-Петербурге было положено иностранцами (книгопродавцами и переплетчиками), которые мало по малу втягивались и в торговлю русскими книгами. Постепенно продажа русских книг от иностранных книготорговцев и государственных учреждений (в первую очередь, книжной лавки Академии наук) перешла в руки русских купцов. Началу этого процесса способствовали культурно-просветительные реформы 80-х гг. и, в немалой степени, издательско-книготорговая деятельность Н. И. Новикова, выпустившего на книжный рынок России тысячи книг.

В конце 80-х гг. почти во всех книжных лавках С.-Петербурга, торговавших русскими книгами, продавались преимущественно новиковские издания — книги Московского университета и Типографической компании. Характерно, что некоторые новые книжные лавки, открытые в эти годы в Петербурге, выступали как «московские» книжные лавки. Н. И. Новиков не только использовал уже имевшиеся книжные лавки в Петербурге (К. В. Миллера, М. К. Овчинникова и др.), но и специально направлял туда купцов для торговли своими изданиями. Возможность освоения нового дела для многих книгопродавцев облегчалась тем, что Новиков снабжал их книгами в кредит на льготных условиях. Так в С.-Петербург в начале 80-х гг. в качестве его комиссионеров попали Т. А. Полежаев, И. П. Глазунов, Н. Н. Кольчугин, В. С. Сопиков и др. Позднее именно из этого круга новиковских «кадров» и вышли книготорговцы-профессионалы, создавшие устойчивые жизнеспособные предприятия, как, например, И. П. Глазунов, или оставившие след в науке, как В. С. Сопиков.

Кто же были эти зачинатели торговли русскими книгами в С.-Петербурге? По сохранившимся ревизским сказкам можно судить о социальном и имущественном положении некоторых из этих купцов, а в отдельных случаях (на основе

³ Вестник Европы, 1802, ч. III, № 9, с. 57.

записей в паспортах) даже и о их наружности.⁴ Для большинства русских купцов торговля книгами в конце 80-х гг. XVIII в. была «промыслом новым», как правило, они еще не имели «недвижимого имения» и вели «книжной торг» в наемных лавках. Все они показывали капитал в 1010 руб., необходимый для вступления в 3-ю гильдию. Разумеется, имущественное положение их не было одинаковым. Уже в эти годы И. Глазунов или Н. Кольчугин были гораздо богаче других. В. Сопиков, служивший ранее приказчиком у Кольчугина, еще продолжал в эти годы выполнять его поручения, братья Заикины находились в услужении у И. Глазунова, а С. Глазунов был приказчиком Т. Полежаева. Многочисленные документы (переписка купцов, деловые бумаги, различные описи и др.) показывают, что почти все они были прамотными, хорошо разбирались в книжной конъюнктуре, знали цену любой книги, продававшейся в Москве или Петербурге, и спрос на нее. В большинстве своем это были выходцы из мещанства или купеческого сословия — молодые, деятельные люди, энергично взявшиеся осваивать новую профессию⁵ (см. табл. 1). К числу владельцев русских книжных лавок условно может быть отнесен и К. В. Миллер, немец, родившийся в России, сын переплетчика из Любека.⁶ И хотя Миллер был записан в «городовой обывательской книге» в 1-ю гильдию в качестве «иностранный гостя» (к концу 80-х гг. он имел каменный дом под № 77 с книжной лавкой в 1-й Адмиралтейской части Петербурга), он преимущественно

⁴ ЛГИА, ф. 781, оп. 2, д. 187, 334, 780, 1080, 1244, 2311 и др. Так, например, о В. С. Сопикове мы узнаем, что он «ростом дву аршин шести вершков волосом светло рус, лицом бел рябоват глаза серые» (д. 334). Данные из паспорта Н. Н. Кольчугина уточняют уже известное описание его внешности: «приметами он Калчугин росту средняго лицом продолговат и рябоват глаза карие волосы на голове и бороде темно-русые» (д. 187). Узнаем мы и как выглядели В. А. Плавильщиков — «росту средняго, лицом продолговат, глаза серые на левой щеке рубец, волосы на голове светлорусые» (д. 1244) — и Т. А. Полежаев — «росту средняго, лицом бел глаза серыя нос продолговат волосы на голове и бороде светлорусыя» (д. 780).

⁵ В литературе сложилось ошибочное представление о том, что Т. А. Полежаев был представителем более старшего поколения. Этому способствовали часто встречающиеся в работах указания на то, что Матвей Глазунов был зятем Т. А. Полежаева или что Т. Полежаев уже около 1770 г. стал комиссионером Новикова (хотя ему в это время было только 12 лет), или что В. Сопиков в юности находился у него в услужении и т. п. А на деле речь шла о сверстниках: М. Глазунов был старше Т. Полежаева лишь на 1 год и был женат на его сестре Степаниде Анисимовне; между Сопиковым и Полежаевым разница в возрасте составляла всего 5 лет.

⁶ ЛГИА, ф. 781, оп. 2, д. 102.

Таблица 1

Книгоголовец	Год записи в купечество, в какую гильдию	Происхождение	Возраст на 1790-й год
Матвей Кондратьев сын Овчинников	середина 80-х гг. XVIII в., в 3-ю гильдию	?	?
Иван Петров сын Глазунов	1785 г., в 3-ю гильдию; конец 90-х гг., во 2-ю	из серпуховских купцов	28 лет
Никита Никифор сын Калачугин	29 ноября 1787 г., в 3-ю гильдию	из московских купцов	37 лет
Василий Степанов сын Сопиков*	28 апреля 1788 г., в 3-ю гильдию	мещанин из города Суздаля	27 лет
Тимофей Анисимов сын Полежаев	27 февраля 1790 г., в 3-ю гильдию, «в иногородние гости»	из московских купцов	32 года
Семен Григорьев сын Глазунов	сентябрь 1791 г., в 3-ю гильдию	из кирсановских купцов	19 лет
Василий Алексеев сын Плавищников	3 августа 1792 г., в 3-ю гильдию	из московских купцов	21 год
Иван Иванов сын Заикин «большей»	10 июня 1795 г., в 3-ю гильдию	из серпуховских купцов	25 лет
Иван Иванов сын Заикин «меньшей»	10 июня 1795 г., в 3-ю гильдию	из серпуховских купцов	15 лет

* Архивные материалы позволяют уточнить дату рождения В. Сопикова — 1763 г. (во всех же справочниках и энциклопедиях годом его рождения указывается 1765 г.).

торговал русскими книгами — изданиями Новикова и книгами, выпускавшимися другими государственными и «вольными» типографиями.

«Вольные» русские книготорговцы, особенно на первых порах, в конце 80-х — начале 90-х гг., были тесно связаны друг с другом, для их отношений было характерно своеобразное цеховое содружество. Часто они выступали с поручительствами друг за друга. Как видно из тех же ревизских сказок, поручителями Т. Полежаева при его записи в купечество были И. Глазунов и М. Овчинников (1790 г.), В. С. Сопикова — они же (1788 г.), С. Глазунова — М. Овчинников «с товарищи» (1791 г.), братьев Зайкиных — Семен и Иван Глазуновы (1795 г.). Когда число русских книжных лавок в С.-Петербурге пополнилось еще одной, которую открыл купец П. Г. Ступин, то поручителями за него, при закупке им книг в лавке Академии наук, выступили хорошо известные академическому начальству купцы И. Глазунов и В. Сопиков (1795).⁷ Основными конкурентами всех владельцев русских книжных лавок были иностранные книготорговцы Петербурга — И. Вейтбрехт, И. Шнор, Г. Клостерман, А. Роспини и др., владевшие к этому времени уже значительными капиталами. Родственные связи купцов также способствовали тому, что они поддерживали друг друга. Так, например, Матвей и Иван Глазуновы были в родстве с Т. Полежаевым, С. Глазуновым, Зайкиными.

Постепенно, по мере укрепления позиций купцов, наметились противоречия и обострилась борьба внутри клана «вольных» русских книгопродавцев. В конце XVIII в. нередко возникают кратковременные торговые объединения и союзы (Глазунова и Полежаева; Полежаева и Овчинникова; Овчинникова и Зотова; Полежаева, Ступина и Зотова и др.),⁸ помогавшие более слабым книготорговцам выстоять в конкурентной борьбе. Наиболее значительной из подобных кратковременных объединений была издательская и книгопродавческая «компания», заключенная в 1802 г. сроком на 3 года Матвеем и Иваном Глазуновыми с их основными конкурентами — московскими книгопродавцами Трофимом Акоховым и Иваном Козыревым.

⁷ ЛО ААН, ф. 3, оп. 6, д. 323, л. 52 об.

⁸ Возможно, что частая смена компаньонов Т. Полежаевым была обусловлена личными свойствами последнего. Так, например, позднее владелец типографии В. И. Окозов писал М. Глазунову, жалуясь на Т. Полежаева: «С ним, видно, порядошного дела и нельзя иметь, а особливо порядошным людям» (РО ГПБ, ф. 188 (Глазуновых), оп. 1, д. 9, л. 6).

По данным статистики, в С.-Петербурге в 1790 г. числилось «граждан именитых 27 (т. е. купцов, капитал которых составлял не менее 10 000 руб. — А. З.), купцов 3560, иностранных гостей 160 душ».⁹ И. Г. Георги в путеводителе по Петербургу 1793-го года сообщал, что в начале 90-х гг. продажа иностранных книг в Петербурге велась в лавках Вейтбрехта, Клостермана, Еверса, братьев Гей, Роспини, Логана, Герстенберга и Миллера, торговавшего преимущественно русскими книгами. «Российскими книгопродавцами» он называл И. Глазунова, Т. Полежаева, В. Сопикова.¹⁰ Однако общее число книгопродавцев (русских и иностранных) было гораздо больше. Если судить по книгопродавческим объявлениям в «С.-Петербургских ведомостях», в Петербурге в начале 90-х гг. постоянно торговало уже около 20 книготорговцев. Причем с начала 90-х гг. все заметнее становится тенденция: к постоянному возрастанию числа русских книжных лавок. Довольно скоро число русских книготорговцев не только становится равным числу иностранных, но и начинает превышать его (в соотношении примерно 13 к 10). Общее же число книжных лавок было еще больше, поскольку, в отличие от иностранных книгопродавцев, русские купцы, как правило, имели не одну, а по 2—3 книжных лавки. (Так, например, Иван Глазунов к концу XVIII в. располагал только в Петербурге сразу 5 книжными лавками). Вряд ли это обстоятельство, как уже отмечал П. Н. Столпянский,¹¹ можно объяснить большим спросом на книги. Все же число книжных лавок, находившихся в распоряжении одного купца, несомненно свидетельствовало о книжных запасах и размахе его торговли.

Существенную роль в успешном ведении книготорговли играло местоположение книжной лавки. Зачастую на основе одного адреса (например, Сенная площадь) можно сделать

⁹ Российский магазин. Ч. 1. Спб., 1792, с. 142.

¹⁰ Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794, с. 430.

¹¹ Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге..., с. 117. По мнению Столпянского, выгоднее было открыть новую книжную лавку, чем снимать складское помещение: «Вместо того, чтобы делать склады, их превращали в магазины, т. е. отделяли незначительную часть помещения для прилавка, ставили одного приказчика и магазин был открыт, являясь, собственно говоря, только складом. ...Понятно, что когда открывался книжный магазин на новом месте, то рядом с этим вновь открываемым магазином другой книгопродавец открывал свой — он надеялся перехватить часть публики, которая если б его магазин не был здесь открыт, пошла бы к его конкуренту» (с. 117).

вывод о том, на запросы какого рода читателя была ориентирована та или иная книжная лавка. Примечательно, что для Петербурга конца XVIII в. было характерно четкое территориальное размежевание русских и иностранных книжных магазинов. Иностранные книгопродавцы, обслуживавшие в первую очередь аристократию, стремились открывать книжные магазины в фешенебельных частях Петербурга — неподалеку от дворца, в районах особняков — на Миллионной и Большой Морской, на Исаакиевской площади, Адмиралтейском и Невском проспектах. Так, магазин «придворного книгопродавца» Антуана Роспини находился на Невском проспекте у Казанского собора, Германа Клостермана — на Исаакиевской площади, Иоганна Вейтбрехта — у Синего моста. Лавки русских купцов, в свою очередь стремившихся утвердиться в центре города, в наиболее посещаемых его местах, были сосредоточены в 3-й Адмиралтейской части — в Гостином дворе и по соседству с ним. Исторически сложившиеся места книготорговли уже не менялись, и только лавки переходили из рук в руки.

Гостиный двор в 90-е гг. XVIII в. представлял, по словам современника, двухъярусное здание, «каковому обширностию в Эвропе нет подобного».¹² В нем было 147 «коренных» лавок, «разумая за одну в низу и в верху и принадлежащие к лавкам окошки». Линия, выходившая на Невский проспект, называлась «суконной» и состояла из 30 лавок, по Садовой улице шла «зеркальная» линия — 15 лавок, ее продолжали «овощная» (45 лавок) и «холщевая» (12 лавок) линии. Замыкала здание, представлявшее неправильный вытянутый четырехугольник, «суровская» («шелковая») линия, состоявшая из 45 лавок и находившаяся на месте современной Перинной линии. Кроме того, ряды лавок тянулись внутри Гостиного двора («железная», или «шпажная», линия), а также между «суровской» линией и находящимся напротив «Гильдейским домом».

Освоение Гостиного двора книгопродавцами в XVIII в. началось не с Невского проспекта, а со стороны Садовой улицы, где тогда проходили «зеркальная» и «овощная» линии. Первым здесь, хотя и на не продолжительное время, «в каменных лавках под № 44» обосновался в 1782 г. книготорговец М. Овчинников.¹³ Спустя два года он завел еще

¹² Российский магазин. Ч. 1, с. 173.

¹³ Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII века М. К. Овчинников. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Т. 24. М., 1972, с. 105.

одну книжную лавку внутри Гостиного двора со стороны Садовой улицы под № 64 — в «железной», или «шпажной», линии.

С середины 80-х гг. здесь постоянно торговали книгами — то «в больших воротах», где вел торговлю сиделец Новикова В. Федотов, то «в бумажных лавках» под № 31 и 32, находившихся почти на углу Садовой улицы и Невского проспекта (см. табл. 2), — но так и не возникло ни одной настоящей книжной лавки. Торговля книгами здесь приобрела более оживленный характер лишь с 1809 г., когда на Садовой улице в лавке под № 37 начали торговать братья Яков и Иван Сленины. И хотя книготорговая и культурно-просветительная деятельность одного из братьев Слениных позднее получила большую известность, начало торговли Слениных (1809—1812 гг.) осталось вне поля зрения исследователей истории книги. Примечательно, что бр. Сленины в эти годы, как видно из дававшихся ими книгопродавческих объявлений, торговали только иностранными книгами, преимущественно французскими. Даже объявления о новой лавке были, как правило, на французском языке. И только после 1812 г. характер их торговли существенно изменился.

Помимо книжных лавок в «зеркальной» и «овощной» линиях имелись «книжные шкафы» и «окошки», в которых также продавались книги.

По примеру иностранных книгопродавцев и русские купцы стремились утвердиться в центре города, на Невском проспекте. Однако, как правило, проходило несколько лет, прежде чем купцу, приехавшему торговать в Петербург, удавалось открыть лавку на Невском проспекте, и тем более в Гостином дворе. Так, например, прошло около пяти лет, прежде чем Иван Глазунов первым сумел обосноваться в лавке под № 15 у центральных ворот по «суконной» линии, тянувшейся вдоль Невского проспекта.¹⁴ Эта лавка скоро стала одним из главных мест его торговли. Здесь он долгие годы торговал сам, здесь помогали ему находившиеся в 90-е гг. у него в услужении братья Заикины — Иван «большой» и Иван «меньшой», а позднее — его сыновья Петр и Илья Глазуновы.

В лавке под № 16, также по «суконной» линии, но с другой стороны ворот, с 1788 г. пытался утвердиться Т. Полежаев, бывший компаньон И. Глазунова, с которым у него к этому времени уже произошел разрыв. В начале 90-х гг.

¹⁴ Существует ошибочное мнение, что «первым книжную торговлю в Гостином Дворе» открыл В. А. Плавильщиков (см., напр., Русский вестник, 1895, № 1, с. 337).

Т. Полежаев торговал в этой лавке со своим новым компаньоном Герасимом Зотовым (иногда ошибочно указывается, что Г. Зотову принадлежала и лавка под № 15), но им не удалось удержать за собой это место, и с 1791 г. лавка под № 16 перешла в руки В. С. Сопикова. Уже вскоре эта лавка на Невском проспекте и для Сопикова становится главной. С 1791 г. он открывает при ней «библиотеку для чтения». И хотя Сопикову нелегко было конкурировать с богатыми книготорговцами (каким к этому времени стал, например, И. Глазунов), лавка под № 16 принадлежала ему до августа 1803 г.¹⁵ К этому времени научные интересы уже начали превалировать в его деятельности, он уже вел работу над «Опытом российской библиографии», и лавка с «библиотекой для чтения» были проданы В. Сопиковым для того, чтобы иметь возможность опубликовать свой труд. От Сопикова лавка под № 16 перешла к Ф. Свешникову, выбившемуся к началу XIX в. в число богатейших русских книготорговцев. Позднее, в 1810 г., Свешников сумел приобрести и лавку под № 14 по «суконной» линии к немалой досаде своего основного конкурента И. Глазунова, также претендовавшего на нее и оставшегося крайне недовольным подобным соседством.

В начале 90-х гг. непродолжительное время в лавках под № 11 и 12 по «суконной» линии вел торговлю книгами и Матвей Овчинников.

Таким образом, в Гостином дворе со стороны Невского проспекта в конце XVIII — начале XIX в. имели книжные лавки все наиболее крупные русские петербургские книгопродавцы — Иван Глазунов, М. Овчинников, Федор Свешников и Василий Сопиков. Из 30 лавок, находившихся на «суконной» линии, не менее 3—4 постоянно были заняты под книготорговлю. Все они были расположены рядом и создавали своеобразный «книжный» ряд в центре «суконной» линии.

Гораздо менее популярными у книготорговцев были «суровская» и «галантерейная» линии Гостиного двора. Здесь не было ни одной книжной лавки, в которой литература продавалась бы постоянно, в течение нескольких лет. Торговля тут велась эпизодически, в разных местах, достаточно случайными лицами, не сыгравшими сколько-нибудь заметной роли в книготорговле.

¹⁵ Возможно, что и позднее В. Сопиков еще некоторое время торговал книгами: упоминание о его лавке встречается в 1809 г. (см.: Вестник Европы, 1809, № 21, ч. 48, с. 80).

С годами, по мере того как разрастался Гостиный двор, возникали все новые книжные лавки. Так, в 1794 г. еще одна лавка была открыта в «ямщиковом», или «шорном», ряду, находившемся напротив здания Ассигнационного банка (приблизительно на месте современной Ломоносовской линии). Недолгое время в ней торговал Т. Синичкин, а с 1802 г., по-видимому, эта лавка стала «комиссионной», т. е. в ней начали продаваться преимущественно издания Комиссии об учреждении училищ (см. табл. 2).

В конце XVIII в. к Гостиному двору относили и «нирленбургскую» линию, находившуюся почти напротив на Невском проспекте. Уже с конца 80-х гг. там была книжная лавка (а может быть, и не одна), о которой время от времени давались объявления в «С.-Петербургских ведомостях». С 1793 г. на Невском проспекте, «в преждебывшей нирленбургской линии», в доме Католической церкви начала постоянно действовать «вновь открытая» книжная лавка под № 5, принадлежащая книготорговцу и издателю И. Сытину. Он торговал в ней почти целое десятилетие, и только в 1802 г. эта лавка перешла к московскому купцу М. Попову и превратилась в петербургский филиал торгово-издательского предприятия Поповых.

На «нирленбургской» линии попытались утвердиться и Глазуновы. Так, в 1794 г. в доме Католической церкви, в лавке под № 3 некоторое время продавал книги Семен Глазунов. Но вскоре она на долгое время перешла к Ф. Свешникову, начавшему с торговли в ней собственное самостоятельное дело (см. табл. 2).

Как часть Гостиного двора в конце XVIII — начале XIX в. рассматривались и лавки в доме купца Шарова, находившиеся напротив «суровской» линии. Здесь также, еще с середины 80-х гг., имелась книжная лавка. Именно сюда в начале 90-х гг. был отнесен с Садовой улицы и из Гостиного двора — более выгодных мест книготорговли — М. Овчинников (в момент, когда он начал испытывать затруднения в делах), а позднее здесь, «в среднем этаже во 2-ой от входу лавке» вел торговлю С. Гнутов, являвшийся, по-видимому, его приказчиком или даже подставным лицом (см. табл. 2).

В начале 90-х гг. некоторыми книготорговцами (в частности, Т. Полежаевым) была сделана попытка открыть книжные лавки по соседству с Гостиным двором — в доме купца Милютина на Невском проспекте (см. табл. 2). Однако осесть дом Милютина купцам-книготорговцам так и не удалось, и здесь обосновались продавцы галантерейных и кондитерских товаров.

Другим столь же важным местом книготорговли русских купцов, как Гостиный двор, стал так называемый «Аничков дом», находившийся на Садовой улице неподалеку от Невского проспекта.¹⁶ Местонахождение этого дома почти на углу Садовой и Невского проспекта было выгодным для книготорговли, и поэтому каждый из русских купцов стремился открыть там лавку. Таким образом, история «заселения» этого дома является своеобразным отражением развития книготоргового дела в С.-Петербурге конца XVIII — начала XIX в.

Первым, еще в 1783 г., книжную лавку под № 22 в «Аничковом доме» открыл М. Овчинников и торговал в ней около 10 лет до начала 90-х гг. Уже в следующем 1784 г. он открыл лавку под № 20, а с 1785 г. в его руки перешла и соседняя лавка под № 21, в которой ранее торговал купец Ф. Антамонов. Все это свидетельствовало о несомненном успехе торговых дел М. Овчинникова.¹⁷ Особенно примечателен тот факт, что некоторое время Овчинников торговал в лавке под № 21. Она была известна в С.-Петербурге как «московская» книжная лавка, поскольку в ней продавались преимущественно издания Новикова. И то, что Овчинников торговал в ней около двух лет, в 1785—1786 гг., позволяет предположить, что он был комиссионером Новикова, во всяком случае является доказательством его непосредственных связей с Новиковым. Характерно, что и позднее в этой лавке велась торговля «московскими» книгами, хотя ее владельцы часто менялись (в ней торговали С. Бучин, Н. Кольчугин, С. Глазунов), пока она, наконец, не перешла в руки И. Глазунова.

С середины 80-х гг., когда книгопродавец и издатель М. Овчинников начал испытывать трудности и был близок к разорению, его лавки одна за другой начали переходить к его более удачливым конкурентам — И. Глазунову, Т. Полежаеву, Г. Зотову. Так, лавка под № 20 перешла к И. Глазунову в 1786 г., к этому времени уже начавшему утверждаться на книготорговом поприще и сразу потеснившему всех других книгопродавцев. Эту лавку Глазунов удерживал за собой

¹⁶ Первоначально этот дом относился к строениям Аничкова дворца, затем стал собственностью Потемкина, после его смерти был передан в казну, через некоторое время куплен купцом Никитой Шемякиным, а после него приобретен Кабинетом. Позднее дом отошел к Публичной библиотеке. В книгопродавческих объявлениях он фигурировал то как «Аничков», то как «Потемкинский», то как «Шемякин» или «Кабинетский» дом, хотя в каждом случае речь шла об одном и том же строении.

¹⁷ См.: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников..., с. 105.

до 1794 г. С 1787 г. Глазунову удалось занять и лавку под № 21, а в самом конце XVIII в. — лавку под № 22, которые на долгие годы, наряду с лавкой под № 15 в Гостином дворе, стали для И. П. Глазунова и его наследников основными местами торговли в С.-Петербурге. По семейному преданию Глазуновых, именно сюда, в «Аничков дом», в лавку под № 21, зашел как-то в красном плаще Г. А. Потемкин и предложил И. Глазунову продать ему сразу все книги в лавке, но пока молодой купец растерявшись молчал, каприз всеильного вельможи прошел, и Потемкин вышел из лавки.¹⁸ В 1800 г. Глазунов, все расширяя свое дело, открыл в «Аничковом доме» еще одну лавку под № 18, которую ему удалось снять после смерти книгопродавца Г. Зотова.

Характерно, что, как только дела М. Овчинникова несколько поправились, он вновь попытался закрепиться на старом месте, в Аничковом доме. Так, в 1795 г. он некоторое время торговал там в лавке под № 16, а затем на целое пятилетие, до самой смерти, обосновался в лавке под № 19, перешедшей к нему от В. Сопикова.

Помимо М. Овчинникова и И. Глазунова лавки в Аничковом доме в конце XVIII в. имели В. Сопиков, Г. Зотов, Т. Полежаев (см. табл. 2). В. Сопиков удерживал за собой лавку под № 19 в течение 5 лет (с 1789 по 1794 г.). Т. Полежаев и Г. Зотов, состоявшие в компании с начала 90-х гг., в это время торговали в лавке под № 22 (ранее принадлежавшей Овчинникову), а затем открыли еще одну лавку под № 18, которая принадлежала им почти до конца XVIII в., когда со смертью Г. Зотова распалось их товарищество.

Примечательно, что каждый из русских купцов, вступавших на поприще книготорговли, стремился во что бы то ни стало приобрести лавку в Аничковом доме.¹⁹ Так, например, новое лицо в книготорговле конца 90-х гг. — Петр Ступин по примеру предшественников также завел себе там лавку. С 1798 г. (а возможно, и раньше, поскольку неизвестно, кому принадлежала лавка под № 20 в 1795—1798 гг.) в его руки

¹⁸ Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. Спб., 1903, с. 6.

¹⁹ Книжные лавки в Аничковом доме не были собственностью купцов, а лишь сдавались в наем на определенный срок. См., например, объявление в «С.-Петербургских ведомостях» (1802, № 11, с. 243), в котором говорилось, что желающие снять на новый срок лавки 18, 19, 20, 21, 22 и 23 должны явиться в канцелярию гр. Строганова. Лавки в Аничковом доме помещались в отдельном флигеле и, судя по книгопродавческим объявлениям, находились на первом, а не на втором этаже, как, например, ошибочно сообщает П. Н. Столпянский (см.: Столпянский П. Н. Книга в старом Петербурге..., с. 117).

перешла лавка под № 20, в которой ранее, до середины 1794 г., торговал И. Глазунов. А в 1803 г. П. Ступин открыл в Аничковом доме еще одну лавку — под № 17. Точно так же и И. Заикин «большей», приказчик Глазунова, стоило ему выделиться и начать самостоятельно торговать, прежде всего открыл лавку в Аничковом доме по соседству со своим бывшим хозяином. И. Заикину удалось снять лавку под № 19, принадлежавшую до этого М. Овчинникову. В том же 1800 г. Заикины открыли там же еще одну новую лавку (под № 23). Обе они стали опорными в быстро разраставшемся книготорговом предприятии Заиких. Позиция братьев еще более укрепилась после того, как, войдя в товарищество с Ф. Свешниковым в 1807 г., они совместно сняли и лавку под № 17, в которой ранее торговал П. Ступин.

Таким образом, менее чем за два десятилетия две первые лавки (под № 20 и 22) обросли другими, пока в Аничковом доме не возник своеобразный книжный ряд из 8 лавок (с № 16 по 23). На долгое время Аничков дом стал излюбленным местом книготорговли русских купцов, и только владельцы лавок менялись время от времени. Когда все возможности дальнейшего расширения книжного «ряда» в Аничковом доме были исчерпаны, книготорговцы начали снимать помещения в соседних домах. Так, в конце первого десятилетия XIX в. рядом с Публичной библиотекой, «не доходя прежних книжных лавок», был выстроен дом флигель-адъютанта Балабина. Вскоре и в этом доме одна за другой начали открываться книжные лавки, составившие единый книжный ряд вместе с лавками в Аничковом доме. Первыми в доме Балабина в 1811 г. книжную лавку (под № 25) завели бр. Глазуновы. Вслед за ними поспешили открыть лавку (под № 26) и бр. Заикины. Там же в 1812 г. была открыта книжная лавка (под № 28) владельцем типографии В. А. Плавильщиковым (см. табл. 2).

Точно так же и с другой стороны Аничкова дома по Садовой улице возникали новые книжные лавки. Так, в начале XIX в. в период с 1804 по 1812 г. было открыто 4 книжных магазина в доме, принадлежавшем гр. Воронцову, а позднее — Пажескому корпусу. Первым книжную лавку (под № 3) открыл там в 1803 г. И. В. Попов. Это был филиал все разраставшегося московского предприятия Поповых. В 1809 г. Поповы еще расширили петербургскую торговлю, открыв рядом лавку под № 4. В лавке под № 2 с 1804 г. торговал Ф. Свешников, а с 1811 г. в доме гр. Воронцова появилась и лавка под № 1, принадлежавшая купцу М. И. Староверову (см. табл. 2).

Книжные лавки имелись по всей Садовой улице, включая Сенную площадь. С конца XVIII в. книготорговцы попытались освоить и Апраксин двор. Специфической особенностью торговли в этом месте было то, что уже с конца 80-х гг. Апраксин двор с находившимся рядом Толкучим рынком стал центром букинистической торговли в Петербурге. Первоначально здесь торговали книгами «на рокоже» и «в развал»; деревянные лавки-будки стали строиться позднее. Однако постоянные лавки были в Апраксином дворе уже в конце XVIII в. (гораздо раньше, чем принято считать). Так, например, с 1796 г. в «Апраксиных лавках под № 8» торговал Изот Агафонов; позднее, там же — купец Ермошин. А в 1809 г. сразу две книжные лавки (под № 14 и 17) в «Апраксином доме» имел купец Ухтин, получивший большую известность в первой половине XIX в. как продавец антикварной и букинистической книги.

Сравнительно рано появились книжные лавки и на Сенной площади. Так, в 1784 г. здесь «во втором доме над железными лавками» торговал книгами М. Овчинников.²⁰ В конце 90-х гг. «возле церкви Успения в доме г. Яковлева» имел книжную лавку Изот Антюков (см. табл. 2).

Таким образом, Гостиный двор, часть Невского проспекта напротив, по солнечной стороне, до Казанского собора, Садовая улица с Сенной площадью и были в конце XVIII — начале XIX в. основным местом книжной торговли русских купцов в С.-Петербурге. Эпизодически возникавшие в других частях петербургского центра книжные лавки, как правило, существовали непродолжительное время. Недолго торговал, например, М. Мошков, открывший в 1797 г. книжный магазин на Б. Морской, или, например, комиссионер Трофимов, обосновавшийся в 1809 г. на Фонтанке, и другие (см. табл. 2). Эта тяга к книготорговому центру хорошо просматривается на примере карьеры Слениных, первоначально продававших книги в магазине, находившемся «близ Семеновского мосту в Гороховой улице... в доме под № 114», но довольно быстро, в том же 1809 г., перебравшихся в Гостиный двор, в «зеркальную» линию.

Островное расположение Петербурга, разобщенность отдельных частей города, особенно усиливавшаяся в весеннюю и осеннюю непогоду, приводили к созданию книготорговых центров на Васильевском острове, в Петербургской части, в Коломне и других местах.

²⁰ См.: Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников..., с. 105.

Особенно это было характерно для Васильевского острова, где находилась Академия наук и целый ряд других научных и учебных учреждений, типографий, где жили ученые, разночинная интеллигенция, т. е. люди, так или иначе заинтересованные в книге. Не случайно здесь, еще с середины 80-х гг. XVIII в. «в Гостином дворе» на 6-й линии (в Андреевском рынке) уже имелась книжная лавка. Некоторое время там в лавке под № 9 торговал Петр Попов. Книжная торговля велась в Андреевском рынке до 1796 г., когда он сгорел. Книгами собственного издания регулярно торговал в 1785—1792 гг. на Большом проспекте на углу 4-й линии в доме под № 189 и владелец типографии Емельян Кириллович Вильковский. Почти в течение десятилетия продавались книги, преимущественно исторического и философского содержания, и на 14-й линии в доме под № 589 коллежского асессора Мальгина, а с 1800 г. и в доме под № 613.

Кроме того, с начала 90-х гг. на В. о. неподалеку от Тучкова моста, в доме под № 271 (рядом с домом Академии наук) продавал книги Ф. Зайцев, торговавший одновременно и на бирже в центре города. В начале XIX в. появилась первая книжная лавка и в наиболее удаленной части Васильевского острова — Галерной гавани, где преимущественно жили мастеровые.

На Петербургской стороне первые постоянные книжные лавки появились лишь в начале XIX в. Так, в 1806 г. велась торговля книгами на Сытном рынке в лавках купца Шапошникова, а также в Колтовской улице. В течение ряда лет (с 1807 по 1809 гг.) в Малой Офицерской под № 190 близ Владимирской церкви торговал книгами Т. Устинов.

В других частях города (а в конце XVIII — начале XIX в. по территориальному делению их было 10) постоянных книжных лавок в этот период не было.

Конец XVIII — начало XIX в. — это период, когда возникла и начала быстро развиваться частная русская книготорговля. И хотя и в эти годы продажа русских книг в С.-Петербурге одновременно велась переплетчиками, издавна бывшими распространителями скапливавшихся у них книг, издателями, авторами и другими лицами, она уже не имела большого значения. С конца XVIII в. книготорговля переходит в руки специально занимающихся ею купцов, и в это же время определяются постоянные места, «центры», где она производится. Исторически сложившись, они затем существовали в течение долгих лет. Так, в середине XIX в. в «С.-Петербургских ведомостях» подчеркивалось: «Наши книгопродавцы чрезвычайно постоянны: кто где сел однажды, того

выживет разве перестройка дома или какой-нибудь неприятный случай; по доброй воле Русские книги редко меняют место». ²¹ Вместе с тем, для конца XVIII в. было характерно не только быстрое, чисто количественное разрастание русских книжных лавок. Важно, что с середины 90-х гг. русские купцы становятся полноправными партнерами господствовавших ранее на книжном рынке иностранных книготорговцев.

²¹ С.-Петербургские ведомости, 1848, № 112, 20 мая, с. 446.

РУССКИЕ КНИЖНЫЕ ЛАВКИ „ВОЛЬНЫХ“ КНИГОТОРГОВЦЕВ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ
 КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX в.*

Книготорговец	Годы	Местоположение лавки	Книжный ассортимент	Источник сведений — объявления в «С.-Петербургских ведомостях» (в табл. «С.-Пб. в.»)
Матвей Кондратьевич Овчинников (ум. 1800 г.)	1782 1783—1791	«В Гостином Дворе в Каменных лавках под № 44» «Лавка под № 22 в доме купца Шемякина»	книги всех петербургских и московских типографий	«С.-Пб. в.», 1782, № 42, 27 мая, б/с «С.-Пб. в.», 1783, № 69, 29 авг., б/с
Иван Еремеев (приказчик М. К. Овчинникова 1784—1787 гг.)	1784—1787	«Внутри Гостиного Двора в «железной» линии под № 64»		«С.-Пб. в.», 1784, № 65, 13 авг., с. 614
Петр Кузовлев (приказчик М. К. Овчинникова, в конце 80-х гг. торговал в лавке под № 22)	1784—1786 1784—1787	«Против Гостиного Двора в лавке под № 20» «На Селг:ой от Гороховой улицы к рынку во втором доме над железными лавками под № 94»		«С.-Пб. в.», 1784, № 71, 3 сент., с. 672 «С.-Пб. в.», 1784, № 84, 18 окт., с. 802
Т. А. Полежаев—компаньон М. К. Овчинникова в конце 80-х по 1790 г.	1785—1786 1786—1787—?	«Против Гостиного Двора в доме Шемякина под № 21» «Против Гостиного Двора суровской линии в доме купца Шарова под № 9»	книги типографий Московского университета	«С.-Пб. в.», 1785, № 38, 13 мая, с. 392 «С.-Пб. в.», 1786, № 98, 8 дек. с. 1239
	1794—1795	«Насупротив Гостиного Двора суронской линии против ворот в доме Шарова»	старообрядческие книги	«С.-Пб. в.», 1794, № 12, 10 февр., с. 246 (анонимное объявление) «С.-Пб. в.», 1794, № 73, 12 сент., с. 1680 (от имени М. К. Овчинникова)

1	2	3	4	5
Г. Зотов — компаньон М. К. Овчинникова в 1790 г.	1787—? 1791 1791—? 1795 1795—1800	«Лавка под № 23 в доме купца Шемякина» «В Гостином Дворе в суточной линии под № 11» «В Гостином Дворе в суточной линии под № 12» «В Аничковом доме в лавке под № 16»** «В Аничковом доме в лавке под № 19»	книги и ноты «промениваются старые книги весьма выгодно»	«С.-Пб. в.», 1787, № 79, 12 окт., с. 1072 «С.-Пб. в.», 1791, № 41, 23 мая, с. 757 «С.-Пб. в.», 1791, № 64, 12 авг., с. 1291 «С.-Пб. в.», 1795, № 43, 29 мая, с. 922 «С.-Пб. в.», 1795, № 65, 14 авг., с. 1426 (анонимное объявление) «С.-Пб. в.», 1799, № 88, 4 ноября, с. 2224 (от имени М. К. Овчинникова)
Иван Петрович Глазунов Тимофей Анисимович Полежаев	1783—1812***— и позднее 1783 1786—?	«На бирже в книжном шкапу...»** «На Невской перспективе против Гостиного Двора суточной линии под аптекой под № 9»***	книги московских типографий	«С.-Пб. в.», 1783, № 28, 7 апр., б/с. «С.-Пб. в.», 1786, № 1, 2 янв., с. 8
И. П. Глазунов — компаньон Т. А. Полежаева в 1783—1787 гг.	1789—? 1789—?	«В Гостином Дворе суточной линии под № 15» «В Гостином Дворе суточной линии под № 16»		«С.-Пб. в.», 1789, № 22, 16 марта, с. 325 «С.-Пб. в.», 1789, № 45, 5 июня, с. 696
Г. Зотов — компаньон Т. А. Полежаева в 1790—1799 гг.	1790—1798	«Под Аничковым домом против Гостиного Двора под № 22»		«С.-Пб. в.», 1790, № 73, 10 сент., с. 1185

1	2	3	4	5
	1790—1792	«В Гостином Дворе су- конной линии в книжной лавке под № 9»	книги московс- ких и петербургс- ких типографий,	«С.-Пб. в.», 1790, № 93, 19 ноября, с. 1514
Федор Антамонов	1794—1800	«Против Гостиного Двора зеркальной линии в книж- ной лавке под № 18»	медицинские кни- ги на латыни и не- мецк. яз.	«С.-Пб. в.», 1794, № 85, 24 окт., с. 1983
Петр Попов	1784—1785	«Против Гостиного Дво- ра в доме Шемакина под № 21»	книги типогра- фии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1784, № 53, 2 июля, с. 490
Василий Федотов	1785—1786	«На Васильевском Остро- ву в Гостином Дворе в лавке под № 6»	книги типогра- фии Московского ун-та, АН и др.	«С.-Пб. в.», 1785, № 19, 7 марта, с. 184
?	1785	«Насупротив бывшего Кан- цлерского дому в Гостином Дворе в больших воротах»	книги типогра- фии Московского ун-та, АН и др.	«С.-Пб. в.», 1785, № 49, 20 июня, с. 509
?	1786—?	«В Гостином Дворе в га- лантерейной линии в лавке под № 1»		«С.-Пб. в.», 1786, № 7, 23 янв., с. 77
Григорий Халдаров	1786—1788	«В Гостином Дворе по Ниренбергской линии под № 10»		«С.-Пб. в.», 1786, № 7, 23 янв., с. 77
колл. ассес. Мальгин	1786—1789	«На Невском проспекте на дворе Армянской церкви (в доме под № 761)»	книги собствен- ной типографии	«С.-Пб. в.», 1786, № 56, 14 июля, с. 1255
?	1786—1794	«На Васильевском Остро- ву в 14 линии между Боль- шим и Малым проспектом в доме под № 589»		«С.-Пб. в.», 1786, № 71, 4 сент., с. 870
?	1786	«У Каменного мосту в до- ме г. Ординарцова в книж- ной лавке»		«С.-Пб. в.», 1786, № 95, 27 ноября, с. 1202

1	2	3	4	5
?	1786	«В малой Коломне в доме г. поручика Петра Демидова под № 372»	редкие церковные книги	«С.-Пб. в.», 1786, № 38, 12 мая, с. 447
Емельян Кириллович Вильковский	1787 (возможно и раньше) — 1792	«На Васильевском Острове по Большому проспекту в 4-й линии (в доме под № 189)»	книги собственности типографии	«С.-Пб. в.», 1787, № 4, 12 янв., с. 45—46
Алексей Ирошников	1787	«На углу Апраксина переулка по Садовому проспекту в доме купца Ильина в овощной лавке под № 2»	книги типографии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1787, № 32, 20 апр., с. 425
Степан Бучин (приказчик И. П. Глазунова ?)	1787	«Против Гостиного Двора зеркальной линии в новозаведенной книжной лавке под № 21»	книги типографии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1787, № 41, 21 мая, с. 543
?	1788	«В Гостином Дворе против Анничкова дому на углу подле суконной линии в бумажной лавке под № 32»		«С.-Пб. в.», 1788, № 1, 4 янв., с. 8
Никита Кольчугин	1788—1789	«В московской книжной лавке в Анничковом доме под № 21»	книги типографии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1788, № 4, 14 янв., с. 43
Петр Попов	1788	«На Васильевском острове на Андреевском рынке в суровой линии под № 9»	книги с китайского и другие	«С.-Пб. в.», 1788, № 11, 8 февр. с. 140
Алексей и Александр	1788	«В Московской части по Невской перспективе в доме купца Зайцева подле вшивой биржи 1-го 2-м доме под № 69 против дому князя Трубецкого»		«С.-Пб. в.», 1788, № 21, 14 марта, с. 268

1	2	3	4	5
Василий Сопиков	1788—1789 1789—1795 1791—1803(?)	«Против Гостиного Двора подле аптеки в доме Винкера» «Против зеркальной линии в Аничковом доме под № 19 в новозаведенной книжной лавке» «В суконной линии Гостиного Двора выходя из ворот на правой руке под № 16»	книги типографии Московского ун-та книги на франц. и др. яз., книги петербургских типографий, редкие старинные книги	«С.-Пб. в.», 1788, № 36, 5 мая, с. 488 «С.Пб. в.», 1789, № 16, 23 февр., с. 232 «С.-Пб. в.», 1797, № 12, 11 февр., с. 192
Меркулов	1788 (возможно, и раньше) 1803	?		«С.-Пб. в.», 1788, № 87, 31 окт., с. 1271
Семен Меркулов (тогда же?)	1789—1790	«На Невском проспекте у переплетчика Семена Меркулова близ Аничкова моста в зеленом деревянном доме с крыльцом»	лексиконы, словари, книги типографии губернского правления	«С.-Пб. в.», 1803, № 77, 25 сент., с. 2537
Семен Глазунов	1789—1790 1793—1795	«По Невской перспективе в Гостином Дворе в суконной линии под № 15» «В новозаведенной книжной лавке... по Невской перспективе под № 3» «В Аничковом доме под № 21»	книги на китайском яз.	«С.-Пб. в.», 1789, № 9, 30 янв., с. 120 «С.-Пб. в.», 1793, № 80, 7 окт., с. 1920
Иван Иванович Заикин («большой») приказчик И. П. Глазунова до 1798 г.	1789—1812 (и позднее)			«С.-Пб. в.», 1789, № 19, 6 марта, с. 280

1	2	3	4	5
Братья Заикины	1800—1811?	«В книжных лавках против Гостиного Двора зеркальной линии под № 19 и 23»	книги всех московских и петербургских типографий	«С.-Пб. в.», 1800, № 39, 15 мая, с. 1541
Иван Иванович Заикин («меньшей») Николай Мошаков (Мошанов)	1811—1812 (и позднее) 1801—нач. XIX в. 1789—1796	«В открытой вновь книжной лавке под № 26 в нововыстроенном доме подковника Балабина» «В суконной линии Гостиного Двора под № 15» «Во 2-ой Адмиралтейской части у Каченного мосту в доме Якова Жадимерского в книжной лавке под № 25»	редкие церковные книги	«С.-Пб. в.», 1811, № 81, 10 окт., с. 1203
?	1789	«В немазанном доме купца Милютина под № 821»	книги на франц. яз. и др.	«С.-Пб. в.», 1801, № 16, 19 февр., с. 583
Герасим Зотов (ум. в 1800 г.)	1790	«В Гостином Дворе в суконной линии под № 16»	продажа по коммиссии церковных книг	«С.-Пб. в.», 1789, № 49, 19 июня, с. 771 «С.-Пб. в.», 1790, № 3, 8 янв., с. 36
М. К. Овчинников — компаньон Г. Зотова в 1790 г.	1790—1798	«Против зеркальной линии в книжной лавке под № 22»		«С.-Пб. в.», 1791, № 34, 29 апр., с. 615—616
Т. А. Полежаев — компаньон Г. Зотова в 1790—1799 г.	1790—1794 1794—1800	«В Гостином Дворе суконной линии в книжной лавке под № 9» «Против Гостиного Двора зеркальной линии в книжной лавке под № 18»	книги всех петербургских и московских типографий	«С.-Пб. в.», 1790, № 93, 19 ноября, с. 1514 «С.-Пб. в.», 1794, № 85, 24 окт., с. 1983
Петр Иванович Богданович	1790—1792	«По Невскому проспекту у Аничковского мосту в доме камер-юнкера Д. А. Зубова»	рукописи, редкие книги, издания собственной типографии	«С.-Пб. в.», 1790, № 73, 10 сент., с. 1185

1	2	3	4	5
?	1791—1793?	«На бирже в книжной лавке»		«С.-Пб. в.», 1791, № 41, 23 мая, с. 757
Василий Алексеевич Плавильщиков	1792—1796	«В типографии Крылова с товарищи... в И. И. Бецкого доме»	пьесы, оперы и др. издания типографии	«С.-Пб. в.», 1792, № 20, 9 марта, с. 363 (без фамилии Плавильщикова), № 93, 14 ноября, с. 1816 (с фамилией)
Степан Гнутов (приказчик М. К. Овчинникова?)	1812 и позднее 1792—1793	«в доме полковника Балашина подле Императорской Библиотеки под № 28» «Насупротив Гостиного Двора суровской линии против ворот в доме купца Шарова» «в среднем этаже во 2-ой от входу лавке»	книги собственной типографии	«С.-Пб. в.», 1812, № 13, 13 февр. (объявл. к № 13 б/стр.) «С.-Пб. в.», 1792, № 55, 9 июля, с. 1064 (анонимное)
Петр Кузовлев (приказчик И. П. Глазунова?)	1792	«В Гостином Дворе в книжной лавке под № 15»		«С.-Пб. в.», 1792, № 103, 24 дек., с. 2026 (с фамилией С. Гнутова)
?	1793	«В прежнеебывшей Нирибергской линии, что против Гостиного Двора, в лавке под № 8»		«С.-Пб. в.», 1792, № 101, 17 дек., с. 1995
Иван Сытин	1793—1802	«На Невской перспективе в доме Католической церкви в книжном магазине под № 5»	книги петербургских и московских типографий	«С.-Пб. в.», 1793, № 45, 7 июня, с. 1028
Павел Иванов (?)	1794—1799	«В Гостином Дворе по суровской линии под № 98 и в Ямшиковом доме под № 5»		«С.-Пб. в.», 1793, № 48, 17 июня, с. 1092
				«С.-Пб. в.», 1794, № 27, 4 апреля, с. 640 (анонимное)
				«С.-Пб. в.», 1799, № 50, 24 июня, с. 1225 (от имени Павла Иванова).

1	2	3	4	5
Тимофей Сяничкин	1799—1800	«Против Гостинного Двора суровской линии в прежнему ямщиковом ряду в книжной лавке под № 8» «На углу 16 линии по Большому проспекту в доме под № 621»		«С.-Пб. в.», 1799, № 35, 3 мая, с. 801
?	1795	«В овощной (зеркальной) линии под № 31 в лавке Ярославской мануфактуры»	книги русские и на иностр. языках	«С.-Пб. в.», 1795, № 20, 9 марта, с. 412
?	1795—1801	«Книжная лавка состоящая в Толкучем рынке против Ассигнационного Банка (лавка под № 60)»	русские песни и др.	«С.-Пб. в.», 1795, № 98, 7 дек., с. 2196
Николай Матвеев (?)	1796—1800 (?)	«Напротив Бацковской конторы, возле бывшего Щукина дома в Апраксиных лавках под № 8»	гадательные книги, сонники и т. п.	«С.-Пб. в.», 1796, № 53, 1 июля, с. 1243 (анонимное)
Изот Агафонов	1796—1798	«В Гостинном Дворе под № 135»	продажа буквинистических книг	«С.-Пб. в.», 1800, № 104, 28 дек., с. 4421 (от имени Н. Матвеева)
?	1797	(упоминается в общем объеме книгoproдaвцев)	продажа книг, собранных в течение многих лет»	«С.-Пб. в.», 1797, № 85, 23 окт., с. 1951
Рукавишников	?—1797—?	«В Большой Морской в доме надв. сов. Аспельгрена»	учебники, словари	«С.-Пб. в.», 1797, № 10, 3 февраля, с. 195
Михайла Мошков	1797	«Против Зеркальной линии Гостинного Двора под № 20»	сказки, песенники, либреттура для народа, церковные книги киевской печати	«С.-Пб. в.», 1797, № 69, 28 авг., с. 1546—1547
Петр Ступин	1798—1812 (и позднее)			«С.-Пб. в.», 1798, № 9, 29 янв., с. 186 (анонимное)
				«С.-Пб. в.», 1798, № 16, 23 февр., с. 341 (от имени П. Ступина)

1	2	3	4	5
с 1807 г. компаньон Ф. Свешникова	1801—1807?	«Против зеркальной линии Гостиного Двора под № 17» («от свечных лавок в крайней») «На Невском проспекте подле Каатолической церкви «в книжной лавке под № 3»		«С.-Пб. в.», 1801, № 85, 15 окт.
Федор Свешников	1798—1812 (и позднее)	«В Гостином Дворе по конной линии в лавке под № 16» «В доме бывшем гр. Воронцова, а ныне принадлежащем капитулу Ордена св. Иоанна Иерусалимского под № 2» «В Гостином Дворе по конной линии в лавке под № 14»	книги петербургских и московских типографий, издания Н. И. Новикова, редкие церковные книги и др.	«С.-Пб. в.», 1798, № 43, 28 мая, с. 1007 (анонимное объявление) «С.-Пб. в.», 1798, № 46, 8 июня, с. 1093 (первое объявление от имени Ф. Свешникова) «С.-Пб. в.», 1803, № 67, с. 2271 «С.-Пб. в.», 1803, № 78, 29 сент., с. 2566 «С.-Пб. в.», 1810, № 89, 8 ноября, с. 1257 (анонимное) «С.-Пб. в.», 1811, № 23, 21 марта (объявление к № 23 б/с от имени Ф. Свешникова) «С.-Пб. в.», 1799, № 40, 20 мая, с. 942
с 1807 г. компаньон П. Ступина	1803—1812 (и позднее) 1803—1812 (и позднее)			
Матвей Заикин	1799—1800	«Книжная лавка против Гостиного Двора зеркальной линии от ворот в крайней под № 1»	календари, месячные словы, газеты в переплете и др.	
Изот Антюков	1799—1800	«Книжная лавка, состоящая по Сенной улице возле церкви Успения в доме г. Яковлева»		«С.-Пб. в.», 1799, № 42, 27 мая, с. 993

1	2	3	4	5
Иван Кичигин	1799?	«В овощной линии в окошке под № 85»		«С.-Пб. в.», 1799, 24 июня, № 50, с. 1225
?	1800	«На Васильевском Остроу», на Большом проспекте в 14 линии в доме Винтера под № 613»	сочинения Дер-жавина	«С.-Пб. в.», 1800, № 19, 6 марта, с. 737
Кириан Дамской	1800?	«За Аничковым мостом по Невскому проспекту в желтом... сенатора Пастухова доме, в нижнем этаже»	книги для народа, продажа книг по комиссии	«С.-Пб. в.», 1800, № 26, 30 марта, с. 1044
(книжные шкафы в Гостином Дворе)	1800—1805?	«По овощной и зеркальной линиях в книжных шкафах» («в книжном шкафу под № 76»)		«С.-Пб. в.», 1800, № 80, 5 окт., с. 3443
Михайла Васильевич Попов	1802—1805	«На Невской перспективе в доме Католической церкви в книжном магазине под № 5»	книги типографии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1802, № 82, 14 окт., с. 2195—2196
Иван Васильевич Попов	1803—1805 (?)	«Против Гостиного Двора овощной линии в доме бывшем гр. Воронцова»	книги типографии Московского ун-та	«С.-Пб. в.», 1803, № 34, 28 апр., с. 930
?	1804	«В новооткрытой книжной лавке под № 74, что против Гостиного Двора в доме бывшем гр. Воронцова»		«С.-Пб. в.», 1804, № 93, 18 ноября, с. 2917
?	1805—1807	«Против Гостиного Двора в доме бывшем гр. Воронцова в книжной лавке под № 3»		«С.-Пб. в.», 1805, № 91, 14 ноября, с. 1041
Тимофей Устинов	1806—1809	«В Московской части близ Владимирской церкви в мавлей Офицерской под № 190»		«С.-Пб. в.», 1806, № 24, 24 марта, с. 271

1	2	3	4	5
Ермошин	1806	«Против ворот Ассигнационного Банка в Атракционных лавках»		«С.-Пб. в.», 1806, № 76, 21 сент., с. 865
?	1806	«При входе в театр»	пьесы, оперы	«С.-Пб. в.», 1806, № 76, 21 сент., с. 865
?	1806	«На Васильевском острове в Галерной гавани»		«С.-Пб. в.», 1806, № 83, 16 окт., с. 945
Шапошников?	1806	«В Сытном рынке в лавках Шапошниковых»		«С.-Пб. в.», 1806, № 83, 16 окт., с. 945
?	1806	«На Петербургской стороне в Колтовской на берегу против Крестовской тони в угольном желтом доме Соколова»		«С.-Пб. в.», 1806, № 83, 16 окт., с. 945
?	1807	«В большой Мещанской в доме купца Орлова под № 52»	пьесы, оперы, либретто и др.	«С.-Пб. в.», 1807, № 25, 26 марта, с. 312
?	1807	«Возле Калинкина мосту на Бугорках в доме под № 175»		«С.-Пб. в.», 1807, № 31, 16 апр., с. 393
Иван Васильевич и Яков Васильевич Сленины	1809—1811 (и позднее)	«В Гостином Дворе в зеркальной линии, в книжной лавке под № 37 (и 53)»	книги на латыни, французском и др. иностр. языках	«С.-Пб. в.», 1809, № 9, 29 янв., с. 101 (анонимное)
Демид Иванович Ухтин	1809—1812 (и позднее)	«В книжной лавке под Апраксиным домом под № 17» (позднее и «под № 14»)	буквинистическая, антикварная книга	«С.-Пб. в.», 1809, № 93, 19 ноября, с. 1177 (от имени Слениных)
Зимняков	1809—1811	«В Гостином Дворе по овощной линии в лавке под № 47»	буквинистическая книга	«С.-Пб. в.», 1809, № 82, 12 окт., с. 1043

1	2	3	4	5
?	1809—1810	«В книжной лавке против Гостиного Двора в доме бывшего гр. Воронцова под № 4»	«иносуhrанные и рессийские книги»	«С.-Пб. в.», 1809, № 86, 26 окт., с. 1093
Михаил Иванович Староверов Трофимов	?—1809—? 1810—1811(?)	«в доме бывшего гр. Воронцова под № 1» «В 4-ой Адмиралтейской части в доме под № 485 на Фонтанке близ Измайловского моста»	сочинения Дер-жавина	«С.-Пб. в.», 1811, № 18, 3 марта, с. 260 «С.-Пб. в.», 1810, № 16, 25 февр., с. 243
Иван Ильин (приказчик бр. Глазуновых)	1811—1812 (и позднее?)	«Подле Императорской библиотеки, от Невского проспекта по левой стороне неходя прежных книжных лавок, в нововыстроенном доме Г. Флигель-адъютанта Балабина в книжной лавке под № 23»		«С.-Пб. в.», 1811, № 12, 10 февр. (объявление к № 12, с. 1)
Абрам Трубицын	1812	«В книжной лавке под № 1; что против Гостиного Двора овощной линии, в доме Пажеского корпуса»	русские и ино-странные книги	«С.-Пб. в.», 1812, № 23, 19 марта, с. 367

* В хронологическом порядке появления в «С.-Петербургских ведомостях» первых объявлений книгопродавцев о лавках (по 1812 г. включительно).

** Предполагаемые места торговли М. К. Овчинникова и Т. А. Полежаева.

*** Данные о книготорговле И. П. Глазунова в С.-Петербурге см.: А. А. Зайцева. Новые материалы о санктпетербургском книготорговце и издателе И. П. Глазунове. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX в. Л., 1979, с. 78—79.

О. Е. ГЛАГОЛЕВА, И. Ф. МАРТЫНОВ

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ К. Ф. РЫЛЕЕВА В ТУЛЕ
(К вопросу о реконструкции круга чтения поэта-декабриста)

Трудно переоценить значение личной библиотеки как одного из важнейших источников при изучении творческой биографии поэта. К сожалению, до наших дней дошли только незначительные фрагменты книжных собраний русских литераторов начала XIX в., не дающие почти никакого представления о широте их читательских интересов. Тем любопытнее и ценнее для историков отечественной культуры обнаруженные недавно в Тульской областной библиотеке 12 томов книг и полугодовой комплект журнала «Санктпетербургский вестник» с владельческими записями К. Ф. Рылеева.¹ Отдельные книги из рылеевской библиотеки (два десятка названий) можно найти в разных архивах и музеях нашей страны,² однако памятные реликвии, сохраненные для потомков дочерью поэта-декабриста А. К. Рылеевой (1820—1890) и ее мужем — тульским помещиком И. А. Пушиным (1809—1882) в их родовом имении (село Кошелевка Тульского уезда), существенно расширяют круг источников о Рылееве-библиофиле.

В отличие от многих поэтов-современников Рылеев не получил в наследство от родителей богатой фамильной библиотеки. Все имущество его отца — отставного подполковника

¹ Забашта Н. В. Книги из библиотеки Рылеева. — Коммунар (Тула), 1963, № 71, 21 июля, с. 4; Тебиев Б. К. Судьба библиотеки декабриста. — Молодой коммунар (Тула), 1976, № 96, 10 авг., с. 2—3; Тебиев Б. К. Что читал Рылеев. — Советская культура, 1976, № 86, 26 окт., с. 6; Декабристы-туляки. Тула, 1977, с. 76—77.

² Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева. — Литературное наследство, т. 59, 1954, с. 315—322; Удодов Б. Т. Рылеев в Воронежском крае. Воронеж, 1971, с. 77; Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. Библиографическое описание. М., 1975, с. 57, 102, 396 (№№ 674, 1484, 7899).

Федора Андреевича Рылеева — было продано за долги в 1814 г. «с публичного торгу» и досталось киевскому мещанину Николаю Глоговскому.³ Сыну удалось получить на память об отце только несколько книг, среди которых оказался знаменитый екатерининский «Наказ» (1).⁴

Годы учебы в 1-м кадетском корпусе, располагавшем богатой, тщательно скомплектованной библиотекой, участие в заграничных походах русской армии и дружеское общение с просвещенными острогожскими помещиками серьезно способствовали расширению интеллектуального кругозора молодого офицера. Судя по воспоминаниям друзей поэта и по его собственным письмам, он все свои свободные часы посвящал чтению и собрал за полтора десятилетия неплохую библиотеку, состоявшую из русских, французских и польских книг по философии, истории, экономии, из произведений оригинальной и переводной словесности.⁵ Любимыми книгами Рылеева в эти годы были «Дух законов» Ш. Монтескье, «История философическая и политическая о заведениях и торговле европейцев в обеих Индиях» Г. Рейналя, сочинения радикального английского философа И. Бентама⁶ и труды его французских единомышленников Бенжамина Констана и Луи Биньона. «Недостаточное знание французского языка» всю жизнь удручало поэта,⁷ однако многие книги духовных предтеч и учителей декабристов были внимательно проработаны им в подлинниках. К разделу философии⁸ тесно примыкали мистические сочинения, близкие умонастроениям Рылеева-масона. Известно, что незадолго перед казнью, в феврале 1826 г., поэт перечитал знаменитый трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу» в переводе М. М. Сперанского, найдя в нем немало «высоких истин», утешавших узника Петро-

³ ЛГИА, ф. 268, оп. 2, д. 530, лл. 147, 149.

⁴ Здесь и далее ссылки на прилагаемый к статье список книг с владельческими записями К. Ф. Рылеева.

⁵ К весне 1810 г. кадет Рылеев, отказывая себе во всем самом необходимом, собрал небольшую библиотечку из 15 книг (Литературное наследство, т. 59, 1954, с. 137).

⁶ У одного из биографов Рылеева — Д. А. Кропотова — имелся экземпляр сочинений Бентама во французском переводе с собственноручными пометами поэта (Вестник Европы, т. 80, 1869, № 3, с. 235). См. также переписку Кропотова с Н. М. Куколевской (Рылеевой) и А. К. Рылеевой (ЦГАЛИ СССР, ф. 423, оп. 1, д. 59, лл. 1—2; д. 82, л. 3).

⁷ Пигарев К. В. Жизнь Рылеева. М., 1947, с. 119. В библиотеке Рылеева имелась французская азбука и грамматика (ЦГАЛИ СССР, ф. 423, оп. 1, д. 61, л. 26).

⁸ См. выписки Рылеева из книг античных и западноевропейских мыслителей (Литературное наследство, т. 59, 1954, с. 323—326).

павловской крепости «в часы скорби». ⁹ Не менее показателен его интерес к «Краткой истории о философях и славных женах» горячего поборника учения вольных каменщиков и обличителя вольтерьянства Ричарда де Бюри (4).

Особое место в библиотеке поэта-декабриста занимали одиннадцатитомная «История государства Российского» Н. М. Карамзина, ¹⁰ «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1822), «Летописец содержащий российскую историю» (М., 1784), «Русская летопись по Никонову списку» (СПб., 1767—1792) ¹¹ и книга о Петре I французского историографа П. О. Аллеца в переводе крепостного литератора В. Г. Вороблевского (2а), послужившие побудительным стимулом и документальной основой при создании многих поэм и «дум» Рылеева. Любопытно отметить, что накануне восстания один из друзей поэта застал его читающим только что вышедшую в свет «военную повесть» Т. С. Мальгина «Российский ратник» (М., 1825). ¹²

Страстная ненависть к тирании, попирающей права человека, гражданственность и глубоко выстраданный патриотизм побуждали Рылеева восхищаться поэмами Байрона ¹³ и историческими песнями Ю. У. Немцевича (Warszawa, 1816), ¹⁴ примиряли его со скептическим Вольтером — создателем трагедии «Танкред», блестяще переведенной на русский язык Н. И. Гнедичем (9). ¹⁵ Те же достоинства поэт искал и находил в сочинениях своих соотечественников. Эти книги составляли основное ядро рылеевской библиотеки. Время сохранило для потомков полтора десятка любимых Рылеевым книг

⁹ Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1934, с. 504.

¹⁰ Там же. Совсем недавно О. Е. Глаголевой удалось обнаружить в Тульской областной библиотеке десять томов карамзинской «Истории» с полемическими пометами декабриста С. Н. Бегичева. Ср. с отзывами о труде Карамзина М. Ф. Орлова и Н. М. Муравьева (Литературное наследство, т. 59, с. 557—568, 569—598).

¹¹ Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева, с. 315, 318; Розанов И. Н. Книга с пометками Рылеева. — В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, с. 242.

¹² Пигарев К. В. Жизнь Рылеева, с. 195.

¹³ Там же, с. 135.

¹⁴ Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений, с. 570. См. также: Сиротинин А. Н. Рылеев и Немцевич. — Русский архив, 1898, № 1, с. 67—82.

¹⁵ Отметим, что в собрании И. С. Зильберштейна хранится трагедия Вольтера «Меропа», переведенная на русский язык В. И. Майковым (М., 1775), из библиотеки Рылеева. В отделе редкой книги Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина имеется еще один экземпляр «Танкреда» с рылеевскими пометами (Розанов И. Н. Книга с пометками Рылеева, с. 242—249; Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева, с. 83, 325). См. о влиянии трагедий Вольтера на творчество литераторов-декабристов:

его учителей и современников (26, 5, 8, 10, 11),¹⁶ своеобразный перечень которых мы находим в шутовском послании острогожского «анахорета» к своему соседу и другу М. Г. Бедрате «Пустыня» (1821).¹⁷ Отметим только уникальный экземпляр вольнодумного журнала Г. Л. Брайко и Я. Б. Княжнина «Санктпетербургский вестник» с чудом спасенной от рук екатерининской полиции «Одой. Преложение 81-го псалма» Г. Р. Державина (3). Работая над «думой» о Державине, Рылеев не только внимательно перечитал его прозные филиппики против неправедных «властителей» русской земли, но и широко процитировал их в назидание поэтам-современникам.¹⁸

Трудно теперь судить о точных размерах и тематических пропорциях рылеевской библиотеки. Долгое время она была «раздроблена», находясь частью в петербургской квартире Рылеевых на Мойке (в нижнем этаже дома Американской компании, близ Синего моста), частью — в имениях его матери (село Батово Софийского уезда Петербургской губернии) и жены (слобода Подгорная Острогожского уезда Воронежской губернии). Немало рылеевских книг пострадало во время знаменитого наводнения 7 ноября 1824 г., когда А. А. Бестужев по колено в воде спасал от гибели имущество друга, уехавшего в Подгорную.¹⁹ После казни мужа Н. М. Рылеева увезла большую часть его библиотеки к себе на родину, откуда книги с владельческими записями поэта-декабриста постепенно «разбрелись» по всей Руси.²⁰ Трудно, а может

Шмидт Х. «Танкред» Вольтера в переводе Н. И. Гнедича. — Ученые записки Ленинградского гос. университета, 1958, № 261, Серия филологических наук, вып. 49, с. 142—154; Ходоров А. Е. «Думы» К. Ф. Рылеева и трагедия XVIII — начала XIX столетия. — Русская литература, 1972, № 2, с. 120—126; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978, с. 155—158.

¹⁶ Литературное наследство, т. 59, с. 29, 253, 281, 283, 311, 321. См. также статью Л. Н. Назаровой о задуманном Рылеевым «Историческом словаре русских писателей» (там же, с. 300—314). К перечню этих книг следует добавить первый том «Творений» Н. П. Николаева (М., 1795) с владельческой записью Рылеева, поступивший в отдел редкой книги Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр: РЭ — Рыл./Н — 636f) из Музея революции.

¹⁷ Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений, с. 104—105.

¹⁸ Там же, с. 602—603.

¹⁹ Пигарев К. В. Жизнь Рылеева, с. 136—137.

²⁰ ЦГАЛИ СССР, ф. 423, оп. 1, д. 61, л. 26; Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева, с. 316. Некоторое время рылеевские книги хранились у опекуна его дочери Ф. И. Миллера. К моменту продажи имения Батово в 1826 г. здесь не было книг, а оставались «в господском доме, в кладовой» лишь «три сундука ветхие с разными письмами и бумагами» и «мешок с бумагами» (ЛГИА, ф. 268, оп. 2, д. 530, л. 21 об.). После

быть, и невозможно проследить пути миграции отдельных экземпляров, попавших в общественные и частные книгохранилища столичных городов. Тут исследователю может помочь только случай. Не слишком перспективными представляются нам поиски рылеевских книг в Воронежском крае у потомков местных друзей поэта и наследников имения второго мужа Н. М. Рылеевой — острогожского помещика Григория Ивановича Куколевского. В годы Великой Отечественной войны последние следы их усадеб были уничтожены.²¹

Наиболее благополучно сложилась судьба именно тех книг с владельческими записями Рылеева, которые перешли к его дочерям и внукам, а от них — в фонды Тульской областной библиотеки.²² Думается, что обнаруженные к настоящему времени 12 бесценных томов — лишь часть тульского «мемориала» и дальнейшие разыскания в местных книгохранилищах, а также у дальних потомков поэта²³ позволят раскрыть новые, пока еще неизвестные нам страницы «библиофильской» биографии К. Ф. Рылеева.

освобождения Батова в 1945 г. от фашистских оккупантов в развалинах дома Рылеевых был найден анонимный роман в двух частях «Жульетта и Далмор» (М., 1811), переданный в ОРК ГПБ (шифр: РЭ — Рыл./ЖО), однако принадлежность его поэту-декабристу ничем не подтверждается.

²¹ Благодарим за эти сведения О. Г. Ласунского.

²² Есть основания предполагать, что большинство сохранившихся в столичных библиотеках книг с владельческими записями Рылеева (в Гос. литературном музее и др.) имеют также «тульское» происхождение (Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева, с. 316, 318).

²³ У супругов Пушиных было семеро детей: Александр (р. 1843), Николай (р. 1844), Дмитрий (1847—1908), Анна (р. 1848), Наталия (Денисьева, р. 1852), София (Органова, р. 1854) и Юлия (р. 1856) (см.: Гос. архив Тульской области, ф. 39, оп. 2, д. 1878, д. 92). Судя по сообщению газеты «Книжное обозрение» (1979, № 34, 24 авг., с. 16), праправнук Рылеева москвич Н. Н. Органов передал в дар Историко-краеведческому музею совхоза «Ленинец» Гатчинского района Ленинградской области книгу из библиотеки поэта-декабриста.

СПИСОК КНИГ С ВЛАДЕЛЬЧЕСКИМИ ЗАПИСЯМИ К. Ф. РЫЛЕЕВА

1. Инв. № 2540. Екатерина II. Наказ е. и. в. Екатерины Вторыя... данный Коммиссии о сочинении проекта нового уложения... Спб., при имп. Акад. наук, 1766. На тит. л. *ВЗР** (см. рис. 1). На переплете вытисненный золотом вензель-суперэкслибрис отца поэта — «ФР».

2. Инв. № 2325. Конволют:

а) Аллец П. О. Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России. Переведено с французского Василием Вороблевским. Спб., тип. Сухопутн. кад. корпуса, 1771. На тит. л. *ВЗР*.

б) Сумароков А. П. Сатиры. Кн. I. Спб., тип. Акад. наук, 1774.

3. Инв. № 6956. Санктпетербургский вестник... Т. 6. От июня до декабря 1780 года. Спб., тип. Вейтбрехта и Шнора, 1780. Экз. с «Одой. Преложение 81-го псалма» Г. Р. Державина, изъятой в большей части тиража полицией (с. 315—316 — лист надорван). На форзаце *ВЗР*.

4. Инв. № 2931. Бюри Р. де. Краткая история о философах и славных женах, сочиненная господином Бюри. Перевел с французского языка коллежский ассессор Михайло Падерин. Ч. I. М., тип. Х. Клаудия, 1804. На шмуцтитуле *ВЗР*; на тит. л. дворянская печатка с вензелем (см. рис. 2). На полях с. 310, 344 и 352 (там, где идет речь о римском императоре Траяне и Иулиане Отступнике) пометы коричневыми чернилами «N B».

5. Инв. № 3295, 3344, 3345. Державин Г. Р. Сочинения. Ч. 1, 3, 4. Спб., тип. И. К. Шнора, 1808. На форзацах *ВЗР*. Ч. 4 с потеками воды; с. 147—148 — лист надорван, с двух сторон надрыва надпись карандашом: «Наддрано ошибкою».

6. Инв. № 2079. Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанныя им самим. Ч. 2. М., тип. Н. С. Всеволожского, 1810. На форзаце *ВЗР*.

* Однотипная запись коричневыми чернилами: «Из книг К. Рылеева».

7. Инв. № 3067. Хозяйственные записки, или Собрание полезных опытов в всех частях хозяйства, ежемесячное сочинение, издаваемое имп. Вольным экономическим обществом 1815 года. Т. 2. Спб., при имп. Акад. наук, 1815. На форзаце *ВЗР*.

8. Инв. № 3341. Державин Г. Р. Сочинения. Ч. 5. Спб., тип. В. А. Плавильщикова, 1816. На тит. л. *ВЗР*. На субтитule автограф поэта: «Г. Державин».

9. Инв. № 3709. Вольтер Ф. М. Танкред, трагедия в пяти действиях. Перевод Н. И. Гнедича. Спб., тип. имп. театра, 1816. На бум. обложке *ВЗР*.

10. Инв. № 3396. Княжнин Я. Б. Сочинения. Изд. 3-е. Т. 2. Спб., тип. И. П. Глазунова, 1817. На форзаце *ВЗР*.

11. Инв. № 3214—3215. Богданович И. Ф. Собрание сочинений и переводов. Собраны и изданы Платоном Бекетовым. Изд. 2-е. Ч. 2—3. М., Унив. тип., 1818. На форзацах *ВЗР*. В Государственном литературном музее хранится ч. 4 этого издания (Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылева, с. 311).

Н. Б. ПАРАМОНОВА
ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПО ОРИЕНТАЛИСТИКЕ В ПЕРИОД РЕКТОРСТВА
Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
(1827—1846 гг.)

В первой половине XIX в. центром университетского изучения Востока и преподавания восточных языков был Казанский университет, Несмотря на то, что Московский и Харьковский университеты также имели восточные факультеты, лишь Казанский «постепенно достиг обширных размеров предполагавшихся прежде „восточных академий”, образовал много достойных ориенталистов, профессоров, учителей и драгоманов и доставил средства к изданию в свет многих важных ориентальных изданий», — писал крупнейший русский востоковед П. С. Савельев в очерке «Восточные литературы и русские ориенталисты».¹

Выдвижению Казани как научного центра по востоковедению способствовал целый ряд обстоятельств, в том числе и ее географическое положение недалеко от границы Европы и Азии, где на протяжении веков соприкасались восточные и западные народы, столь различные по культуре, языку и обычаям.² Тесные торговые связи казанского купечества с Турцией, Ираном, Средней Азией, Китаем и Монголией благоприятствовали плодотворному изучению Востока. А. И. Герцен, проезжавший через Казань в 1835 г., писал, что в Казанском университете преподаются «в обширном объеме восточные литературы, и преподаются часто азиатцами; в его музеумах больше одежды, рукописей, древностей, монет *китайских, манчжурских, тибетских, нежели европейских*. Удиви-

¹ Русский вестник, 1856, т. 2, с. 131.

² Еще в 1767 г. Екатерина II писала Вольтеру из Казани о том, что «в здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою» (Переписка Екатерины II с г. Вольтером. (Перевод А. Подлисецкого). Ч. 1. М., 1803, с. 32).

тес ли вы после этого, встретив в рядах его студентов-бурят?». ³

Уже первый попечитель Казанского учебного округа академик Степан Яковлевич Румовский, человек широкого научного кругозора, прекрасно понимал исключительную роль подопечного университета в изучении Востока. Именно Румовскому принадлежала идея пригласить в Казань молодого талантливого ориенталиста Христиана Френа, ставшего пионером научной постановки ориенталистики в Казани.

«Восточная» ориентация Казанского университета сказалась и на его печатной продукции. Первой книгой, выпущенной только что образованной университетской типографией, была «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в имп. Казанской гимназии» (Казань, 1809). Автор ее — преподаватель Ибрагим Хальфин, ставший близким помощником Х. Френа. В первые семнадцать лет издательской деятельности (1809—1826 гг.) в Казанском университете вышло более 20 востоковедческих работ. Помимо нескольких учебных книг это были, в основном, нумизматические и филологические исследования Х. Френа, которые дают возможность проследить превращение ученого из «обычного на западе семитолога-экзегета, каким приехал из Германии, в первоклассного арабиста, которого в современной ему Европе решались сравнивать только с Сильвестром де Саси», — так писал один из крупнейших ориенталистов академик И. Ю. Крачковский. ⁴ Этими работами Х. Френ открыл для русской истории новый источник, с помощью которого он смог впервые научно осветить историю Золотой орды и древнего Булгарского царства, выявляя места чеканки, объясняя имена и титулы ханов, уточняя хронологию. ⁵

Подлинным расцветом научной и издательской деятельности самого восточного из тогдашних российских университетов нужно считать эпоху ректорства Николая Ивановича Лобачевского (1827—1846 гг.). В предисловии к первой книге «Ученых записок Казанского университета» (1834) он писал: «Печатанию, как будто второму дару слова, новейшие времена обязаны самой большей частью своей образованности». Молодой ректор восстанавливает пришедшую в упадок университетскую типографию; при поддержке попечителя

³ Герцен А. И. Письмо из провинции. — Собрание сочинений. Т. 1. М., 1954, с. 132.

⁴ Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, с. 76.

⁵ См.: Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (перв. пол. XIX в.). Казань, 1972, с. 21—35.

М. Н. Мусина-Пушкина добывается специальных ассигнований, сам составляет списки необходимых приобретений, испытывает типографские машины, подбирает кадры.⁶

Издания Казанского университета, вышедшие в годы ректорства Н. И. Лобачевского, явились значительным вкладом в русскую и мировую ориенталистику. Наиболее многочисленную группу изданий о Востоке и на восточных языках этого периода составляет учебная литература, словари, хрестоматии и т. п. Нужно отметить, что печатание книг по ориенталистике широко было налажено лишь после 1832 г., когда типография университета обзавелась необходимым оборудованием и восточными шрифтами, когда университет подготовил достаточно квалифицированных авторов.

Выдающуюся роль в подготовке и издании сочинений казанских ориенталистов сыграл сам Н. И. Лобачевский. Очень много он сделал для организации научной подготовки отечественных востоковедов. При активной поддержке попечителя М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевский добился разрешения начальства не выписывать из-за границы уже готовых ученых, а обучить своих монголоведов.⁷ С этой целью в Иркутск командируются сроком на 5 лет два выпускника Казанского университета — О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Молодым ученым предписано было не просто учить язык, но «всесторонне изучать Сибирь и сопряженные с нею страны Азии».⁸ Из поездки им удалось привезти весьма ценные источники монгольской письменности, доступ к которым был строжайше закрыт для европейцев китайскими законами. Эти рукописи были использованы при написании учебных пособий и научных работ.

В 1835 г. из типографии Казанского университета вышла первая на русском языке «Краткая грамматика монгольского книжного языка» О. Ковалевского, тираж которой (300 экз.) оказался недостаточным и в 1838 г. был повторен. Книга эта получила высокую оценку выдающегося востоковеда академика И. Я. Шмидта. Вслед за краткой грамма-

⁶ О роли Н. И. Лобачевского в создании материальной базы издательства см.: Парамонова Н. Б. К истории издательства Казанского университета. — В кн.: Проблемы библиографии, библиотековедения и детского чтения. Сб. аспирант. работ. Вып. VIII. Л., 1976, с. 171—190. (Лен. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

⁷ Подробнее см. об этом статью: Шамов Г. Ф. Монгольская кафедра Казанского университета. — В кн.: Ученые записки Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина, 1954, т. 114, кн. 9, с. 171—183.

⁸ Центральный государственный архив Татарской АССР (далее: ЦГА ТАСАР), ф. 977, оп. Совет, д. 5059, л. 40—42.

тикой появились два тома «Монгольской хрестоматии» О. Ковалевского.⁹ В предисловии автор писал, что подобной учебной книги еще не было. Особенность хрестоматии заключалась и в том, что в ней были опубликованы отрывки из письменных памятников буддизма, сохранившихся лишь в Монголии и Тибете и исчезнувших в Индии (в результате гонения на буддистов). А именно в этих рукописях и книгах были скрыты драгоценные материалы для истории образования азиатских народов. «Хрестоматия эта — явление замечательное не только в нашей учебной литературе, но и в целом ученом мире»,¹⁰ — писал известный петербургский монголовед В. В. Григорьев. В хрестоматии собраны образцы всех жанров монгольской литературы (около 500 страниц оригинального монгольского текста); образцы расположены по степени трудности. Очень интересны обширные грамматические, филологические, исторические и этнографические примечания. Шрифт для хрестоматии университет получил из типографии Академии наук, но так как наборщиков, знавших монгольскую письменность, в то время в Казани не было,¹¹ О. М. Ковалевскому (как и при издании его грамматики) пришлось самому набирать текст и очень много времени уделять корректуре.

Выход хрестоматии в свет был восторженно встречен русской общественностью. «Библиотека для чтения» писала: «Первая книга о монгольском языке, с которым так давно желают познакомиться ориенталисты, первая монгольская хрестоматия вышла в России и по-русски!».¹² Российская Академия наук удостоила «Монгольскую хрестоматию» О. Ковалевского полной Демидовской премии.

Такую же премию получил и выпущенный Казанским университетом «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского в трех томах.¹³ Словарь включил около 40 000 слов.

Словарь был основным трудом О. М. Ковалевского, работа над ним велась двадцать лет. Большой вклад в составление словаря внесли сотрудник духовной миссии в Иркутске А. А. Игумнов и переводчик Н. Я. Бичурин, бывшие учителя

⁹ Т. 1. Казань, 1836. XVI, 591 с.; т. 2. Казань, 1837. 594 с.; 2 л. табл.

¹⁰ Журнал Министерства народного просвещения, 1838, кн. 9, с. 172.

¹¹ Интересно заметить, что при повторном путешествии О. Ковалевского по Бурят-Монголии Лобачевский поручил ему найти «знающего тибетский язык» для типографии университета.

¹² Библиотека для чтения, 1836, ч. XVII, отд. VI, с. 12.

¹³ Т. 1. Казань, 1844. XIII, 594 с.; т. 2. Казань, 1845. 595—1545 с.; т. 3. Казань, 1849. 1547—2690 с.

лями молодого Ковалевского в монгольском языке. А. А. Игунов, большую часть жизни проведший среди бурят и монголов, не только передал ученикам свои рукописные словари, но и научил казанского востоковеда тщательно вникать в живой язык монгольских племен, узнавать у них пословицы, сказки, песни, легенды. «Язык живой — орган беспредельной энергии народного ума», — писал Ковалевский в предисловии к 1-му тому своего словаря.

Особенно выигрывал труд Ковалевского по сравнению с единственным тогда «Монгольско-немецко-русским словарем» (СПб., 1835) академика И. Я. Шмидта, включавшим лишь 13 000 слов, составленным на основе монгольско-китайских летописей и словарей, без использования живого монгольского языка.

Набор словаря Ковалевского длился 8 лет. 1-й том начали набирать в 1841 г., и первые листы его послали на отзыв академику И. Я. Шмидту, который писал: «Ковалевский изданием своего словаря приобретает себе прочную заслугу по части дальнейшего распространения познания монгольской письменности ученым путем и вместе с тем благодарность не только любителей этого направления восточного языкоучения, но и отечества, которому такое учение приносит славу и постоянную пользу».¹⁴ До выхода в 1893—1895 гг. «Монгольско-русского словаря» К. Ф. Голстунского словарь Ковалевского был самым полным по объему лексического материала и лучшим по качеству выполнения.

Одновременно с хрестоматией Ковалевского типография Казанского университета выпускает в свет работу второго молодого ориенталиста, А. В. Попова — «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку».¹⁵ В 1837 г. вышла из печати еще одна книга А. В. Попова — «Арифметика на монгольском языке». Это были учебные пособия, предназначавшиеся для использования в гимназиях и университете.

Нужно отметить, что, подобно Ковалевскому, Попов сам был наборщиком и корректором своих изданий. Всякий, кто хоть немного знаком с техникой ручного набора, да еще монгольского текста, поймет, что для людей, занятых педагогической и научной работой в университете и гимназии (а Ковалевский постоянно вел еще и административную работу), непосредственное участие в типографском воплощении рукописей в книги было настоящим научным подвигом.

¹⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совет, д. 8628, л. 3 об.

¹⁵ Ч. 1. Казань, 1836. X, 318 с.; ч. 2. Казань, 1836. 199 с.

С 1832 г. оживилось печатание книг арабским шрифтом. Издание учебной и научной литературы выходит на первое место, хотя довольно значительную долю типографских доходов составляют поступления от частных издателей-татар.

Во второй четверти прошлого века всемирную известность снискал ученый Казанского университета Мирза (Александр) Казем-Бек. Вот как характеризует его советский биограф А. Г. Рзаев: «Востоковед, философ, правовед, историк, филолог, педагог, Казем-Бек за свои выдающиеся заслуги в науке был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук... Его труды кроме России были изданы в Англии, Франции, Германии на русском, английском, французском, немецком, арабском, фарсидском, турецком, азербайджанском языках, которыми он свободно владел». ¹⁶

После написания диссертации на персидском языке «Взгляд на историю языка и словесности арабской» и одобрения ее академиками Х. Д. Френом и Я. И. Шмидтом 10 апреля 1831 г. А. К. Казем-Бек был утвержден адъюнктом восточной словесности Казанского университета. В конце следующего, 1832-го, года появилась знаменитая «История крымских ханов» Сеида Мухаммеда Ризы («Ассеб-о-ссейяр, или Семь планет»), содержащая историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана 1-го, т. е. с 871 (1466) по 1150 (1737) год. Публикация этой рукописи имела большое научное значение как для истории Востока, так и для истории России. ¹⁷ Текст для публикации готовил А. Казем-Бек.

По ходатайству попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, министр просвещения согласился печатать «Историю крымских ханов» на казенный счет и выделил для этой цели 1500 рублей. Тот факт, что председателем специальной комиссии для напечатания «Истории крымских ханов» был назначен ректор Н. И. Лобачевский, уже сам по себе говорит о том, что университетское руководство придавало изданию исключительное значение.

В ректорском фонде Центрального государственного архива ТАССР сохранился «Журнал Комитета, учрежденного для напечатания Истории Крымских ханов», многие листы которого заполнены рукой Н. И. Лобачевского. С 6 октября 1828 г. по 22 июня 1829 г. состоялось 6 заседаний комиссии, в последующие годы — еще несколько заседаний, на которых решались вопросы редактирования и полиграфического оформления издания: выбор формата, шрифтов для основного

¹⁶ Рзаев А. Г. Мирза Казем-Бек. Баку, 1965, с. 3.

¹⁷ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Ректор, д. 92, л. 3.

текста и для примечаний; определение примерной стоимости книги, выбор украшений и стоимость гравировки заглавного листа; покупка гарта для отливки новых шрифтов, покупка бумаги и т. д.

Очень тщательную работу по подготовке рукописи к публикации провел сам А. Казем-Бек. «...Я несколько раз ее перечитывал, прежде нежели поправлять. Иногда с одним словом бился часа два, чтобы отгадать значение», — писал он в предисловии. Издание «Истории крымских ханов» доставило Казем-Беку почетную известность среди ориенталистов, — отмечал профессор И. Н. Березин.¹⁸ Академия наук в 1835 г. избрала казанского востоковеда своим членом-корреспондентом, а еще ранее, в 1829 г. он был избран в члены Великобританского Азиатского общества в Лондоне.

Через несколько лет после выхода в свет «Истории крымских ханов» университетское руководство поручает Казем-Беку заняться составлением грамматики, хрестоматии и краткого словаря турецкого языка. Знание языка, соединенное с европейским образованием и опытом преподавания в Казанском университете, помогло ему успешно справиться с первой частью трудной задачи и в 1839 г. выпустить «Граматику турецко-татарского языка», удостоенную затем половиной Демидовской премии и разосланную во многие учебные заведения России. Академик Б. А. Дорн писал, что «не колеблясь отдает ей предпочтение перед всеми доселе изданными грамматиками».¹⁹

В 1846 г. грамматика вышла уже вторым изданием под названием: «Общая грамматика турецко-татарского языка, удостоенная Демидовской премии, 2-е изд., исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора А. Казем-Бека». Второе издание было переведено на немецкий язык Ценкером,²⁰ и в течение нескольких десятилетий студенты многих европейских университетов изучали турецкий и татарский языки по учебнику, созданному в Казанском университете А. Казем-Бекком. Особую ценность работе придавало проведенное в ней сопоставление татарского и турецкого языков с азербайджанским, чагатайским (узбекским), башкирским и многими другими языками и на-

¹⁸ Березин И. Н. Казем-Бек А. К. Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета. Спб., 1872, № 4, с. 105.

¹⁹ Дорн Б. А. О десятом присуждении учрежденных Демидовым премий. — Журнал Министерства народного просвещения, 1841, ч. XXXII, отд. III, с. 87.

²⁰ Zencker. Allgemeine Grammatik der türkisch-tatarischen Sprache. Leipzig, 1848.

речиями. Кроме того, автор впервые научно разработал вопросы синтаксиса турецкого языка.

Среди научных публикаций восточных рукописей на языке оригинала почетное место занимает изданный Казанским университетом в 1845—1846 гг. сокращенный курс мусульманского законоведения по школе Ханефидов.²¹ Значение данной работы станет ясным, если учесть огромный практический интерес к изучению мусульманской юриспруденции как в Европе, так и среди русских специалистов в 40-е гг. прошлого века, что было связано с вновь обострившимся «восточным вопросом». Интересно то, что уже ко времени публикации введения, вышедшего в свет несколько позднее, значительное количество курса мусульманского законоведения было продано.²²

При подготовке рукописи к печати Казем-Бек провел огромную текстологическую работу по сличению большого количества вариантов с целью восстановить первоначальный текст. Кроме того, казанский ориенталист широко привлек 5 наиболее полных комментариев к труду «Мюхтесерюля» и частично использовал еще 14 комментариев других авторов. В этом издании А. К. Казем-Бек строго следует традициям оформления восточных рукописей (от которых он отступил в «Истории крымских ханов») и помещает наиболее важные варианты текста на полях. Арабский текст обрамлен рамкой по восточному обычаю.

Первое в истории издание «Мюхтесерюля» получило высокую оценку ориенталистов. Рецензируя его, И. Н. Березин писал: «По тщательной обработке текста и тем громадным трудностям, с которыми приходилось бороться при сравнении вариантов и исправлении ошибок в манускриптах, этот труд должен занимать если не первое место, то одно из первых мест между весьма многочисленными его (А. К. Казем-Бека. — *Н. П.*) трудами... только при глубоких и обширных сведениях в исламе возможно было исполнить такой важный труд».²³

Во второй четверти XIX в. типография университета издавала также работы Ф. Эрдмана, занимавшегося в основном персидским языком и литературой, а также нумизматикой. Большая часть его исследований была опубликована в

²¹ Мухтесерюль вигкает или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законоведения по школе Ханефидов. Изд. 1-е. А. Казем-Бека. (1845).

²² То же. Введение, с. 1, XXXII.

²³ Березин И. Н. Протоколы С.-Петербургского университета, 1872, № 4, с. 127.

«Ученых записках» Казанского университета и затем издана отдельными оттисками. Работы Эрдмана (в отличие от трудов отечественных казанских ориенталистов) написаны на латинском, немецком, французском и — лишь некоторые — на русском языке. Так, на русском языке вышли две небольшие его статьи — «Об азиатских конских талисманах» (1840) и «Иродот заимствовал свое повествование о древней персидской истории из персидских источников» (1840). В оценке работ Ф. Эрдмана и его значения как востоковеда имеется несколько противоречивых мнений, которые разобраны в работе Н. А. Мазитовой «Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете».²⁴

Помимо отмеченных работ казанских востоковедов из типографии университета вышли следующие набранные арабскими шрифтами издания: словари татарского языка²⁵ (печатались по заказу комиссии духовных училищ); «Татарская грамматика» и «Татарская хрестоматия» (обе в 1842 г.) преподавателя Неплюевского кадетского корпуса Т. Иванова; «Сельский судебный устав» в двух частях, в переводе А. К. Казем-Бека на татарский язык (1841, 1844)²⁶ и другие. Значительное количество книг на восточных языках напечатано по заказам татарских издателей. Среди частных заказов значительное место (по тиражам и по количеству названий) занимают татарские учебные книги, литературные памятники древнетюркской и татарской литературы, классиков арабской и персидской литератур. Издавались также канонические сочинения ислама — Коран и отдельные его части, а также некоторые сочинения по исламскому законоведению.²⁷

Кафедру китайского языка, первую в Европе, возглавлял архимандрит Даниил (Сивиллов). Он более 10 лет служил в Китае и хорошо изучил язык, историю и философию страны. Архимандрит Даниил является автором двух переводов с китайского, изданных Казанским университетом в конце 30-х гг. Это «Перевод с китайского языка из книги под заглавием „Драгоценное зеркало для просвещения ума“» (Казань, 1837. 30 с.) и «Всеобщая история Китая» (Казань,

²⁴ Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.). Казань, 1972, с. 35—49.

²⁵ Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем наречий арабских и персидских А. Троянского. Т. 1—2. Казань, 1833, 1835. 629 с.; 340 с.

²⁶ За этот перевод Казем-Бек был награжден орденом св. Анны (см.: ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 5370, л. 35).

²⁷ Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. Казань, 1971, с. 154—161.

1838—1839. 52, 26, 34, 54 с.). Обе эти работы были вначале помещены в «Ученых записках имп. Казанского университета» и лишь затем вышли отдельными оттисками.

В предисловии к «Всеобщей истории» переводчик говорит об условности понятия «всеобщая» в названиях работ китайских историков (в Китае было принято описывать события, происходившие только в собственной стране, в отрыве от окружающих стран и народов). Книга эта являлась учебным пособием для студентов восточного разряда и представляла значительный интерес для изучавших историю Китая.

С образованием в Казанском университете кафедр армянского языка, санскрита и тибетского языка правление позаботилось об оснащении типографии соответствующими шрифтами.²⁸ И уже через полтора года из типографии вышли работы ученых этих кафедр. «Беглый взгляд на историю гайканской²⁹ литературы до конца XIII столетия» опубликовал адъюнкт кафедры армянского языка С. И. Назарианц,³⁰ будущий пропагандист идеи армянского возрождения. Уже этот свой труд он посвятил «патриотам гайканского народа как памятник любви и уважения». Через два года выходит «Обозрение истории гайканской письменности в новейшие времена» этого же автора, а в 1849 г. его докторская диссертация «Абуль-Касем Фердауси Тусский, творец книги царей, известной под названием Шах-наме. С присовокуплением краткого обзора истории персидской поэзии до исхода XV столетия по Р. Х.».

В 40-е гг. Казанский университет печатает несколько работ санскритолога П. Я. Петрова, друга В. Г. Белинского.³¹ Петров изучал восточные языки под руководством академика Х. Френа, затем усовершенствовался в санскрите у лучших ориенталистов Европы. Как О. М. Ковалевский и А. В. Попов, П. Я. Петров сам был наборщиком своих изданий на санскритском языке.

Разработав и опубликовав в «Ученых записках» Казанского университета «Программу для преподавания санскрит-

²⁸ В 1843 г. из Лазаревского института восточных языков университет привез 10 пудов 4 фунта армянского шрифта (ЦГА ТАССР, ф. 977, д. 6558, л. 3), из-за границы — 11 пудов 26 фунтов санскритского шрифта (ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 6936, л. 4).

²⁹ По имени Гайка — мифического предка армян.

³⁰ Назарианц С. И. Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XIII столетия. Казань, 1844. 50 с. Эта и другие его казанские работы опубликованы в «Ученых записках» университета.

³¹ «Вот дружба, которую я могу по справедливости хвалиться», — писал Белинский о Петрове (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. 11, с. 23).

ского языка и литературы»,³² молодой санскритолог приступил к изданию одной из лучших в санскритской словесности лирической поэмы «Гъата карпарам или разбитый сосуд», которая вышла из печати в 1844 г. с предисловием, грамматическим и метрическим разбором.

Большие трудности встретил П. Я. Петров при наборе и печати первой в России санскритской антологии, которая была опубликована лишь благодаря вмешательству Н. И. Лобачевского,³³ в это время почти устранившегося от университетских дел и занимавшего должность помощника попечителя. Антология была напечатана в 1849 г. тиражом 300 экз. и включала изречения, отрывки эпические, сказки, басни, отрывки описательные и лирические из Рамаяны, Махабхараты, Хитопадэши, Ритусанхары и других рукописных и печатных памятников. Примечания и этимологический словарь не вошли в издание (хотя ранее Петров предполагал их включить).

Помимо рассмотренных выше публикаций, напечатанных с применением арабских, монгольских, армянских, санскритских и других восточных шрифтов, во второй четверти прошлого века из типографии Казанского университета вышел целый ряд изданий на русском языке, посвященных изучению Востока. Большинство из них было опубликовано в «Ученых записках» и затем отпечатано отдельными оттисками. Это работы О. М. Ковалевского: «Содержание монгольской книги „Море притч“» (1834), «О китайском календаре» (1835), «Буддийская космология» (1837). Следует упомянуть «Годичный отчет путешествующего по Востоку»³⁴ молодого казанского ориенталиста И. Н. Березина, побывавшего в Персии, Месопотамии, Малой Азии, Сирии и Египте. Годичный отчет был напечатан в 1845 г. в «Ученых записках» университета и отдельным изданием.

Последнюю группу изданий Казанского университета, которую также можно отнести к востоковедческим, составляют речи, записки, а также публикации библиографического характера (каталоги, списки сочинений и т. п.). В числе авторов таких работ часто выступает О. М. Ковалевский.³⁵

³² Ученые записки Казанского университета, 1842, кн. 2, с. 77—95.

³³ Ученые записки Казанского университета, 1957, т. 117, кн. 9, с. 56.

³⁴ Ученые записки Казанского университета, 1845, кн. 1.

³⁵ Ковалевский О. М. Записка об учреждении кафедры монгольского языка при Казанском университете. Казань, 1833; его же. Каталог санскритским, монгольским, тибетским, манджурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке имп. Казанского университета хранящимся. Казань, 1834; его же. Речь о знакомстве европейцев с Азией. Казань,

Из всего сказанного о востоковедческих изданиях Казанского университета первой половины XIX в. видно, что, начав с издания татарской азбуки (1809), Казанский университет к середине XIX в. становится научным и издательским центром изучения Востока. Его значение в публикации работ по ориенталистике в тот период очень ярко иллюстрирует один из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Татарской АССР.³⁶ Это составленный в 1845 г. список изданных в России книг по ориенталистике, высылаемых по просьбе начальника Мюнхенской библиотеки. Из списка видно, что более половины отобранных для отсылки книг (23 из 45) было издано Казанским университетом (петербургских же и московских изданий в этом списке значилось лишь 8 и 7 названий).

Монографии и учебные пособия, словари и описания путешествий по Востоку, изданные Казанским университетом на русском, западноевропейских, монгольском, арабском, манчжурском, тибетском, калмыцком, армянском языках и санскрите, получили распространение далеко за пределами России, способствуя укреплению интернациональных связей русской науки и росту престижа отечественной ориенталистики за рубежом. Отметим также высокий удельный вес, который составляли научные публикации по ориенталистике среди изданий Казанского университета в период ректорства Н. И. Лобачевского: по востоковедению вышло свыше 50 трудов, в то время как по всем остальным гуманитарным наукам лишь около 80 работ.

В лице Н. И. Лобачевского мы встречаемся с замечательным организатором научного издательского центра в самом восточном из российских университетов того времени. Великий ученый прекрасно понимал особую роль своего университета в развитии отечественной ориенталистики и строил издательскую политику на прочном фундаменте, одновременно

1837; то же. Изд. 2-е. Казань, 1839; его же. Обзорение хода успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842; Френ Х. Список ста сочинений, преимущественно исторического и географического содержания на арабском, турецком, персидском языках, недостающих большею частью в европейских библиотеках, коих отысканием в оригиналах или верных копиях следовало бы заняться для пользы наук особам, имеющим свое пребывание на Востоке. Казань, 1841; Список сочинений некоторых армянских историков, рукописные творения коих стоило бы отыскать и купить, с указанием важных рукописных сочинений из разных других литератур, к отысканию и приобретению коих мог бы представиться случай в Грузии и других кавказских странах. Казань, 1841.

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Ректор, д. 638, л. 1—4.

создавая материальную базу (о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы: заказ и покупка восточных шрифтов, подготовка квалифицированных типографских кадров и т. д.) и постоянно проявляя заботу о воспитании собственных, российских, исследователей-ориенталистов. При содействии Николая Ивановича Лобачевского в отечественном востоковедении зазвучали новые имена: монголоведов О. М. Ковалевского, А. В. Попова, И. Н. Березина, санскриптологов П. Я. Петрова, В. П. Васильева, китаиста Даниила Сивиллова, исследователя армянской истории С. И. Назарианца и других.

Н. И. Лобачевский не только осуществлял общее руководство издательством, но и принимал самое деятельное участие в подготовке восточных рукописей к изданию (как было, например, при печатании «Истории крымских ханов»). При его содействии увидел свет целый ряд учебных пособий по ориенталистике, некоторые из них были удостоены Демидовской премии. При деятельной помощи Н. И. Лобачевского, как мы видим, Казанским университетом были изданы фундаментальные словари, среди них такие, как «Монгольско-русско-французский словарь» О. М. Ковалевского, переиздававшийся даже во второй четверти XX в., о котором профессор Г. Санжеев отзывался как о непревзойденном и по качеству выполнения, и по объему охваченного лексического богатства.³⁷

Проследив развитие издательской деятельности Казанского университета в области востоковедения во 2-й четверти прошлого века, мы можем считать, что приоткрыли еще одну страницу плодотворной и многогранной деятельности великого ученого и организатора отечественной науки Николая Ивановича Лобачевского.

³⁷ Труды Московского института востоковедения. Сб. 5. М., 1947, с. 297.

И. Ф. МАРТЫНОВ, А. Д. СЫЩИКОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ИСТОРИИ КНИГИ КАК КОМПЛЕКСНОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

(По поводу статьи Пауля Раабе)

Процесс становления и «самоопределения» любой науки невозможен без ее четкого размежевания с пограничными дисциплинами, без выявления характерного именно для этой отрасли знания предмета изучения и специфических методов, с помощью которых он исследуется. Практика почти всегда намного опережает теорию, а потому неудивительно, что первые работы по частным вопросам истории книги появились в свет задолго до того, как эта наука обрела «права гражданства» в сложном комплексе книговедческих дисциплин. Следует отметить, что еще в конце 1930-х гг. П. Н. Берков предпринял довольно удачную попытку теоретически осмыслить опыт, накопленный за полтора столетия отечественными книговедами, в результате чего были намечены основные контуры новой научной дисциплины.¹ К сожалению, берковская программа комплексного, многоаспектного изучения книги как ценнейшего памятника культуры минувших эпох не встретила отклика у его современников. В течение последующих лет исследования велись преимущественно в отдельных областях этой комплексной науки (книгопечатание, рукописная книжность, художественное оформление книг и др.), причем особое внимание уделялось истории книгопечатания.

Весной 1974 г. на 2-й Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения был заслушан доклад С. П. Луппова «История книги как комплексная научная дисциплина».² «Мы понимаем историю книги, — писал позднее докладчик в одной из своих программных теоретических статей, — как

¹ Берков П. Н. Предмет и объект истории книги как науки. — Труды Ин-та книги, документа, письма. Т. 5. М.—Л., 1936, с. 13—27.

² Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 3—11.

комплексную науку, как часть истории культуры, одну из исторических наук в целом комплексе книговедческих дисциплин». ³ Это утверждение подкреплялось хорошо продуманной схемой структуры новой научной дисциплины, изучающей исторические судьбы книги со времени ее поступления в издательство или скрипторий вплоть до того момента, когда она, трансформировавшись в сознании читателя, становилась стимулом для создания новых книг. Органично объединив в едином комплексе истории книги три важнейших раздела книговедения (книгоиздание, книгораспространение и книгопользование), исследователь наметил основные разграничительные линии, отделяющие эту науку от смежных дисциплин, четко охарактеризовал ее специфический предмет (печатная и рукописная книга) и особые методы его изучения (поэземплярное описание произведений печати, анализ состава книжного репертуара конкретных исторических эпох, выявление динамики цен на книги и состава общественных и личных книжных собраний). Знаменательно, что практическое осуществление этой программы было начато С. П. Лупповым еще в 1970 г., когда появилась в свет первая из трех его монографий, открывающая серию «Книга в России» (1970—1976). Основные теоретические положения Луппова были приняты, дополнены и конкретизированы не только большинством советских специалистов, работающих в области истории, но и многими их зарубежными коллегами (Дж. С. Г. Симмонсом, К. Мигонем и др.). Луппов, по мнению Мигоня, успешно «доказал в своих работах, что такой (комплексный, функциональный) подход к истории книги возможен и что он открывает совершенно новые перспективы». ⁴

В этой связи особого внимания заслуживает недавно вышедшая в свет статья Пауля Раабе «Что такое история книги? Размышления о задачах и области исследования». ⁵ Знакомство с ней еще раз подтверждает тот факт, что ученые разных стран, школ и направлений проявляют редкостное единодушие в понимании актуальных задач, общей структуры

³ Луппов С. П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма. — В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 11.

⁴ Проблемы общей теории книговедения. Сборник статей. М., 1978, с. 75.

⁵ Raabe P. Was ist Geschichte des Buchwesens? Überlegungen zu einem Forschungsbereich und einer Bildungsaufgabe. — Buchhandelsgeschichte, Frankfurt am Main, 1976, № 8, S. 319—330. См. также: Hundert Jahre historische Kommission des Börsenvereins. 1876—1976. Frankfurt am Main, 1976, S. 9—45.

и специфических методов истории книги как комплексной научной дисциплины. «История книги, — справедливо считает западногерманский книговед, — представляет собой в высшей степени многообразное явление, объединяющее в себе экономические и социальные, культурные и научные аспекты. Нет книги вообще, ибо это всегда книга определенного типа и определенного времени». Трудно не согласиться со столь метким определением роли и сущности нашей молодой науки, так же как и с глубоко верной мыслью ученого из ФРГ о том, что «современное положение книги может быть понято только в контексте ее исторического развития». У исследователей всех стран должно встретить самую активную поддержку страстное желание Раабе привлечь внимание научной общественности к актуальным проблемам истории книги, ибо ее выводы адресуются не только, как часто принято считать, работникам книжного дела, но и максимально широкому кругу специалистов — историков культуры. «Современный историк, — по мнению нашего коллеги из ФРГ, — не может больше ограничиваться одной лишь политической историей и рассмотрением разных исторических форм правления; он исследует развитие социальных, экономических и культурных отношений в обществе и сообщает результаты своих трудов широкой читательской аудитории, стремясь активно участвовать в историческом процессе». Именно поэтому изучение истории книги представляется Раабе и его единомышленникам «первоочередной научной и политико-воспитательной задачей».

Естественно, что традиции, так же как и современные организационные формы изучения истории книги в СССР и в ФРГ весьма существенно отличаются друг от друга, причем сравнение объема научных публикаций в этой области пока еще говорит не в нашу пользу. В то же время у книговедов обеих стран имеется немало сходных проблем, важнейшей из которых Раабе справедливо считает неотложную подготовку критико-библиографических обзоров научного наследия историков книги прошлого столетия и новейших работ в этой области знания. Прежде чем продвигаться вперед в научном поиске, всегда необходимо тщательно подвести итоги тому, что сделано предшественниками. Это избавит от необходимости заново открывать давно всем уже известные истины, от бессмысленной затраты времени на выявление и осмысление ранее изученных материалов.

Подобно советским книговедам, Раабе представляет себе историю книги как комплексную науку, которая «охватывает все проблемы, связанные с историческим аспектом подготов-

ки к печати, набора и печатания, переплета, издания и продажи, чтения и коллекционирования книг». Внимательно проанализировав все этапы движения книги от автора к читателю, исследователь из ФРГ вполне логично предлагает расчленить в соответствии с ними историю книжного дела на несколько основных разделов. Некоторые из них (история книгопечатания, библиотековедение, история библиографии) «давно стали самостоятельными дисциплинами», другие — «только еще наметились». Обратимся же к системе классификации истории книги, разработанной Раабе, отмечая все то ценное в его выводах и рекомендациях, что может быть полезно нашим ученым.

История создания книги изучена еще очень слабо. Процесс подготовки рукописей к печати на ранних этапах развития издательского дела — область книговедения, почти не исследованная. Проблемы взаимоотношений автора и издателя (соотношение заказных изданий и «самотека»), вопросы авторского права, принципы и формы начисления литературного гонорара изучены очень плохо, так же как и методика работы издательских редакторов эпохи феодализма (составление титульного листа, предисловия и справочного аппарата, корректура). Только совсем недавно у нас были введены в научный оборот первые договорные документы между авторами и издателями XVIII в.; ждет еще исследователей и публикаторов эпистолярное наследие многих литераторов, находившихся в интенсивной переписке со своими работодателями.

История книгопечатания, как верно отмечает Раабе, издавна была наиболее хорошо разработанным разделом науки о книге, хотя и здесь для исследователя остается немало нерешенных проблем и загадок. До настоящего времени ученые-книговеды мало уделяли внимания вопросам стоимости изготовления книги, сопоставлению «типографских» (себестоимость) и продажных (рыночных) цен. От себя добавим, что вне поля зрения исследователей остаются и некоторые другие проблемы, связанные с историей книгопечатания: подготовка кадров полиграфистов, система оплаты и производительность их труда, совершенствование полиграфической техники. Для историка книги представляют интерес не только мощные (в России большей частью государственные) типографии, чья деятельность сравнительно хорошо изучена по широкому кругу источников, но и более мелкие частные полиграфические предприятия, зачастую не оставившие потомкам почти никаких сведений о себе, кроме своей печатной продукции.

В непосредственной связи с историей книгопечатания находятся (по классификации Раабе) очень интересные, но пока еще малоразработанные у нас проблемы, связанные с внешним оформлением книги: история книжной графики XVIII—XIX вв. (ранний период изучен гораздо лучше), история переплета и бумаги (точнее, материала для печатания книг). Отметим, что стоимость труда рабочих бумажных «мельниц», переплетчиков и граверов, так же как и качество выпускавшейся ими продукции, существенно влияли на продажные цены книг, а следовательно, и на рыночный спрос.

История книжной торговли представляет собой поистине необозримое поле для работы не только специалистов-книговедов, но и исследователей смежных дисциплин (экономистов, социологов). Эта «чрезвычайно сложная» область истории книги очень важна, ибо она, по справедливому замечанию Раабе, особенно ярко «отражает уровень хозяйственного и культурного уровня города, региона или страны». Более ста лет изучение проблем книжной торговли сводилось к публикации очерков о чисто внешней стороне деятельности отдельных «фирм» либо к эмпирической регистрации пунктов книгораспространения в некоторых городах и регионах. Никаких серьезных попыток глубоко проанализировать состав книжного ассортимента, предлагавшегося вниманию покупателей конкретных исторических периодов, регионов или даже крупнейших торговых фирм, практически не предпринималось. Вне поля зрения исследователей долго оставались столь важные вопросы, как проблема ценообразования в книжной торговле, динамика цен на книги, эволюция форм и методов книгораспространения (продажа вразнос, пересылка книг наложенным платежом в другие города, ярмарки, лотереи, букнистическая торговля, система оптовых и розничных «скидок» и пр.), а также взаимоотношения книготорговцев с властями, издателями, типографами и переплетчиками собственной страны и с зарубежными собратьями по «цеху». Не ответив на них, трудно было выяснить причины гармонии или дисгармонии между предложением и спросом, выявить экономические и социальные факторы, определявшие успех или крах того или иного издания, той или иной книготорговой фирмы.

История книжной торговли тесно переплетена с историей пропаганды книги — комплексной дисциплиной, учитывающей новейшие достижения социологии, библиографоведения, истории научной и литературной критики. Именно на этом уровне наиболее активно проявляется роль обще-

ственного мнения в формировании книжного репертуара, именно здесь следует искать истоки многих сложных процессов, определяющих интеллектуальное «лицо» эпохи, социальной группы и страны. К сожалению, столь важная научная дисциплина находится еще и в ФРГ и у нас в зачаточном состоянии.

Серьезным, а зачастую решающим фактором в судьбе книги являются не только те общественные установления, которые способствуют ее продвижению от автора к читателю, но и разного рода «прогатки» на этом пути. Отметим, что Раабе, составляя схему истории книжного дела, пропустил очень ответственный и интересный раздел — историю цензуры, хотя для зарубежных ученых он столь же существен, как и для нас.

История библиотек (общественного пользования и личных) прямо подводит нас к **истории читателя** — важнейшему, итоговому разделу книговедения. Появление в свет подытоживающих монографий об историческом прошлом и настоящем крупнейших научных книгохранилищ Европы (у нас БАН, ГПБ и др.) позволяет уделять больше внимания деталям рассмотрения отдельных сторон их деятельности (комплектование, состав и организация фондов, каталогизация, обслуживание читателей, подготовка библиографических пособий и трудов по книговедению). Гораздо хуже обстоит дело с изучением истории общедоступных (массовых) библиотек, ибо эти исследования нередко ведутся на невысоком профессиональном уровне и плохо скоординированы. Традиционный для книговедения ФРГ — и вообще Западной Европы — повышенный интерес к личным библиотекам как ценнейшим памятникам духовной культуры любого народа лишь один раз подтверждает перспективность разысканий в этой области (обследование мемориальных комплексов, реконструкция «распылившихся» собраний, выявление, дешифровка и изучение описей и каталогов), широко развернувшихся у нас в последние годы. Как справедливо подчеркивает Раабе, эта чрезвычайно ответственная и увлекательная работа является только преддверием к воссозданию истории читателя определенных социальных групп, стран и эпох. Реконструкция круга чтения давно ушедших из жизни людей требует привлечения всех доступных исследователю источников как книговедческого (каталоги личных библиотек, читательские формуляры, списки подписчиков, владельческие записи и пометы на книгах), так и литературного (дневники, мемуары, письма, прямые и «скрытые» цитации в научных трудах и беллетристике) характера. Мало того, здесь не обойтись без вдумчи-

вого изучения психологии чтения (индивидуального и группового) и ее трансформации под воздействием многообразных факторов.

Подводя итоги своим размышлениям над структурой истории книги как комплексной науки, автор статьи не случайно напоминает нам о ее «междисциплинарном» характере, проявляющемся в тесном взаимодействии со смежными, пограничными дисциплинами: историей наук, литературы и искусств (создание книги, книжная графика, книжный репертуар, собирание книг, круг чтения), историей педагогики (подготовка кадров работников книжного дела), историей техники (книгопечатание, бумага, переплет), историей юриспруденции (авторское право, законодательство о печати, цензура), историей экономики и финансов (книгоиздание, книгопечатание, переплетное дело, бумажная промышленность, книжная торговля), палеографией, текстологией и археографией (рукописная книга, книжный репертуар, круг чтения), историей периодических, специальных и «летучих» изданий (книжный репертуар, пропаганда книги, собирание книг, круг чтения), библиографоведением (пропаганда книги, круг чтения), библиотековедением (пропаганда книги, собирание книг, круг чтения), социологией и психологией (создание книги, книжный репертуар, пропаганда книги, собирание книг, круг чтения). Не следует также забывать и о том, что история национальной книги (по каким бы параметрам, языковым или территориальным, она ни выделялась) неразрывно связана с историей книжного дела за рубежом, ибо иностранная книга неизменно входит в круг чтения просвещенной части общества любой нации в любую эпоху.

«Междисциплинарные» перегородки на практике далеко не столь прочны, как в теории. Поэтому историку книжного дела нередко приходится выходить за рамки своих прямых обязанностей, глубоко проникая в область смежных наук там, где литературоведы, экономисты или библиографы не дают ответа на те или иные интересующие его вопросы. Думается, что подобного рода «экскурсы» имеют свои положительные и негативные стороны, так как наряду с расширением творческого диапазона специалистов-книговедов вносят определенный элемент дилетантизма в некоторые исследования, требующие узкопрофессиональных знаний (проблемы совершенствования полиграфической техники, ценообразования в книжном деле, психологии чтения и т. п.). Только разумное сочетание усилий теоретиков и знатоков конкретных областей книжного дела, общей эрудиции и глубокого понимания сути

специфических предметов откроет пути для превращения истории книги в поистине точную науку.

Как верно отмечает Раабе, история книжного дела не может ограничиться проблемами, связанными с созданием и бытованием собственно книги, без привлечения сведений о продолжающихся (газеты, журналы, календари, сборники и альманахи), специальных (географические карты и атласы, музыкальные ноты) и «летучих» (листовки, плакаты, афиши, рекламные проспекты, театральные программы и т. п.) изданиях. Все они проходят те же, что и книга, этапы на пути от автора к читателю, составляют неотъемлемую часть круга чтения разных слоев общества, а нередко используются для пропаганды (или рекламы) книжной продукции.

Не менее ценно еще одно методическое предложение ученого из ФРГ (постепенно осуществляемое на практике), считающего необходимым подвергнуть внимательному рассмотрению в историческом аспекте отдельные части книжного репертуара (типологические группы книг): научные и научно-популярные издания, учебные пособия, изящную словесность, книги для детей и юношества, массовую литературу. Напомним от себя о существовании еще одного, очень перспективного направления в историко-книжных разысканиях, оставшегося вне поля зрения Раабе. Это проблема бытования национальной книги за пределами государственных или языковых границ — чрезвычайно важная в общем контексте истории культурных связей между народами разных стран и континентов. Не подлежит сомнению, что углубленная разработка частных вопросов истории книжного дела во всех ее аспектах немало послужит выявлению общих закономерностей эволюции одного из наиболее мощных орудий человеческого знания — книги.

Как и следовало ожидать, автор статьи исходил в своих теоретических построениях из опыта работы с книжной продукцией германских государств, имеющей, по сравнению с русской, французской или польской книгой, определенные специфические особенности. Думается, что стремление Раабе ограничить область исследований книговедов исключительно печатью книгой, совершенно неприемлемо для тех стран, где рукописная книжность имела, в отличие от Германии, более прочные традиции, занимая вплоть до не столь давних времен значительный удельный вес в репертуаре чтения разных слоев общества. Столь же нецелесообразна для ученых многонациональных государств рекомендация историка из ФРГ, предлагающего своим коллегам сконцентрировать внимание на изучении книги определенных «языковых террито-

рий». Трудно не согласиться с правомерностью включения в серию монографий С. П. Луппова сведений по истории украинского, эстонского и грузинского книжного дела, ибо культура всех этих народов (разные «языковые территории») развивалась на протяжении нескольких столетий в рамках единой государственной, экономической и политической системы.

Расхождение во взглядах по отдельным, частным вопросам между учеными-книговедами разных стран, школ и направлений естественно. Нет ни малейшего сомнения в том, что не эти расхождения (вполне устранимые, на наш взгляд), а выкристаллизовавшиеся в процессе многолетней работы общие теоретические и методологические принципы должны определять отношения между разными отрядами историков книжного дела, взаимно обогащая теорию и практику книговедения всех стран и континентов. Пока еще рано говорить о широкой межгосударственной координации исследовательской работы в этой области знания, однако она несомненно отвечает требованиям времени и рано или поздно будет осуществлена в форме международных симпозиумов, совместных теоретических и практических работ на разном уровне, с разным составом участников.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХЕОГРАФОВ

14—16 февраля 1979 г. в Ленинграде происходила Первая всесоюзная конференция по проблемам научного описания и факсимильного издания памятников письменности. В работе конференции принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Астрахани, Вильнюса, Вологды, Еревана, Загорска, Киева, Новосибирска, Одессы, Соловков, Тарту, Тбилиси, Тулы, представлявшие Академию наук СССР и академии наук союзных республик, научно-исследовательские учреждения министерств и ведомств, архивы, библиотеки, музеи, высшие учебные заведения, издательства. На конференции заслушано 37 докладов и сообщений. 20 человек выступали в прениях.¹

Цели и задачи конференции были сформулированы в приветственном слове директора Библиотеки АН СССР Д. В. Тер-Аванесяна и в программно-постановочных докладах С. О. Шмидта и М. В. Кукушкиной, руководителей учреждений — организаторов конференции (Археографической комиссии и отдела рукописной и редкой книги БАН). В ходе заседаний были подведены итоги развития камеральной археографии за последние годы, обсуждены актуальные проблемы археографической практики, намечены направления будущих исследований и разработок.

В выступлениях и докладах отмечалось, что научные описания и факсимильные издания памятников письменности являются не только необходимой предпосылкой дальнейшего развития отечественной исторической и филологической науки, но и действенным методом пропаганды огромного культурного

¹ Тезисы докладов и сообщений см. в кн.: Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности», Ленинград, 14—16 февраля 1979 г. Л., 1979. 58 с. Подробный отчет о конференции см. в журнале «Советские архивы», 1979, № 6, с. 85—86.

наследия, полученного народами нашей страны от минувших поколений и хранящегося в архивах, библиотеках и музеях.

Оживление археографической и эдиционной работы в ряде крупнейших хранилищ нашло единодушное одобрение участников конференции. Вместе с тем многими выступавшими отмечались и серьезные недостатки в организации описания рукописей, отсутствие взаимной информации и координации в работе различных учреждений, необходимость унификации используемых терминов и понятий. Значительные трудности в археографической работе, особенно в периферийных хранилищах, возникают из-за недостатка подготовленных кадров и справочной литературы. В рекомендациях конференции содержатся конкретные предложения, направленные на устранение отмеченных сложностей и затруднений.

Факсимильное издание уникальных памятников письменности для отечественной науки и полиграфической практики является еще сравнительно новым начинанием, не получившим широкого размаха. Вместе с тем в последние годы наблюдается почти повсеместное оживление интереса к точному воспроизведению национальных реликвий. Подготовка факсимильного, в цвете, издания древних рукописей требует не только большого труда, но и значительных материальных затрат. Поэтому сейчас особенно актуальной является унификация принципов такого рода публикаций, разработка единой научно обоснованной методики подготовки разных типов факсимильных и фотомеханических изданий. В ходе конференции обсуждены и рекомендованы к внедрению в полиграфическую практику конкретные пожелания и требования, направленные к повышению научного уровняготавливаемых воспроизведенных памятников письменности.

На заседаниях обращалось внимание и на желательность разработки историографических сюжетов, связанных с камеральной археографией. Важность обращения к опыту прошлого обусловлена не только чисто историческими, но и практическими интересами. Многие проблемы, являющиеся сейчас дискуссионными, рождали споры и на рубеже XIX—XX вв., некоторые из них нашими предшественниками были — на своем уровне — успешно решены.

Обсуждение поставленных вопросов носило деловой характер. Ведущие специалисты центральных и местных хранилищ признали целесообразным периодическое (раз в 3—4 года) проведение подобных симпозиумов на базе различных хранилищ, ведущих активную археографическую и эдиционную работу. Материалы конференции готовятся к печати.

А. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>А. А. Амосов.</i> «Античная» библиотека Ивана Грозного. К вопросу о достоверности сохранившихся известий об иноязычном фонде библиотеки московских государей	6
<i>С. П. Луппов.</i> К вопросу об уточнении репертуара русской книги первой половины XVIII в. Новые данные о не дошедших до нас изданиях	32
<i>М. И. Фундаминский.</i> Библиотека кабинет-секретаря И. Эйхлера	43
<i>П. И. Хотеев.</i> Иностранные книги в библиотеках участников кружка Воынского	67
<i>В. С. Астраханский.</i> Новое о книгах В. Н. Татищева	76
<i>А. Х. Рафиков.</i> Книги на арабском языке в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в.	79
<i>Г. Н. Утин.</i> Русские рукописные карты первой половины XVIII в. в Библиотеке АН СССР и в архивохранилищах Парижа. (К итогам научной командировки во Францию в 1978 г.)	88
<i>Н. Ю. Бубнов.</i> Рукописи из собрания Рижской Гребеншиковской общины в Библиотеке АН СССР	97
<i>М. В. Истрина.</i> Академические переводчики в XVIII в.	105
<i>А. А. Зайцева.</i> Новые материалы о русских книжных лавках в С.-Петербурге в конце XVIII — начале XIX в.	116
<i>О. Е. Глаголева, И. Ф. Мартынов.</i> Книги из библиотеки К. Ф. Рылеева в Туле. (К вопросу о реконструкции круга чтения поэта-декабриста)	144
<i>Н. Б. Парамонова.</i> Издания Казанского университета по ориенталистике в период ректорства Н. И. Лобачевского (1827—1846 гг.)	151
<i>И. Ф. Мартынов, А. Д. Сыщиков.</i> К вопросу о предмете и методе истории книги как комплексной научной дисциплины. (По поводу статьи Пауля Раабе)	164
Хроника. Всесоюзное совещание археографов	173

**КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ
В XVI—XIX ВЕКАХ**

Сборник научных трудов

Редактор *Э. И. Кутасова*

* * *

Сдано в набор 23 VII 1980. М-21134.

Подписано к печати 31 XII 1980.

Бумага 60×90/16, тип. № 1.

Объем: 11,00 физ. печ. л.; 10,48 уч.-изд. л.

Тираж 1000 экз. Зак. № 146. Цена 65 коп.

Издательский отдел Библиотеки АН СССР
(199164, Ленинград, Биржевая л., 1)

Типография РПМ Библиотеки АН СССР
(199164, Ленинград, Биржевая л., 1)

*

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
6	6 снизу	Л.,	М.,
7	8 „	1898	1899
143	2 и 3 сверху в стб. 4-м	«иносуранные и рессийские книги»	«иностранные и российские книги»

Сборник научных трудов